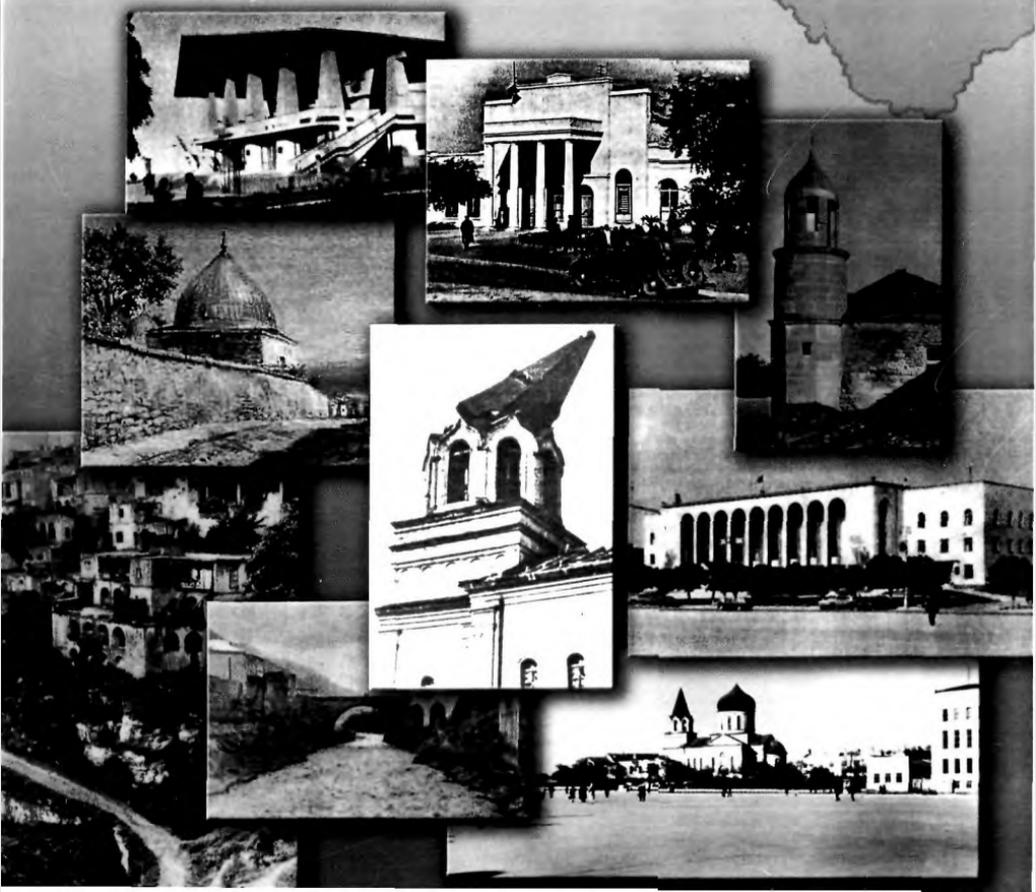

Г.И. Какагасанов

Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20-50-е годы XXв.

(Историко-документальное исследование)

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Г.И. Какагасанов

**Социальные противоречия
в дагестанском обществе
в 20-50-е годы XXв.**

(Историко-документальное исследование)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала – 2010

УДК 94 (470.67)
ББК 63.3 (2Рос-Дар)

К-16

instituteofhistory.ru

Рекомендовано к изданию ученым Советом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (протокол № 14 от 10 декабря 2010г.)

Работа издается в авторской редакции

Рецензенты:

*Г.А.Искендеров, доктор исторических наук, профессор.
С.И.Сулейманов, доктор исторических наук.*

Какагасанов Г.И.

К-16 Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20-50-е годы XX века (историко-документальное исследование). Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2010. – 240 с.

ISBN 978-5-904017-81-1

В работе рассмотрены вопросы организации и проведения коллективизации сельского хозяйства в Дагестане, принудительные хлебозаготовки, этапы раскулачивания и выселения кулачества республики за пределы Северо-Кавказского края и их последствия.

В специальных главах освещены вопросы взаимоотношений власти и интеллигенции, государственно-конфессиональных отношений, репрессии против научных, творческих работников, мусульманского духовенства, уничтожения культурного наследия и культовых сооружений в республике.

В работе не обойдены и вопросы реабилитации жертв политических репрессий в Дагестане. В качестве приложения даны наиболее значимые документы, относящиеся к теме исследования. Книга рассчитана на специалистов-историков и на широкий круг читателей.

УДК 94 (470.67)
ББК 63.3 (2Рос-Дар)

ISBN 978-5-904017-81-1

© Какагасанов Г.И., 2010
© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010

Оглавление

Введение	4
Глава I. Социально-экономическая и политическая ситуация в дагестанском селе накануне и в период проведения коллективизации.	16
Глава II. Организация и проведение сплошной коллективизации в Дагестане и ее последствия.	53
Глава III. Власть и интеллигенция Дагестана в 30-40-50-е годы XX века.	67
Глава IV. Государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в 20-30-годы XX века.	126
§ 1. Взаимоотношения власти и духовенства в Дагестане в 20-30-е годы XX века	126
§ 2. Организация и деятельность шариатских судов и Союза воинствующих безбожников в республике.	143
§ 3. Религиозная и антирелигиозная пропаганда и агитация в Дагестане в 20-30 годы XX века	163
§ 4. Репрессивные акты Советской власти против мусульманского духовенства в республике.	175
§ 5. Государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в 40-50-е годы XX в.	187
Реабилитация жертв политических репрессий в Дагестане. (Вместо заключения).....	201
Приложение	207
Список использованных источников и литературы.....	235

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

В условиях предстоящей модернизации производства, перестройки на этой основе жизни российского общества, улучшение социально-экономических условий народа важным является научная разработка и обобщение предыдущего исторического опыта перестройки и модернизации, их критическое осмысление.

Изучение исторического опыта советского строительства 30-50-х годов на протяжении многих лет было важным направлением советской историографии. Со второй половины 50-х и первой половине 60-х годов XXв. был подвергнут критическому анализу ряд основных положений концепции коллективизации: а) искривления и перегибы по отношению к среднему крестьянству; б) изменения сроков коллективизации без учета регионально-национальных особенностей и перелома в сознании крестьянских масс; в) характер трансформации экономической политики государства в период становления колхозного строя; г) масштабы издержек и экономических потерь в результате просчетов и перегибов в процессе преобразования сельскохозяйственного производства; д) формы и методы ликвидации кулачества как класса, его раскулачивание.

Курс коллективизации сельского хозяйства был определен XV съездом партии в декабре 1927г.. Готовясь к съезду ЦК ВКП (б) провел огромную аналитическую работу.

К концу 20-х годов XXв. в стране сложилась кризисная ситуация, вызванная трудностями в области хлебозаготовок. Держатели хлеба – кулаки и зажиточные середняки стали отказываться продавать его по государственным ценам, требуя почти тройного их повышения. Сказался разрыв между ценами частного рынка и ценами государственных предприятий. В результате нарастали диспропорции в темпах развития промышленности и сельского хозяйства, что грозило опасностью перебоев в снабжении городского населения хлебом, а промышленности сырьем, срывом экспертно-импортного плана.

В такой сложной экономической обстановке нельзя было не учитывать социальные аспекты товарообмена в такой жизненно важной отрасли аграрного сектора, как зерновое хозяйство: только 7 % товарного зерна давали колхозы и совхозы и почти 20% - частнокапиталистические хозяйства. И поэтому в 1928г. капиталистические элементы деревни стали саботировать государственные хлебозаготовки, предъявляя к Советской власти не только экономические, но и политические требования, предлагая снятия ограничений в свободной тор-

говле хлебом, отмены государственной монополии внешней торговли, предоставления избирательных прав лицам, лишенным таких прав.

Диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства серьезнейшим образом грозили темпам индустриализации и укреплению обороноспособности страны. Дефицит в хлебозаготовках диктовал необходимость ограничения потребления и введения карточной системы с осени 1928г.

Большинство крестьянства к концу 20-х годов XXв. разочаровалось. Они поняли, что на земле успешно будет хозяйствовать только тот, у кого есть капитал, скот, орудия и семена, а тот, у кого ничего этого нет, неизбежно пойдет в кабалу к кулаку.¹ И действительно на 10-м году Советской власти кулацко-зажиточная верхушка деревни владела почти 33% стоимости всех крестьянских средств производства и потому беднота и маломощные середняки вынуждены были арендовать средства производства на кабальных условиях у кулаков. Имея избыточные средства производства кулаки расширяли свои хозяйства путем эксплуатации наемного крестьянского труда. Введение НЭПа способствовало росту кулацких хозяйств в деревне и к 1927г. их количество достигло до 1,1 млн.. В этих условиях кулаки действовали агрессивно, боролись за расширение их экономических и политических прав, не останавливаясь при этом перед актами террора и диверсий. Только за период с января по март 1930г, по стране (без Украины), кулаки организовали 1678 вооруженных вылазок.

Итоги коллективизации были подведены на ноябрьском (1929г.) Пленуме ЦК ВКП (б). Пленум пришел к выводу о том, что начинается новый этап колхозного движения, ибо оно «превратилось в широчайшее движение бедняцких и середняцких масс и встало на путь быстрого развития крупных колхозов и сплошной коллективизации целых районов и округов».²

К сожалению, имело место и необоснованное форсирование коллективизации в тех районах, где не были еще созданы необходимые предпосылки, в том числе наличие материально-технической базы, подготовленных кадров руководителей крупного сельскохозяйственного производства. К таким регионам относился Дагестан.

Переход к сплошной коллективизации обусловил дальнейшее обострение классовой борьбы в деревне. Кулацкие хозяйства стали активно «самоликвидироваться», а кулаки обращать в деньги натуральную часть своего хозяйства, облегчая тем самым себе социаль-

¹ Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.12. С.96.

² КПСС в резолюциях и решениях... изд. 9-е. Т.5. М., 1984. С. 40.

ную маневренность. Это лишало хозяйства беднейших крестьян возможности использовать принадлежавшие кулакам средства производства после экспроприации и обобществления в коллективном хозяйстве.

В соответствии с решением ноябрьского (1929г.) Пленума ЦК ВКП (б) Комиссия Политбюро ЦК по коллективизации пришла к выводу о необходимости в районах сплошной коллективизации перейти от политики ограничения кулачества в политике ликвидации его как класса. Член Комиссии Г.Н. Каминский, работавший в те годы председателем Колхозцентра – ответственный за проведение коллективизации в Дагестане высказал мнение о том, что Дагестан «может ставить задачу к весне 1930г. коллективизировать всю равнинную площадь».

30 января 1930г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».¹ Согласно постановлению в районах сплошной коллективизации отменялось действие законов об аренде земли и применении наемного труда в сельском хозяйстве, конфискации у кулаков этих районов средства производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельхозпродукции, кормовых и семенных запасов. По постановлению были определены признаки кулацких хозяйств, разделенных на три категории: 1) контрреволюционный кулацкий актив, подлежащий немедленной ликвидации; 2) остальные элементы кулацкого актива (богатые кулаки и полупомещики), подлежащие высылке в отдельные районы СССР; 3) оставляемые в пределах данного района, но расселяемые на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках. По всем трем категориям подлежали заключению в концлагеря 6-8тыс. семейств и высылке 20 тыс. семейств, по всему Северному Кавказу и Дагестану, что составляло 13,3% всех хозяйств районов сплошной коллективизации.²

Состоявшийся в декабре 1930г. Пленум ЦК ВКП (б), а затем III сессия ЦИК СССР (январь 1931г.) ориентировали местные партийные и советские органы в основном завершить сплошную коллективизацию в 1931г. (до 80%) и на этой основе ликвидировать кулачество как класс. Установление таких жестких сроков означало и насильственное проведение коллективизации, что приводило к нарушению принципов добровольности при вступлении в колхоз.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т.2. М., 2000. С. 45. (Далее: Трагедия советской деревни...)
² Там же.

Между тем у организаторов и агитаторов колхозного движения проскальзывали угрозы и насилия, особенно по отношению к единоличникам, не выразившим особого желания вступать в колхозы. Считалось, что если в созданный в деревне колхоз вошли не все крестьяне-единоличники, остальных, в том числе бедняков и середняков, зачисляли в категории кулаков и включали их в списки, подлежащих высылке в отдаленные районы страны.

Проводимая политика ликвидации кулачества как класса в процессе коллективизации по существу была антикрестьянской. Эта политика привела к полной ликвидации кулацких хозяйств и для административных и финансовых органов, которые определяли принадлежность крестьянского хозяйства к категории кулацкой, становилась трудной задачей. Поэтому ЦИК СССР и Советское правительство в конце 1930 г. сделали попытку по-новому определить признаки кулацких хозяйств с тем, чтобы эти хозяйства обложить новыми налогами. В частности, органы власти на местах в число признаков кулацких хозяйств были включены: а) доход от занятости извозом; б) содержание постоянного двора; в) наличие чайного заведения (чайханы).

Такие меры государства способствовали проявлению недовольства граждан и возникновению антиколхозных, контрреволюционных организаций. В начале 1930г. Даготделом ОГПУ в семи округах Дагестана проводились оперативные мероприятия по ликвидации таких очагов сопротивления и было изъято 623 человека.¹ Массовые беспорядки, антиколхозные выступления были замечены в Дидоевском участке Цумадинского, в населенных пунктах Курахского, Касумкентского, Табасаранского и Буйнакского районов.

20 февраля 1935 г. начальник управления НКВД СССР по Северо-Кавказскому краю И.Я. Дагин издал приказ «О переселении кулацких хозяйств из национальных областей за пределы Северо-Кавказского края. По приказу из всех республик края подлежала переселению 1500 кулацких хозяйств, из них из Дагестанской АССР 450 хозяйств (30%).² Из намеченных 450 хозяйств к выселению, было выслано 416 хозяйств (92,4%). У высланных было изъято 300 домов, 213 га посева, 69,5 га садов и виноградников, 90 быков, 56 лошадей, 111 коров, 107 телят, 174 овец и коз, 2864 пудов кукурузы, 529 пудов пшеницы, 1514 пудов муки и другого имущества.³

17 сентября 1936г. бюро Дагестанского обкома ВКП (б) приняло постановление «О выселении кулацких хозяйств». Высылке подлежа-

¹ ЦГА РД. Ф. Р- 800. Оп.2. Д.21. Л. 96-100.

² Там же. Д. 73. Л. 89-94.

³ Там же. Л. 89-94.

ли 600 кулацких хозяйств за пределы Северо-Кавказского края из 21 района ДАССР.¹ Таким образом, в период в 1935 по 1936 гг. из Дагестанской АССР за пределы Северо-Кавказского края подлежали высылке 1016 хозяйств (96,7%).

Выселение кулацких хозяйств было вынужденным процессом Советского государства на пресечение обогатившегося в условиях НЭПа кулачества, лишения их экономических источников эксплуатации бедняков и середняков, попытка законодательного социального изменения статуса кулака. Органы Советской власти заботились о бытовом и трудовом устройстве переселенцев. Основная масса трудоспособных была трудоустроена на работу в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, их значительная часть была восстановлена в гражданских правах.

К началу 30-х годов XXв. Советское государство оказалось в ситуации, когда дальнейшее развитие общества невозможно было без снятия социальных противоречий, накопившихся в прошлом. Проблема выбора исторических альтернатив обострялась переходом страны к развернутой социально-экономической модернизации.

Другой важной задачей, решаемой руководством страны в тот период был поиск социальной базы для проводимых широкомасштабных реформ. Модернизация страны, осуществлявшаяся на базе унитарной, государственной собственности, неизбежно укрепляла позиции бюрократии. Однако она не могла обеспечить мобилизации всех здоровых сил общества, на достижение быстрого прогресса в экономике. С другой стороны не гарантировала сохранения выбранных партийной верхушкой темпов перевода страны на новую, индустриальную ступень развития. Итогом проводимой политики руководством страны были как сугубо административные, так и направленные на широкий общественный компромисс меры.

Взаимоотношения власти и интеллигенции в 30-50-е годы XXв. – важная часть исследования. Советская интеллигенция – это принципиально новый тип интеллигенции, вовлеченная в созидательную деятельность страны.

Советская, социалистическая интеллигенция Дагестана сформировалась в основном в конце 30-х, 40-50-е годы XXв. Между тем была и государственная программа формирования интеллигенции с привлечением на сторону Советской власти старых специалистов, вы-

движения их на руководящую партийную, государственную, военную и хозяйственную работу.

Между тем в 20-30-е годы и последующие годы некоторые местные партийные и советские органы допускали серьезные ошибки в работе с кадрами национальной интеллигенции. Несомненным является и тот факт, что история Советского государства периода 30-40 и 50-х годов XXв. – эта история невиданного трудового и ратного подвига многонационального народа страны, которые внесли величайший вклад в развитие и укрепление государства. История страны в этот период складывалась под воздействием режима власти, командно-административной системы, в условиях низкой культуры народных масс, распространения идеологии вождизма, упрощенческих подходов, необдуманных решений и забеганий вперед в экономике и политике, которые в конечном итоге сыграли трагическую роль.

Во второй половине 30-х годов XXв. начали разворачиваться невиданные дотоле элементы борьбы против всего, что квалифицировалось политической властью, как и местный национализм и тезис об обострении классово-борьбы в социалистическом обществе, который в условиях национальных республик обернулся репрессиями против всех носителей «местного», «буржуазного национализма».

Начало массовых репрессий как в стране целом, так и в Дагестане можно считать с обсуждения двух закрытых писем ЦК ВКП (б): 1) «Об уроках события, связанного со злодейским убийством тов. Кирова» от 18 января 1935г. (С.М.Киров был убит в Смольном 1 декабря 1934г. – Г.К.) и 2) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 29 июля 1936г.

В результате обсуждения этих двух писем были арестованы и исключены из партии последователи Троцкого и его «ставленника» в Дагестане Лелевича, уволены с завода «Двигательстрой» около 500 рабочих, прибывших из центральных районов РСФСР, в том числе 7-инженерно-технических работников. К репрессиям был подвергнут научно-исследовательский институт национальных культур при СНК ДАССР (из 23-х сотрудников 8 были арестованы), пострадали работники Дагпединститута, Дагконсервтреста, наркоматов просвещения и земледелия, областного комитета партии, райкомов и Махачкалинского горкома партии.

Проведению репрессий в республике способствовало обнаружение в 1937г. в архиве ДагЦИКа постановления расширенного пленума Дагобкома ВКП (б) от 24 сентября 1924г. о выходе Дагестана из состава Юго-Восточного края, подписанное 43-мя членами и кандидатами в члены обкома, известное как письмо «Платформа-43-х». Нахо-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д.3915. Л.516-519; Опул. в кн.: Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1933-1940 гг. ч. II. Махачкала. 1976. С. 214-218.

дящиеся в Дагестане в 1937г. 19 подписантов этого письма были арестованы как «буржуазные националисты», «враги народа», заведены уголовные дела, а некоторые были расстреляны, в том числе первые лица республики.

Важным моментом в организации и проведение массовых репрессий в Дагестане было реализация решений февральско-мартовского (1937г.) Пленума ЦК ВКП (б) и выводов доклада И.В.Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

Тезис И.В. Сталина «Об усилении классовой борьбы по мере дальнейшего продвижения советского общества к социализму», выдвинутый еще в 1928г. и озвученный снова на пленуме ЦК способствовал усилению волны массовых репрессий против партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников, рядовых коммунистов и беспартийных.

После февральско-мартовского (1937г.) Пленума ЦК ВКП (б) были арестованы и посажены в тюрьму 5 членов и кандидатов в члены бюро обкома партии, 15 членов пленума, 37 партийно-советских работников, 75 хозяйственных работников. Из 105 членов обкома партии, избранных на XIII областной партконференции (январь 1934г.) к XV конференции (май-июнь 1937г.) осталось 55 человек (52,4%).

Для ускорения реализации решений февральско-мартовского (1937г.) Пленума ЦК ВКП (б) решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 24 июля 1937г. были утверждены тройки и лимиты, подлежащие репрессированию в республиках, краях, областях СССР. В состав тройки по Дагестанской АССР были включены нарком внутренних дел В.Г.Ломоносов, первый секретарь обкома ВКП (б) Н.П.Самурский (с сентября 1937г. М.Ф.Сорокин) и председатель спецколлегии Верховного Суда ДАССР И.Ф.Шиперов (работал до 28 ноября 1937г.). Был определен и лимит, намеченных к расстрелу 600 человек и высылке 2585 чел.¹ Повторный лимит для Дагестана был утвержден решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 26 сентября 1937 по заявке Дагобкома ВКП (б) за подписью Н.Самурского в количестве 1200 человек по первой категории и 3300 человек – во второй. Итого: 4500 человек.²

Выполняя данный лимит, тройкой НКВД ДАССР за период с 29 августа 1937г. по 10 марта 1938г. было арестовано 5252 чел.³ Из них

более 2000 были осуждены по первой категории (расстрел), остальные – на 8-10 лет заключения в лагеря.¹

Протоколы заседаний тройки НКВД ДАССР (их было всего 55) подписывались Ломоносовым (председатель), Сорокиным, Саввиным, Гуснединовым (члены) и секретарем Богдановым. Подписи членов тройки Самурского и Шиперова во всех протоколах отсутствуют. В некоторых протоколах отсутствуют подписи и других членов тройки.

Из показаний арестованного В.Г.Ломоносова (январь 1939г.) явствовало, что «все дела, подлежащие рассмотрению тройки, рассматривались лично Ломоносовым и намечались меры наказания, после чего протоколы направлялись на подпись Сорокину и Саввину. Таким образом, протоколы оформлялись без рассмотрения на заседаниях тройки.²

Следующий этап ужесточения репрессий в республике был связан с публикацией заказных статей в трех центральных газетах в «Комсомольской правде» - «Политические слепцы в Дагестанском обкоме ВЛКСМ» от 20 сентября 1937г.; в «Известиях» - «Буржуазные националисты орудуют в Дагестане» от 21 сентября 1937г.; и в «Правде» - «Гнилая позиция Дагестанского обкома» от 24 сентября 1937г.

В результате обсуждения этих статей в республиканской партийной, комсомольской и советской организациях были арестованы, сняты с работы и осуждены 182 человека, в том числе все первые лица республики: первый секретарь обкома партии Н.Самурский, председатель ДагЦИКа М.Далгат и председатель Совнаркома республики К.Мамедбеков.³

В эти же годы пострадала и творческая интеллигенция Дагестана: авторы учебников для начальных классов на лакском, кумыкском, лезгинском и аварском языках.

17 ноября 1938г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преступлениях, прокурорском надзоре и ведении следствия» впервые были сужены функции органов НКВД, им запрещалось проводить массовые аресты и высылки людей. Были ликвидированы судебные «тройки», «особые совещания» их функции были переданы судебным следственным органам.

На основании данного постановления в начале 1939г. в республике работала Комиссия Союзного НКВД, где было установлено массовые незаконные аресты в Дагестане, засоренность органов НКВД

¹ Трагедия советской деревни... Т.5. Кн.1. 1937. М., 2004. С. 324-325.

² РГАСПИ. Ф 17. Оп. 166. Д.580. Л. 32: Оpubл. там же. С. 368.

³ Архив ФСБ РФ по РД. ФРМ. № 1-58.

¹ Махачкалинские известия. 1995. 10 марта.

² Там же.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.1. Д. 3685. Л. 10-11.

республики сторонниками арестованного начальника управления Ломоносова, покровительство его деяний секретарем обкома партии Сорокиным. Решением ЦК ВКП (б) он был освобожден от обязанностей секретаря обкома партии.

В соответствии с постановлением от 17 ноября 1938г. были начаты пересмотр уголовных дел, осужденных в 1934-1938гг. Всего было рассмотрено дел на 14793 человек, из них были оправданы и освобождены из заключения 12 132 человек (82,1 %).¹ Процесс реабилитации был продолжен и в последующие годы. По данным УФСБ РФ по РД на конец 2005г. в Дагестане было реабилитировано 15 673.²

Начиная с 1956г. после разоблачения культа личности в республике начался процесс реабилитации партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, инженерно-технической и творческой интеллигенции. Основанием для реабилитации послужили принятие государством ряд законодательных актов, в том числе Указ Президента СССР от 13 августа 1990г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов», Закон Российской Федерации от 18 октября 1991г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Только в 1994г. в Дагестане были рассмотрены около 800 уголовных дел, по которым проходили 1900 человек и большинство из них были оправданы.

Со времени установления Советской власти в национальной политике государства в отношении мусульманского духовенства делались некоторые уступки. Вплоть до 1927 года сохранились шариатские суды, не подвергались конфискации вакуфные земли, до 1925-26 учебного года работали примечетские (коранские) школы, мектебы и медресе, работали почти во всех населенных пунктах мечети и к концу 1932г., т.е. до начала антирелигиозной пятилетки их количество достигло до 1725.³

Декрет Советского государства «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918г., известный в истории как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Дагестане долго дискутировался и лишь 5 декабря 1921г. был введен в первую Конституцию ДАССР.

В 20-е годы XXв. для религиозных деятелей Дагестана характерна противостояние между шейх-уль-исламом Али-Хаджи Аку-

шинским, поддержавшим Советскую власть, потом отошедшим от нее и «имамом» Нажмутудином Гоцинским - ярким противником Советской власти, осужденного участниками съезда горских племен Дагестана в сел. Кахиб Гунибского округа 20 ноября 1923г., как «лжеимама, погубившего массу людей ради своих баранов и денег..., объявившего изменником дагестанского народа и мусульман всего мира».¹

Важным документом, регулирующим взаимоотношения религии и государства было постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929г. «О религиозных объединениях», идеи и положения, которого сохранили свою силу вплоть до 1990г. Постановление законодательно закрепило положение о том, что религиозные общества не вправе заниматься какой-либо другой деятельностью, кроме религиозной, о том, что религиозные объединения необходимо вытеснять из жизни советского общества. Согласно постановлению запрещалось преподавание религиозных вероучений в государственных, общегосударственных и частных учебных заведениях, кроме специальных курсов и школ Богословского толка и то с разрешения НКВД РСФСР и ЦИКа автономных республик.²

Постановление способствовало ужесточению репрессивных актов против мусульманского духовенства республики. Постановлением коллегии ОГПУ Дагестана от 30 апреля 1929г. были приговорены к высшей мере наказания (расстрел), осуждены к различным срокам лишения свободы (от 8 до 10 лет) 62 жителя представителей мусульманского духовенства Даргинского округа.

Руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля в стране активизировал свою деятельность «Союз – воинствующих безбожников» и его отделения в регионах, созданных в конце 20-х годов XXв. В Дагестанское отделение Союза к середине 1930г. было вовлечено около 75 тыс. человек. Именно с конца 20-х годов XXв. началось преследование духовенства страны, объявив 1932-1937 годы годами антирелигиозной пятилетки, в результате выполнения которой должно было исчезнуть религиозное сознание советских людей.

По неполным данным с начала 1930 г. по октябрь 1933г. в республике было арестовано 1212 человек, представителей мусульманского духовенства.

На 1 января 1936 г. по 34 районам и 2 городам (Махачкала и Дербент) общее количество культовых зданий всех конфессий в республике числилось 1939, из них мечетей – 1820, церквей – 30, синагог

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане(Документы и материалы). Махачкала. 1997. С. 438. (Далее: Репрессии 30-х годов в Дагестане...).

² Сулейманов С.И. Книга памяти жертв политических репрессий 20-50-х годов XX века в Дагестане. Т.1. Махачкала. 2007. С. 48.

³ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.49. Л. 74.

¹ Красный Дагестан. 1923. 16 декабря. № 282.

² Бюллетень НКВД РСФСР, 1929. 24 октября. № 378. С. 685-698.

– 14, молитвенных домов – 75. Из общего количества культовых зданий было закрыто 1026 (52,9%), незакрытыми оставались – 913 зданий (89,0%), из них действующими оставались только 726 зданий (79,5%).¹

Закрытие культовых зданий продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Из действующих 662 мечетей к началу войны не осталось ни одной.

Великая Отечественная война явилась спасением для всех конфессий. Прекратилось преследование духовных лиц, атеистическая пропаганда, начали открываться культовые здания. Почти в каждом районном центре республики были открыты по одной мечети. Более того, в 1944г. было создано Духовное Управление мусульман Северного Кавказа с центром г.Буйнакске, избран муфтий. Было разрешено паломничество к святым местам Саудовской Аравии, восстановлен закят в пользу бедных.

В 1943г был образован Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ), а на местах аппарат его уполномоченных, который регулировал отношения между органами государственной власти и религиозными организациями.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны был начат процесс возрождения религиозных объединений. Было разрешено празднование религиозных праздников «Ураза-Байрам» и «Курбан-Байрам». Эти дни были объявлены выходными днями. Однако правовые отношения между властью и религиозными организациями продолжали строиться на основании вышеупомянутого постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929г.

В послевоенные годы в идеологической деятельности партийных органов республики преобладала пропаганда естественно-научных знаний. На партийных форумах рассматривались вопросы состояния и улучшения антирелигиозной пропаганды по линии общества «Знание» читались лекции на антирелигиозные темы.

Несмотря на это по данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров ДАССР отмечалось, что в 1948г. посещаемость верующими действующих мечетей в отдельных районах во время пятничного намаза значительно возросла, продолжалось празднование религиозных праздников, организация паломничества к т.н. «святым местам».

В связи с активизацией религиозной деятельности на всей территории СССР ЦК КПСС принял постановление от 7 июля 1954г. «О

крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». ЦК обязал все партийные органы страны развернуть научно-атеистическую пропаганду, проводить ее среди наиболее отсталой части населения, находящейся в плену религиозных представлений, среди молодежи, особенно сельской; рабочих, крестьян, служащих; студентов и школьников.

Таковы основные социальные противоречия в дагестанском обществе, связанные с проведением коллективизации, репрессий в отношении малочисленной интеллигенции республики, преследования духовенства и закрытием культовых зданий.

Исследование подготовлено на основе ранее изданных сборников документов и материалов в отделе историографии и источниковедения Института ИАЭ: «Репрессии 30-х годов в Дагестане». Махачкала. 1997; «Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927-1940гг.). Документы и материалы. Махачкала. 2007; «Власть и мусульманская религия в Дагестане. 1917-1991гг. Махачкала. 2007; «Аграрные преобразования и переселения горцев на равнину» в 2-х томах: Махачкала. 2006.

В работе широко использованы опубликованные документы в 5-ти томном издании «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы 1927-1939. М., РОССИЭН. 1999-2006; 4-х томном издании «Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. 1918-1939гг. М., 2000-2003; «Россия. XX век. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. М. 2003., а также «Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР в двух частях. Ч. I. 1927-1932; ч. II 1933-1940. Махачкала. 1976.

В исследовании использованы документы из фондов ЦГА РД (1-п – Дагестанский обком ВКП (б), КПСС; Ф. Р-800 – Информационные сводки ОГПУ, 3-п – Махачкалинский горком ВКП (б) и др.).

Автор благодарен коллегам ученым – историкам отдела изучения и публикации исторических источников, членам ученого Совета ИИАЭ ДНЦ РАН за советы и пожелания, высказанные при обсуждении работы.

instituteofhistory.ru

¹ ЦГА РД. Р-564. Оп.3. Д.4. Л. 1-92.

Глава I

Социально-экономическая и политическая ситуация в дагестанской деревне накануне и в период проведения коллективизации.

Коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание важнейшие политические события в истории российского крестьянства.

В решениях VIII съезда РКП (б) (март 1919г.) были сформулированы основные принципы перехода крестьянских хозяйств к коллективным формам землепользования: добровольность, убеждение практическим примером, создание материально-технических условий, самодеятельность. Эти принципы социалистического преобразования сельского хозяйства явились исходными для ленинского кооперативного плана. Тогда же, в 1919г. теоретиком крестьянской кооперации А.В.Чаяновым была разработана концепция «кооперативной коллективизации» сельского хозяйства страны, согласно которой, не разрушая мелкого хозяйства, предлагалось организовать на началах крупного производства те отрасли сельского хозяйства, где можно было получить высокий экономический эффект. «Кооперативная коллективизация» представляла собой наилучший путь внедрения в крестьянское хозяйство «элементов крупного хозяйства индустриализации и государственного плана»¹. По высказываниям Н. И. Бухарина, чаяновские идеи, «самоколлективизации» крестьянских хозяйств через кооперацию вошли в ленинский кооперативный план социалистического развития деревни»².

Массовая коллективизация крестьянских хозяйств, как исходный пункт движения к социализму, исключалось. Общественное в масштабах страны сельскохозяйственное производство должно было сложиться как результат длительного преобразовательного процесса, решающая роль в котором принадлежала крестьянской кооперации. В марте 1925г. Н.И.Бухарин говорил следующее: «Мы не можем начать социалистическое строительство в деревне с массовой организации коллективных производственных предприятий. Мы начнем с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии... Коллективные хозяйства – эта не главная магистраль, это один из добавочных, но очень существенных и важных путей. Когда дело кооперирования

крестьянства получит мощную поддержку со стороны всеразвивающейся техники, электрификации, когда мы будем иметь больше тракторов, тогда неизмеримо усилится и темп перехода к коллективному земледелию»¹.

Кооперация становилось определяющим фактором новой экономической политики государства, поскольку она решала проблему социалистического развития для основной массы населения «Не кооперацию надо приспособить к НЭПу, а НЭП к кооперации»² писал В. И. Ленин в письме члену Центросоюза В.А.Тихомирову 1 марта 1922 г.

Переход к НЭПу в огромной степени был осложнен военной разрухой и бедствиями голода 1921-1924 годов. Начавшийся голод в 1921 г. на Дону, Украине и Поволжье продолжался вплоть до 1924 г. По сообщению земельной сводки информационного отдела ГПУ от 11 мая 1923 г. голодом был охвачен и Гунибский округ Дагестанской АССР, где голодали до 75% населения. Рабочий скот в округе почти полностью был истреблен. Посевной материал и продукты питания долго не могли перебрасывать из-за отсутствия транспорта. В связи с тяжелейшим положением в обеспечении населения округа продуктами питания было возбуждено ходатайство перед Юго-Восточными и центральными органами об освобождении населения от общегражданского и трудгужевого налога.

Посевная кампания 1923 г. во всех горных округах Дагестанской республики тормозилась вследствие невозможности доставки туда семенного материала из-за отсутствия даже вьючного транспорта. Состояние же озимых посевов 1922-1923гг. хотя было удовлетворительное, все же была опасность потери урожая из-за наличия вредителей (полевых мышей, которыми было охвачено до 350 тыс. десятин земли (381,5 га), а также саранчой)³.

По данным сводки на 8 июня 1923г. во всех округах Дагестана посевная кампания прошла успешно. Этому способствовала своевременное получение и распределение семенного материала. Состояние озимых было неплохое. Заряженные участки полевыми мышами сократилось до 85 тыс. десятин (92,6 тыс. га). Успешно велась борьба с саранчой⁴. К сожалению, в сентябре 1923 г. в земельной сводке информационного отдела ГПУ сообщалось о том, что все население На-

¹ Правда, 1925, 6 марта

² Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 195

³ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. Т.2. 1923-1929. М., 2000. С. 99. (Далее: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД...)

⁴ Там же, С. 110

¹ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. 15, 16, 24.

² Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 97

горного Дагестана, ввиду стихийных бедствий (дожди, градобитие), уничтоживших посевы, находятся под угрозой голода. Говорилось о необходимости продовольственной помощи, так как во многих округах был уничтожен весь урожай. Такое же положение было и в северных районах Дагестана, в частности в Караногайском районе.

Дагестанское экономическое совещание (ЭКОСО) наметило ряд мер по восстановлению благосостояния жителей Нагорного Дагестана, в частности были открыты единые потребительские общества (ЕПО) в населенных пунктах, а торговому отделу Дагсовнархоза было предложено установить торговые отношения с населением, а кочевников на плоскости освободить от хлебного налога, заменив его местным.

С 1925 по 1927 г. были годами НЭПа – время без принудительных хлебозаготовок и отсутствия голодающих территорий. За эти годы с достаточной убедительностью выявилась способность НЭПа через развертывание рыночных отношений активизировать все наличные производственные силы страны обеспечить общий хозяйственный подъем как основу движения к социализму. Решающее значение имел рост объемов сельскохозяйственного производства в его реальных формах, тогда преимущественно мелкокрестьянских хозяйств, вовлекаемых через кооперацию в русло производственного совершенствования и социального преобразования.

Признание рыночных отношений основой НЭПа вовсе не отрицало их ограничения определенными рамками регулирования со стороны государства. Разумно регулируемые рыночные отношения и связи обеспечивали общественно необходимые пропорции в экономическом развитии.

НЭП обеспечил восстановление сельскохозяйственного производства. Разруха в промышленности и на транспорте, необходимость восстановления этих отраслей народного хозяйства требовали значительных средств, которые могли быть получены только на мировом рынке в обмен на хлеб, лес и сырье.

В 1923 г. экспорт хлеба был возобновлен и стал важным источником накопления средств для промышленности. Объективная необходимость ускорения промышленного развития страны порождала давать планы регионам, превышающие реальные возможности получить хлеб для экспорта. На XIV съезд в ВКП (б) (декабрь 1925 г.) зам. председателя Совнаркома СССР Л. Б. Каменев о просчетах и планах хлебозаготовок урожая 1925 г. говорил так: «мужичок регульнул нас»... «На 200 миллионов пудов нас поправили». В результате капиталовложения были сокращены с 1,1 млрд. руб. до 700-800 млн., т.е.

на 37,% и тем самым «весь темп пришлось свернуть»¹. Заметно возросший урожай 1926 г. позволил увеличить экспорт хлеба и выравнять «темпы» промышленного роста.

На первых порах 1923 г. (сентябрь, октябрь месяцы) налоговая кампания по стране протекала успешно. Этому способствовали следующие моменты: к моменту объявления хлебного налога цена на хлеб колебалась от 180 руб. за пуд (16 кг.). Эквивалент денежной замены был дан 110 руб. за пуд. Так как цена на хлеб превышала должный эквивалент, то крестьяне бросили на рынок свой хлеб и стали вносить налог деньгами. В связи с этим рыночная цена на хлеб пала с 130 до 90 руб. за пуд, а в южных районах давали и по 80-90 руб. за пуд. С 15 октября 1923 г. эквивалент со 150 руб. за пуд повысилась до 260 руб., т.е. на 110 руб. или на 73,3%. При таких низких рыночных ценах на хлеб крестьянину приходилось для уплаты денежной части налога продавать не пуд ржи, а два пуда, ибо пуд ржи стоил 130 руб., а деньгами крестьянин должен был уплатить налог 260 руб., т.е. стоимость двух пудов ржи².

В обзоре ОГПУ о политическом состоянии СССР на декабрь 1924 г. сообщалось о том, что в январе 1925 г. на «Северном Кавказе» многочисленные грабежи и угоны скота не прекращаются. Наиболее остро этот вопрос стоял в Дагестане и Чечне, где к отмеченным явлениям добавились случаи кровничества и вооруженных столкновений. Почти каждый более или менее крупный конфликт заканчивался перестрелкой и влек за собой сильное обострение взаимоотношений в дальнейшем. В Чечне в начале 20-х годов начал развиваться новый вид бандинизма – увод людей в заложники с целью получения выкупа³.

С 1926 г. к проведению хлебозаготовок впервые после перехода к НЭПу привлекались органы ОГПУ. Этим органам предписывалось меры к раскрытию и пресечению обычных для хлебозаготовок деятельности преступлений: растрат, подлогов, хищений, порчи зерна⁴.

9 ноября 1928 г. начальник ЦСУ СССР П. И. Попов сделал доклад на коллегии «Конъюнктура народного хозяйства СССР за 1927/1929 год», где говорилось о запасах зерна 900 млн. пудов. Проверкой Экспортного Совета было доказано, что запасов было не 900 млн., а 529 млн и они оказались увеличенными на 371 пудов или на

¹ XIV съезд ВКП (б). 18-31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М. – Л. 1926. С. 263, 264.

² Там же, С. 150.

³ Там же, С. 269.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 660. Оп. 1 Д. 164. Л. 194, 195.

42,2 %. Такие цифры не способствовали проведению правильной хозяйственной политики.

«Мифические», по выражению Н. И. Бухарина¹, 900 млн. пудов хлебных запасов сыграли роковую роль в отношениях государственной власти и крестьянства. «Никакая коллективизация невозможно без известного накопления в сельском хозяйстве, ибо машины нельзя получить даром, а из тысячи сох нельзя сложить ни одного трактора»,² - говорил Н.И.Бухарин.

С этих мнимых цифр начался слом НЭПа. Преувеличенные расчеты хлебофуражного баланса Экспортного Совета ЦСУ, на которых строился годовой план хлебозаготовок, критиковались в докладе наркомторга РСФСР Г.В.Чухриты на заседании Экономического Совета РСФСР 24 декабря 1927г. Он говорил о том, что «оставшаяся от прошлогодней заготовительной кампании товарная часть хлеба поступит на рынок в текущем году, не оправдывается, потому что в 1927 г. мы имеем отдельную географию урожая – там, где был хороший в 1926г. и крестьянство располагало этой потенциальной товарностью хлеба, оказался недород, изменивший расчеты хозяйства в сторону уменьшения предполагаемой реализации, усугубленной неблагоприятными осенними хозяйственными условиями»³.

Хлебная проблема играла важнейшую роль в деревенских событиях конца 20-х годов. Миф о хлебном изобилии, созданный посредством невероятных преувеличений, должен был убедить руководство страны в возможности получения такого количества зерна, которое обеспечивало решение проблемы средств для ускоренной индустриализации, для укрепления обороны страны.

Испытанным аргументом для выполнения намеченных программ являлось наличие внешней опасности, угроза войны. Это была главным аргументом 1927 г. и доказательством необходимости принятия «чрезвычайных мер» при проведении хлебозаготовок, удержания власти в руках большевистской партии, уничтожение и ликвидации всякой оппозиции, существующей в стране. Общепризнанной оппозицией рассматривались остатки монархических и белогвардейских сил, как в городе, так и в деревне. Толчком для проведения таких репрессий послужило убийство русскими монархистами 7 июня 1927 г. в Варшаве посла России Волкова. Уже 8 июня было принято решение Политбюро ЦК ВКП (б) с поручением ОГПУ принять решительные

меры в отношении белогвардейцев, предлагалось производить массовые обыски и аресты. Политбюро ЦК ВКП (б) согласилось на то, чтобы разрешить ОГПУ право вынесения внесудебных приговоров вплоть до расстрела. Репрессии обрушились и на представителей ЦКК и, прежде всего на Троцкого и Зиновьева и 20 июня их уже вывели из состава ЦК.

На XV съезде ВКП (б) (декабрь 1927 г.), исключившим из партии не только Троцкого и Зиновьева, но и всех активных деятелей оппозиции, сразу же развязал руки для слома НЭПа и радикального решения всего узла социальных и экономических проблем командно-административными методами

Репрессивная машина с самого начала стала приобретать более широкий, всеобщий характер, особенно в деревне, где находилась основная масса людских и материальных ресурсов страны.

По окончании XV съезда ВКП (б) на следующий день 22 декабря 1927г. было создано заседание Политбюро, избранного съездом, где были приняты постановления «О хлебозаготовках», проект директив ЦК местным парторганизациям, состав уполномоченных для посылки на места. Это уже был шаг по введению в стране «чрезвычайщины».

29 декабря 1927г. был сделан шаг к прямому насилию в организации хлебозаготовок. В эту сферу были вовлечены и органы ОГПУ. Уже в январе 1928г. органами ОГПУ была разослана директива – распоряжение всем территориальным органам об их непосредственном участии в хлебозаготовках в качестве карательных органов. В распоряжении указывалось немедленно с согласия губкомов произвести аресты наиболее крупных частных хлебозаготовителей и наиболее злостных хлеботорговцев, срывающих конвенционные заготовительные и сбытовые цены...¹».

Вслед за распоряжением ОГПУ 5 января 1928 г. за подписью секретаря ЦК И.Сталина была издана директива ЦК ВКП (б) парторганизациям хлебозаготовках, где было записано «принять к исполнению все прежние указания ЦК в отношении изъятия денежных накоплений из деревни; установить максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне по налогам, страхованию, семсудам; не допускать отсрочек по ссудным обязательствам кредитной системе и организовать сбор авансов под поступающие промтовары и сельскохозяйственные машины; добиваться досрочных взносов всех платежей, одновременно развернув кампанию по распространению крестья-

¹ Трагедия советской деревни ...Т.1. С. 136.

¹ Бухарин Н.И. Проблемы теории и политики социализма. М., 1989. С. 299.

² Там же. С. 301

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док. и мат. 1927-1939. Т.1 май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 115.

янского займа и сборов кооперативных паев; срочно установить дополнительно местные сборы на основе законов и самообложения.¹

При взыскании недоимок по платежам применялись жесткие меры, в первую очередь, в отношении кулачества. Особые репрессивные меры применялись в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих сельскохозяйственные цены.

Вслед за директивой от 5 января 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б), опросным методом 7 января приняло решение о разработке «декрета о крестьянском самообложении». Политбюро 9 января признало необходимым «немедленную поездку на места по делам хлебозаготовок: Орджоникидзе – в Сибирь, Молотов – на Урал, Микоян – на Северный Кавказ, Кубяко – в Казахстан. На подмогу в Сибирь 14 января выехал и сам Сталин².

Поездки руководителей страны на места в качестве уполномоченных Совета Труда и Оборона (СТО) – ЦК партии по хлебозаготовкам составляет особую страницу в истории советского крестьянства. В этих поездках Сталин и его ближайшие руководители преподавали местным руководящим партийным и советским кадрам уроки массового применения командно-административных методов проведения хлебозаготовительных кампаний.

Эти методы не ограничивались критикой недостатков партийных и советских органов в хлебозаготовительной кампании, а включали в себе широкое применение репрессивных мер на партийных и советских работников, иногда заканчивавшихся исключением из партии, снятием с должностей и передачей дела в суд. Особо усердствовали уполномоченные по хлебозаготовкам в отношении кулака, к которому применялись жесткие меры (аресты, штрафы, судебные кары).

Особо следует отметить поездки в Сибирь И.В.Сталина, продолжавшаяся с 18 января по 4 февраля 1928 г. Именно во время этой поездки впервые были введены в действие применительно к хлебозаготовкам статьи Уголовного кодекса РСФСР - 107 (против частных скупщиков хлеба), 105 (против пособников спекуляции хлебом), 60 (против недоимщиков при взимании налогов).

Наиболее полные и конкретные данные о составе репрессированных в процессе хлебозаготовок были опубликованы 5 апреля 1928 г. органами ГПУ Северо-Кавказского края: на 15 марта 1928г. органами было арестовано 2638 хлебников, из них в городе – 275, в деревне – 2363. Судом было приговорено – 1298, из них торговцев – спекулянтов – 288,

кулаков – 724, середняков – 114, бедняков – 22, служащих – 55 и прочих 85. По данным крайпрокуратуры и суда на 15 марта 1928г. было осуждено 4225 человек, в том числе торговцев-спекулянтов – 778 (18,4%), кулаков и арендаторов – 1186 (28,1%), середняков – 1319 (31,2%) бедняков – 308 (7,3 %), служащих и прочих – 634 (15%)¹.

По приговорам судов и троек изымалась основная часть хлебного запаса у крестьян. Оставшегося хлеба не всегда хватало, чтобы хозяйство могло дотянуть до нового урожая. Как показывает данные по Северо-Кавказскому краю и жалобы, поступившие в Президиум ВЦИК от осужденных по делам о хлебозаготовках на 15 марта 1928 г., с самого начала среди осужденных оказывалось немало середняков (31,2%) – самое большое количество бедняков (7,3%). Надо понимать, что жалоб в высшие органы государственной власти отражали чаще крайние случаи «перегибов извращений» в политике хлебозаготовок. У крестьянства отбирался не только хлеб, но и налагали большие штрафы, отбирался скот, включая и рабочий, сельхозинвентарь, постройки.

31 марта 1928г. местным органам ОГПУ был разослан циркуляр Секретно-оперативного управления (СОУ) «О принятии мер в связи со случаями извращения классовой линии советским аппаратом при проведении массовых кампаний в деревне». В циркуляре отмечались «многочисленные факты неправильных действий соваппарата, носящих нередко характер произвола (насильственное принуждение к вывозу хлеба, приобретению займа и т.п. путем избиений, угроз оружием, высылкой, арестом ОГПУ и т.д.)... Во многих случаях извращалась линия партии в отношении бедноты и маломощного середнячества...»².

Подобные факты вызывали сильное недовольство среди бедноты и середнячества. Поэтому в циркуляре предлагалось тщательно проверять все факты недовольства и при подтверждении фактов, виновных привлекать к ответственности, а в особо серьезных случаях предлагалось принимать меры органами ОГПУ, подвергнув аресту с последующей передачей дела в судебные органы или в Особое совещание при коллегии ОГПУ.

Начавшаяся спадать волна насилия вновь обрушилась на крестьянство с большей силой и более разрушительными последствиями. Поступившие письма во ВЦИК до 1 июля 1928 г. свидетельствовали о том, что в весенних кампаниях хлебозаготовок, сбора налогов и самообложения, реализации облигаций госзаймов деревню захлестнуло многочисленные беззакония.

¹ Трагедия советской деревни ..., Т.1. С. 137.

² Там же. С. 146, 147.

¹ Трагедия советской деревни... Т.1. С 235

² Там же.С.230, 231

В условиях нарастающего насилия начала обнажаться крестьянская экономика, которая основывалась на сохранении и развитии новой экономической политики. По существу речь шла о продолжении и развитии (а не пересмотре) осуществлявшейся политики, в том числе в кооперировании деревни и в регулировании социально-классовых процессов. Анализируя положение в деревне, Н.И.Бухарин приходил к выводу, что в середине 20-х годов XX в. «кулак абсолютно вырос», но одновременно выросли и возможности «ограничения эксплуататорских тенденций со стороны кулака»¹. Н. И. Бухарин предлагал следующее:

1) «уточнение и улучшение» прогрессивно-подходящего обложения «в смысле уловления всех доходов кулака».

2) борьба с нарушениями национализации земли, прежде всего с куплей – продажей земельных наделов.

3) сокращение сроков аренды «для тех, кто не возделывает сам землю (не более 3-6 лет).

4) «прекращение выделов на отруб», если они ведут к созданию хозяйства «кулацкого типа».

5) «строгое соблюдение» законов о наемном труде в кулацких и крестьянских хозяйствах.

6) лишение кулака права голоса в земельных обществах, крестьянских общинах².

В бухаринской интерпретации и была принята политика наступления на кулачество на XV съезде ВКП (б). Сущность этой политики формировалась в позитивном плане: «постоянное повышение материального и культурного уровня жизни беднейшего и среднего крестьянства при решительном ограничении эксплуататорских тенденций кулака»³. Однако в решении съезда не было ничего, что сулило бы применению «чрезвычайных мер» против крестьянства, а хлебозаготовительный кризис 1927-1928 годов способствовал – по мнению самого Н.И.Бухарина «чрезвычайным мерам».

Бухарин делал акцент на недостатки и ошибки в работе органов государственной власти. По его мнению «кулак представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку механизм «исправлений и перегибов» не оправдан. Стали применять ст. 111 УК РСФСР по отношению к работникам государственного, общественного и кооперативного аппарата, которая гласила: «бездействие власти, т.е. невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанно-

сти своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109 (злоупотребление властью или служебным положением), а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное отношение или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков - лишение свободы на срок до трех лет»¹.

Особый интерес представляет выступление в защиту крестьянства зам. наркома финансов СССР М. И. Фрумкина и его три обращения в ЦК. В этих обращениях он дает конкретный анализ возможностей сельского хозяйства страны и пагубных последствий «чрезвычайщины» и необоснованной политики хлебозаготовок. В письме от 15 июля 1928 г. М. И. Фрумкин говорит о необходимости «вернуться к XIV и XV съездам, т.е. к НЭПу. Установка, взятая в последнее время, - говорится в письме, - привела основные массы середнячества к беспросветности, бесперспективности»². Обстоятельную записку М. И. Фрумкина с критическим анализом статистического материала и последствий чрезвычайных мер и попыток решить зерновую проблему в кратчайший срок совхозов и колхозов, представленную в ЦК и ЦКК ВКП (б) от 5 ноября 1928г. кончилось партийной проработкой автора и снятием с должности зам. наркома финансов СССР.

Главную роль в сопротивлении слову новой экономической политики сыграли представители «правого уклона» Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М.П.Томский и их сторонники. Их вариант осуществления индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики, основанной на сохранении и развитии НЭП были обречены на поражение. Сталинские методы насилия над крестьянством противостояло бухаринская линия на совершенствование работы партии и государства, на осуществление индустриализации страны и кооперировании сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъективных условий, при сохранении и совершенствовании экономического механизма, складывающегося в годы НЭПа. Однако бухаринская платформа не привела к корректировке партийно-государственной политики в отношении крестьянства в 1928г. Напротив, в стране началась новая волна «чрезвычайщины», еще более разрушительной и еще менее результативной, вызвавшей резкое усиление крестьянских протестов и разногласий внутри партии.

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М. 1990.С. 23, 324.

² Там же, с. 339, 340.

³ КПСС в резолюциях ... Т. 4. изд. 9-ое испр. и доп. М., 1984. С. 288.

¹ УК РСФСР. М., 1929. Ст. 66-69.

² Трагедия советской деревни..., Т. I. С. 293.

Выступая 13 апреля 1928г. на собрании Московской организации ВКП(б) об итогах апрельского (1928г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) И. В. Сталин говорил: «Мы имели заготовительный кризис, который уже ликвидирован. Заготовительный кризис знаменовал собой первое серьезное в условиях НЭПа выступление капиталистических элементов деревни против Советской власти»¹.

Казалось, что на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) восторжествовала идея Н. И. Бухарина и его сторонников: отменялись чрезвычайные меры, подтверждалось сохранение НЭПа, предлагалось широко развивать мелкие и средние индивидуальные крестьянские хозяйства, давалось добро на широкое использование и развитие товарно-денежных отношений в экономике. Большая часть резолюции пленума под названием «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением» была написана рукой Н.И.Бухарина. Как впоследствии с горечью признавал сам Бухарин «Резолюция июльского пленума в части отношения к индивидуальному середняцко-бедняцкому хозяйству на деле осталась как «литературное произведение»². Курс коллективизации сельского хозяйства, определенной XV съездом как «съезда коллективизации» вырос из практики «чрезвычайных» хлебозаготовок и с самого начала был подчинен их задачам, а не задачам глубочайшего преобразования условий жизни и труда основной массы населения, ее перехода к новым общественным отношениям.

Для 1928 и 1929 годов характерна как «период непосредственной подготовки коллективизации». Пока «перегибы и извращения» еще не приняли характер прямого насилия и не исчерпывали практики колхозного строительства, поскольку еще сохранялся известный простор для поиска путей и форм организации крупного коллективного производства в сельском хозяйстве страны. «Чрезвычайщина», принудительные хлебозаготовки оказывали извращающее влияние, но, тем не менее, еще продолжалось развитие кооперации, широко использовались возможности организации простейших производственных объединений (ППО) и различных форм коллективного хозяйства (ТОЗов, артелей, коммун). Начавшееся создание тракторных колонн и машинотракторных станций (МТС) открывало пути ускорения технического перевооружения сельского хозяйства.

С осени 1928г. установка на форсирование коллективизации посредством нажима на крестьянство не только сохранялось, но и уси-

лилась, не считая с возможностями технического и агрикультурного развития, а главное – с готовностью самих крестьян к объединению в коллективном хозяйстве. Подведением итогов коллективизации к осени 1929г. является выход статьи И.В.Сталина «Год великого перелома», приуроченный к XII-й годовщине Октябрьской революции¹. Рукопись статьи была закончена Сталиным 3 ноября и напечатана в газете «Правда» 7 ноября 1929 г.

Говоря об условиях колхозного движения И.В.Сталин говорил: «крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами», «в колхозы пошел середняк»². Однако сталинский вывод, обозначенный «Годом Великого перелома» не подводил итоги 1928-1929 годов, а декларировало ломку жизни деревни, хотя наметилось некоторое послабление государственного насилия над крестьянством после июльского (1928г.) Пленума ЦК ВКП (б), выразившееся в некотором повышении заготовленных цен на хлеб, в освобождении из мест заключения середняков и бедняков, осужденных по ст. 107 УК РСФСР. Несмотря на это «перегибы и извращения» не прекращались, о чем свидетельствовали массовые крестьянские выступления в 1928-1929гг. по всей стране. Ниже мы приводим таблицу массовых выступлений крестьян в 1928-1929 гг.:

Крестьянские выступления в 1928-1929 гг.³
(По итоговым данным ОГПУ)

месяцы	Массовые выступления		Террор		Листовки	
	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1929 г.	1928 г.	1928 г.
Январь	10	42	21	642	70	246
Февраль	10	22	48	329	90	129
Март	11	55	23	351	72	222
Апрель	36	159	31	247	66	237
Май	185	179	51	546	64	242
Июнь	225	242	43	851	74	228
Июль	93	95	77	474	61	127
Август	31	69	76	757	46	86
Сентябрь	25	72	103	1167	31	130
Октябрь	25	139	135	1864	58	230
Ноябрь	33	108	216	1295	105	286
Декабрь	25	125	203	570	108	228
Итого за год	709	1307	1027	9093	845	2391

¹ Сталин И. В. Соч., Т.12. С. 118-135: Правда, 1929, 7 ноября, № 259.

² Там же. С. 130, 132.

³ Трагедия советской деревни... Т.1. С. 63

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 63.

² КПСС в резолюциях..., изд. 9-е. Т. 4. С. 348-354.

Как видно из таблицы за два года (1928 и 1929) в стране было зафиксировано 15372 крестьянских выступлений, террористических актов, распространение листовок против коллективизации, из них 9093 (59,1%) террористических актов только в 1929г. Поэтому руководство страны единственным средством борьбы против террора признавался ответный террор. 3 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление, требующее «обеспечить максимальную быстроту осуществления репрессий в отношении кулацких террористов». 3 октября 1929 г. была принята Директива ЦК ВКП (б) и ОГПУ и направлена НКЮстам РСФСР и УССР «принять региональные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов против кулаков, организующих террористические нападения на партийных и советских работников..., проводя, как правило, через судебные органы, в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ»¹.

В декабре 1929г. в связи с проведением операций по ликвидации контрреволюционных элементов в горной части Чечни банда численностью около 100 человек под руководством бывшего военного министра Северо-Кавказского эмирата Узуна – Хаджи Шиты Истамулова резко активировала свою контрреволюционную и антисоветскую деятельность в отдельных местностях (округах) Дагестана. Особенно это проявлялась в Аварском, Андийском и Хасавюртовском округах и Казбековском подрайоне.

В Хасавюртовском районе в связи с началом проведения сплошной коллективизации в ряде селений (Адиль – Отар, Батаюрт, Байрам – аул, Темираул) активизировалась кулацко-мульская прослойка, вылившаяся в организации террористических актов (покушение на убийство комсомольца Насрудина Акавова в сел. Байрамаул и убийство его матери, избивание членов колхоза в сел. Адиль – Отар, партийно-советских работников райцентра в сел. Темураул, разгон собрания женщин в сел. Батаюрт).

Надо отметить, что кулацким элементам и духовным лидерам Буйнакского района также удалось сорвать сплошную коллективизацию в двух селениях Апши и Эрпели.

Особую активность проявляла Унцукульская контрреволюционная группировка (Аварский округ), на вооружении которой имелось около 200 единиц стрелкового оружия. Она была тесно связана с Ашильтинской и Гимринской контрреволюционной группировкой.

Основная деятельность контрреволюционных группировок, в том числе и Унцукульской заключалась в распространении провокационных слухов об успехах повстанцев в горской части Чечни, поражении частей Красной Армии, о скорой и неминуемой гибели Советской власти на Северном Кавказе, об отборе скота и т.д. В эту кампанию было привлечено значительное количество женщин – горянок.

Для распространения антисоветских слухов контрреволюционные группировки (особенно Унцукульская) посылали ходаков по селам, они же учитывали настроения селян об их желаниях участвовать в контрреволюционном повстанческом движении. Проведение такой работы находили поддержку и со стороны духовенства особенно таких селений как Гагатли и Гадатли.

21-22 января 1930 г. Даготделом ОГПУ была проведена операция по изъятию контрреволюционных группировок в семи районах Дагестана (Аварском, Андийском, Даргинском, Буйнакском, Гунибском, Хасавюртовском, и Кизлярском). Операции были проведены в селениях Цельмес, Аракань, Балахань Хунзахского района, где было изъято 50 человек; в селениях Гергебель, Кикунь, Маали, Кахиб, Телляль Гунибского района - изъято 67 человек; в селениях Кулецма, Чиркей, Урма, Охли, Апши Буйнакского района – 45 человек; в селениях Буртуни – Махи, Куппа, Акуша, Хаджал – Махи Левашинского района - 9 человек. Изъятие проводилось в станице Старо-Гладковской Кизлярского района – 8 человек, по аулам Казбековского и Хасавюртовского района - 52 человека, по аулам Ботлихского и Гумбетовского района – 110 человек. Всего, таким образом, было изъято 341 человек¹.

5 января 1930г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В постановлении отмечалось, что «колхозное движение опередило по темпам задания пятилетнего плана. Это создавало материальную базу для замены кулацкого сельскохозяйственного производства колхозным производством. Благодаря этому партия и Советское государство получили возможность перейти от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса². Таким образом, Центральный Комитет партии пересмотрел пятилетний план колхозного строительства, дифференцировал темпы коллективизации в отношении различных районов страны, причем коллективизация таких важнейших зерновых районов как Северный Кав-

¹ Трагедия советской деревни... Т. I, С. 714

¹ ЦГА РД.Ф.Р – 800. Оп 2. Д. 21. Л. 96-103.

² КПСС в резолюциях... изд. 9-е испр. и доп. Т.5. 1929-1932. М., 1984. С. 72

каз посчитал возможным закончить к осени 1930 г., а в остальных районах к осени 1931 г., определил сельскохозяйственную артель как главную форму колхозного движения вместо товарищества по общественной обработке земли, наметил меры по оказанию колхозам помощи в материально-техническом обеспечении и подготовке руководящих кадров. Было решено усилить работу по постройке заводов, производящих тракторы, комбайны, прицепной инвентарь, созданию в колхозах конно-машинных баз и смешанного типа тракторно-конных баз, сочетающих тракторную тягу с конной¹. ЦК предложил Наркомзему, Колхозцентру и областным комитетам партии ускорить работу по подготовке сельскохозяйственных кадров, создав для этого широкую сеть ускоренных курсов².

4 июля 1929 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б) по вопросу «О выполнении решений Пленума ЦК по докладу секретаря Северокавказского крайкома партии А. А. Андреева о работе в деревне».

Стержнем доклада А. А. Андреева было положение о росте посевных площадей в крае и предположительное увеличение производства зерна в 1929 г. по сравнению с 1928 г. на один миллион тонн. Акцентируя внимание на росте посевных площадей, коллективизации, агротехнических кампаниях, партийное и советское руководство страны фактически проигнорировало те многочисленные трудности и противоречия, которое уже существовало в деревне и могли только обостриться в ходе хлебозаготовок. Несмотря на победные заявления о количественном росте колхозов, о их реальной роли в сельскохозяйственном производстве почти ничего не говорилось. Характерно в этом отношении выступление кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП (б) А. И. Микояна, который заявил: «... Благодаря усилиям партии за этот год (1929 г.) найдены конкретные пути разрешения зерновой проблемы путем устройства колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций и ряда мероприятий по подъему урожайности индивидуального хозяйства, и можно не сомневаться в том, что через года два-три мы хлебный вопрос, эту историческую проблему русской революции, разрешим окончательно»³. Восхлавляя доклад А. А. Андреева А. И. Микоян продолжил: «Ценность опыта Северного Кавказа заключается в том, что здесь найдены конкретные рычаги и пути социалистической перестройки сельского хозяйства, подъема его и

социалистической реконструкции, как-то: десятки тысяч агроуполномоченных кооперативов крестьян, дача производственных планов целым селам. Этот опыт должен быть нами целиком учтен и использован и в других районах Советского Союза»¹.

В выступлении А.И.Микояна, В.М.Молотова и других на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 4 июля 1929 г. было неясно какие стимулы смогут обеспечить более успешный ход новых хлебозаготовок. Это и понятно было. Руководство страны хорошо знало, что колхозы представляли собой социально неустойчивые и экономически слабые предприятия, служившие скорее каналом государственной поддержки беднейших слоев крестьянства, чем источником повышения производительности труда в аграрном секторе экономики. Не реальным было также утверждение о том, что колхозы являются крупными механизированными предприятиями, способные в короткие сроки преобразовать отсталую деревню. В докладе об этом говорилось, что все решения о выделении Северо-Кавказскому краю сельхозтехники не были выполнены. Слишком завышенными были планы увеличить и удельный вес посевных площадей колхозов к концу 1930 г. с 11,8 % до 22,0 %. В докладе было подчеркнуто о необходимости прекращения создания стихийных и дутых колхозов, важности планомерно создавать коллективные хозяйства. На практике это означало отказ от административного насаждения колхозов, переход организационному укреплению существующих колхозов и налаживанию в них эффективной работы.

Умеренные и благодушные настроения среди членов Политбюро ЦК ВКП (б) на заседании 4 июля 1929 г., высказанные рекомендации и предложения по организационному проведению коллективизации сельского хозяйства в Северо-Кавказском регионе были совершенно забыты уже через несколько месяцев. На волне острого кризиса хлебозаготовительной кампании осени и зимы 1929-1930 гг. руководство страны, Политбюро ЦК, Сталин и его соратники провели кампанию форсированного насаждения колхозов и «ликвидации кулачества как класса». К 1 марта 1930 г. удельный вес обобществленных хозяйств по СССР оставял 56%, по Северному Кавказу – 76,8%².

Большинство колхозов были созданы в результате административного нажима и насилия, угрозой выселения и репрессий. Ответной реакцией крестьян на эти акты Советской власти было вооруженное сопротивление (восстание). Уже в январе 1930 г. ОГПУ СССР зарегистри-

¹ КПСС в резолюциях Т.5. С.73.

² Там же, С. 74.

³ Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) 1923-1938 гг. В трех томах. Т. III. 1928-1938 гг. М., 2007, С. 99.

¹ Стенограммы заседаний Политбюро...Т. III. С. 98.

² Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) М., 1994, С. 80

стрировало по стране 400 массовых выступлений, в феврале – 1048, в марте – 6528. Всего же по СССР по данным ОГПУ было 13755 массовых выступлений с участием почти 2,5 млн. человек¹.

Массовые крестьянские выступления внесли некоторые коррективы в проведении коллективизации. 2 марта 1930 г. в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», в которой он обвинил руководителей партийных и советских органов на местах в искривлении и перегибах при проведении коллективизации.

В начале 1930г. ЦК ВКП (б) разослал во все республиканские и областные организации директиву о необходимости смягчения курса в связи с нарастающей, широкомасштабной угрозой крестьянских выступлений, доходящих до убийств низовых партийных и советских работников. Директива называлась «Закрытое письмо ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии»².

В письме говорилось, что в ходе коллективизации многие партийные организации стали скатываться к грубому нарушению политики партии в деревне в основном вопросе, в вопросе о середняке. Подмена методов организационно-разъяснительной работы в массах методами насилия в отношении середняка в колхозном строительстве – такова основа этих ошибок. В нарушении важнейшего принципа коллективизации – принципа добровольности и практика насильственного принуждения к вступлению в колхоз сказались наиболее многочисленные извращения политики партии...».

ЦК ВКП (б) обязал партийные организации обеспечить проведение директив по борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении Решительно прекратить вмешательство органов ГПУ и милиции в колхозное строительство. Запретить без санкции ОГПУ (центр) посылку частей ГПУ в районы т.н. «выступлений» в деревне.

Хотя темпы коллективизации в середине 1930 г. значительно превосходили намерения руководства страны, однако надежды, которые возлагались на колхозы, не оправдались. Они превратились лишь в орудие внеэкономического выкачивания ресурсов деревни на нужды индустриализации. Такая политика руководства вела сельское хозяйство к упадку. Несмотря на это, руководство страны продолжало наращивать темпы капитальных вложений в тяжелую промышленность. В итоге летом и осенью 1930г. возникли серьезные кризисные

явления, дезорганизация бюджетной системы, угрожающая неэффективности вложений, падение производительности труда во всех отраслях производства.

3 февраля 1930 г. был разослан циркуляр Наркомюста РСФСР всем прокурорам и работникам юстиции краев областей и автономных республик РСФСР о необходимости разработки мероприятий по нейтрализации сопротивления кулачества. В циркуляре, в целях подавления попыток противодействия органам советской власти в колхозном строительстве и в целях подрыва влияния кулачества на бедняцко-середняцкие слои населения, предлагалось принять следующие меры:

1. Немедленно ликвидировать кулацкий актив, а организаторов террористических актов осудить по первой категории с применением высшей меры наказания и конфискацией всего имущества.

2. Кулацкий актив второй категории (богатые кулаки и полупомещики) выселить в отдаленные местности СССР или в отдаленные районы тоже с конфискацией всего имущества.

3. Кулаки третьей категории, не вошедшие в первые две категории, подлежали высылке в пределах того же района, но на новые земли с конфискацией имущества.

4. У отдельных кулаков второй категории, а также кулаков третьей категории при конфискации имущества оставались лишь самые необходимые простейшие средства производства, минимум продовольственных запасов. Нормы устанавливались крайисполкомами.

5. Выселению и конфискации не подлежали семьи красноармейцев и командного состава РККА. Однако прокуратуре вменялось в обязательность выяснить правильность приема красноармейца в Красную Армию и их социальное происхождение.

Все намеченные меры проводились в районах сплошной коллективизации. Решениям о раскулачивании и их выселения должны были предшествовать постановления общих собраний членов колхозов и собраний батрачества и бедноты.

Мероприятия по ликвидации кулаков первой категории проводились через полномочного представителя ОГПУ при участии представителя крайкома партии и краевого прокурора.

Семьям, выселяемым и заключаемым в концентрационные лагеря, разрешалось при их желании и согласии местных органов власти остаться временно или постоянно в прежнем районе.

Списки на выселение кулаков второй категории готовились районными исполнительными комитетами в соответствии с решениями

¹ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 788, 804.

² Там же, С. 365-370.

общих собраний бедняцко-батрацких членов колхозов и утверждались окружными исполнительными комитетами.

Конфискационное имущество кулацких семей подлежало обязательному учету, описанию и оценке, ответственность за его сохранность возлагалась на сельские советы.

Конфискации подлежали жилые и хозяйственные постройки и предприятия, скот, орудия производства, сельскохозяйственный инвентарь, кормовые и семенные запасы у кулаков второй категории, денежные суммы, превышающие 500 руб. на хозяйство. Сберегательные книжки и облигации государственных займов отбирались у кулаков всех трех категорий и направлялись в органы Наркомата финансов с выдачей расписок их владельцам. Было запрещено кулацким хозяйствам в районах сплошной коллективизации выдача взносов в сберкассы и ссуд под залог облигаций.

Конфискационное имущество, средства производства, сельхозинвентарь передавался райисполкомами в колхозы в неделимый фонд в качестве взносов бедняков и батраков; при наличии долгов на ликвидируемые кулацкие хозяйства государственным и кооперативным органам такие долги погашались за счет конфискационного имущества.

Одной из причин возросшей активности контрреволюционных кулацких элементов в первом квартале 1930 г. являлся упорное противодействие мероприятиям Советской власти и большевистской партии в деревне в проведении коллективизации сельского хозяйства и раскулачивании, а также хлебозаготовок.

Это сопротивление сопровождалось:

а) путем злостной контрреволюционной агитации за невступление в колхозы. Для этой цели использовалась и религиозная агитация в форме угроз («наши придут, всех колхозников расстреляют», «колхозы, коммуны-антихристово дело», «каждый колхозник будет иметь клеймо по которому будет узнан при страшном суде»). Использовались и такие моменты как закрытие церквей, мечетей, синагог, снятие колоколов;

б) путем распространения контрреволюционных анонимных листовок с угрозами в адрес колхозников и представителей местной власти;

в) путем организации террористических актов в отношении представителей советской власти, колхозников и изъятия их имущества;

г) путем провокационного толкования приказов и распоряжений советской власти, использования перегибов и искривлений линий

партии с целью разжигания недовольства среди бедняцко-средняцких масс и провоцирования их на массовые контрреволюционные выступления.

д) путем использования женщин в качестве застрельщиков контрреволюционных выступлений;

е) путем организации массовых контрреволюционных выступлений, сопровождавшихся разгромом, колхозов, сельсоветов, арестом, зачастую и убийством местных работников и сельских активистов.

Значительные размеры приобрела практика созыва кулацкими элементами нелегальных собраний, на которых проводилась антиколхозная пропаганда, извращенное и прямо провокационное толкование партийных и советских решений. С другой стороны, являясь на собрания, созываемые советскими и партийными организациями, кулацкие элементы своими выступлениями добивались в ряде случаев вынесения собраниями антиколхозных резолюций и постановлений.

В оперативной сводке Секретно-оперативного управления ОГПУ от 1 апреля 1930г. «О ликвидации контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских элементов» за последнюю декаду марта 1930г. сообщалось о том, что в Дагестане «имеются факты вовлечения женщин в организованную контрреволюционную работу»¹. В ауле Джалалкент (ныне Башлыкент) Кайтаго-Табасаранского округа (ныне в составе Дербентского района) в конце марта 1930 г. была выявлена контрреволюционная повстанческая группировка. Кулацко-мульские элементы села вовлекли в группировку несколько женщин, которые организовались в «особые группы» под названием «Бугталар», что в переводе с арабского означает «Разрушители существующего строя». Группа женщин этого села вела специальную агитационно-пропагандистскую работу среди женщин, устраивала с ними совещания и собрания, призывая их к «газавату», т.е. по тем временам (30-е годы) «газават» или «джихад» применялся как борьба за сохранение исламских обычаев и порядков, укрепление национальной безопасности государства (в данном случае - Дагестана) и т.д.

В связи с активизацией контрреволюционных кулацко-мульских элементов на почве проводимой коллективизации и раскулачивания Дагестанским отделом ОГПУ была проведена операция по ликвидации действующих в Дагестане контрреволюционных группировок, ибо их деятельность была направлена на распространение провокационных слухов, организованное противодействие проводимым полити-

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Т.3., Кн.1. М., 2003. С. 269. 270.

ческим и хозяйственным кампаниям, разжигание повстанческих настроений.

Для первого квартала 1930 г. характерен чрезвычайно быстрый рост организованных контрреволюционных образований, процесс накопления сил и с вовлечением большого количества активных контрреволюционных элементов, их перерастание в антисоветские очаги и переход к прямым повстанческим действиям. Так, контрреволюционные кулацкие и шариатские элементы, руководившие выступлением в Дидоевском участке Андийского округа Дагестана, разгромив органы Советской власти, создали «Шариатские советы» и «Шариатские суды»¹.

В связи с проводимыми мероприятиями по коллективизации и раскулачиванию по всей стране, особенно в районах сплошной коллективизации, наметилась небывалая активизация населения деревни. Свое положительное отношение большинство бедноты, батрачества и середняков к раскулачиванию показывали выступлениями на собраниях и совещаниях сельских активов, принятием резолюций и решений, участием в реализации принятых решений.

Из бедняцко-батрацкого актива создавались специальные комиссии по раскулачиванию, вносились исправления и дополнения в список хозяйств, первоначально намечавшихся к раскулачиванию, выдвигались требования о выселении, изъятии и наказании кулацко-антисоветских активистов. Комиссии по раскулачиванию мотивировала свои требования по раскулачиванию «необходимостью обеспечить успех коллективизации». Такая деятельность комиссий сопровождалась во многих местах Союза ССР усилением притока основных масс в колхозы.

Однако в проведении мероприятий по коллективизации и раскулачиванию были допущены многочисленные искривления и перегибы. Под категорию раскулачиваемых подводились целые группы бедняков, середняков, бывших красных партизан, семей красноармейцев. Без соответствующих доказательств и оформления документов людей лишали избирательных прав, а в отношении раскулаченных допускались издевательства, оскорбления. Семьи с малолетними детьми раскулаченных выгоняли ночью на улицу, отбирали все домашнее имущество. Конфискованное имущество расхватавалось местными руководителями, распродалось за бесценок, раздавалось бедняцким хозяйствам.

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... С. 318.

На первой стадии раскулачивания, отличавшегося особо сильной стихийностью, изъятое кулацкое имущество в большинстве случаев предельно четко не учитывалось, а во многих случаях, как было сказано выше, разбазаривалось. В ряде районах страны были зафиксированы факты прямого присвоения самими работниками конфискованного имущества, крайне небрежное отношение к нему, к его хранению и распределению. Несмотря на все недостатки, выявленные в процессе распределения изъятого кулацкого имущества, его основная масса была передана в социалистический сектор сельского хозяйства. Некоторая часть изъятого имущества передавалась в кресткомы и культурно-общественные организации.

По 8 округам и 3 национальным областям Северо-Кавказского края за время хлебозаготовок 1929-1930 гг. было раскулачено 25.202 хозяйства. Стоимость конфискационного имущества исчислялась 19.572. 060 руб., из них 7.999. 404 руб. (40,9 %) было передано колхозам. Остальная часть 11.575. 656 или 59,1% направлена на погашение задолженности и на местные нужды¹.

С начала раскулачивания в деревне начался активный процесс контрреволюционной деятельности кулачества. С переходом к широкому социалистическому переустройству деревни путем массовой коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств и ликвидации кулачества как класса в стране – борьба кулачества с советской властью приняла особо резкие и разносторонние формы.

Методы и ресурсы кулацкого выступления по стране выглядели следующим образом:²

Годы	Поджоги имущества колхозов и совхозов	Террористические акты (убийства и ранения партсозактива)	Массовые антисоветские выступления против коллективизации и хлебозаготовок
1927	78	901	32
1928	307	1153	709
1929	1604	9137	1307

В 1929г. было ликвидировано 222 контрреволюционных организаций и по ним было арестовано 9159 участников, 6764 контрреволюционных группировок с участием 38.405 человек.

Только за январь – апрель 1930г. было ликвидировано 206 контрреволюционных организаций и по ним арестовано 8790 участ-

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... С. 350, 351.

² Там же. С. 519

ников, 6827 контрреволюционных группировок и по ним было арестовано 50.009 участников.

Количество массовых выступлений против коллективизации и раскулачивания, планов хлебозаготовок за период с января по март 1930г. (включительно) характеризовалось следующими данными:

Год	Месяцы	Массовые выступления	Количество участников
1930	Январь	401	109.846
	Февраль	1066	241.196
	Март	6512	1.434.588

За время с 1 февраля по 30 мая 1930г. было зафиксировано 33 контрреволюционных восстаний с участием 30.310 человек, в их числе Курахское восстание в Дагестане с участием 2500 человек и Нуха-Закатальское восстание в Азербайджане с участием 3700 человек¹.

Массовые выступления против коллективизации и раскулачивания происходили не только в Курахском, но и в Табасаранском, Касумкентском, Ахтынском, Рутульском и Лакском районах. По данным Дагестанского отдела ОГПУ в этих районах с 26 по 28 апреля 1930 г, действовали от 200 до 600 бандгруппировок².

Повстанцы 27 апреля заняли село Касумкент. Ими были убиты секретарь Касумкентского райкома партии Юсуп Герейханов и агент уголовного розыска. 28 апреля повстанцы заняли центр Табасаранского района Тинит. Здесь они убили председателя колхоза и жену члена райисполкома. В этот же день ими были заняты аулы Филя и Гдым Ахтынского района, Хнов Рутульского района и Кумух Лакского района.

Волна повстанческого движения началась в Курахском районе. Она быстро перекинулась в Касумкентский и Табасаранский районы. Еще 27 апреля 1930 г. повстанцы численностью около 500 человек заняли Касумкент, а 28 апреля ими были взяты селения Махмудкент, Верхний Ярак, Буткент, Магарамкент, Чинар, Айкадор, Чирах и Тинит.

Курахский район почти был охвачен повстанциями, особенно села Штуль, Цилик, Чираг, Хутхуль, Кочхюр, Икра, Кабир и др.

Для ликвидации повстанческого движения в занятых повстанциями районах и населенных пунктах были созданы оперативные группы: в Мамраше – численностью 45 человек, Магарамкенте парти-

занский отряд численностью 50 человек, Белиджах – 10 человек, Мамедкале - 90 человек и в Маджалисе 100 человек.¹

С целью ликвидации мятежа в Южном Дагестане был привлечен 5-й полк войск ОГПУ и 100 красных партизан, эшелон отряда добровольцев особого назначения (ОДОН) в составе 230 человек во главе с командиром Фриновским. Одновременно из Харькова в Касумкент был направлен дивизион кавалерии в составе 120 сабель².

Руководителями повстанческого движения были шейх Рамазанов (Штульский) – крупный арабист и авторитет мусульманского духовенства в ЮжДаге и известный представитель кулачества и духовенства Хаджи-Зейнал. Основными лозунгами повстанцев были «Долой колхозы, совхозы, артели, долой советскую власть. Да здравствует шариат».

После упорного боя 30 апреля 1930 г. Касумкент был взят войсками ОГПУ, 2 мая – Курах, 5 мая – Тинит.

По сведениям оперативного отряда, которая нанесла ощутимый удар повстанческому отряду Штульского в районе Касумкента и Тинита 4 мая 1930 г. отряд Штульского в количестве 12-15 человек отступили в село Кондик. 4 мая отрядами повстанцев были заняты селения Махмудкент, Саликент, Спик, Шахикент и в тот же день, высланные из Касумкента оперативная группа почти без боя освободили указанные населенные пункты.

6 мая 1930г. Южная группа войск оперативного назначения заняла село Целягюн, что в 8 км южнее Касумкента. В ходе боя были взяты в плен 7 главарей повстанцев, изъято 55 единиц оружия. В числе задержанных оказался и помощник Рамазанова (Штульского) Аликули – оглы.

По данным штаба Центральной оперативной группы Юждага на 19 мая 1930г. по Касумкентскому району было выявлено 543 человек участников восстания. Убито 54, ранено 14, арестовано 116 человек, из них пленных – 94, добровольно явившихся – 22, изъято 589 единиц гладкоствольного огнестрельного оружия, а по данным на 22 мая было изъято уже 7561 единиц оружия, из них 145 единиц – нарезного.³

Однако задержать оперативной группе главаря движения в то время не удалось. Ему было предложено добровольно сдаться.

По поводу добровольной явки и о причинах недовольства крестьян Юждага в записке от 12 мая 1930г. в адрес начальника Дагестанского отдела ОГПУ К.Мамедбекова шейх Рамазанов (Штульский)

¹ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД... С. 520, 521.

² Коллективизация и антиколхозное движение в Дагестане. 1927-1940. Документы и материалы. Махачкала, 2007. С. 60.

¹ Коллективизация и антиколхозное движение в Дагестане... С. 165

² Там же, С. 167

³ Там же. С. 169, 171.

писал следующее: «Вам хорошо известно, что в последнее время проведение мероприятий советской власти при неумелом руководстве на местах вызвали массовое возмущение населения, связанное с коллективизацией и обобществлением личного имущества и скота граждан, что в конечном итоге привело к разорению крестьянских хозяйств, а также массовые гонения на религию и религиозных деятелей. Ввиду этого я вынужден был руководить не вооруженным восстанием, а всеобщим протестом, выполнив которое я сразу отступил от районного центра, доводя до вас это недовольство. Причем в этот период никакие репрессии нами не применялись, была строгая дисциплина. Несмотря на наши протесты, вы предлагаете мне добровольно явиться. Вследствие этого я прошу удовлетворить следующие наши просьбы:

- не затрагивать основы нашей религии;
- отказаться от обобществления личного имущества и скота граждан;
 - решить вопрос избирательных прав, установить всеобщее избирательное право;
- отказаться от массовых арестов и освободить невинно заключенных;

Теперь, когда вы расследуете истинные причины настоящего протеста и в зависимости от результатов настоящей просьбы я готов к вам явиться»¹. Шейх Штульский.

Можно смело предположить, что именно 12 мая 1930 г. родной брат Рамазанова (Штульского) Фазил ходил с ним на встречу и именно через него была передана вышеуказанная записка на имя Мамедбекова. По заявлению Фазиля оперативным органам брат Рамазан скрывается, «боясь незаслуженного ареста».

Несмотря на уговоры авторитетов общества селения Ашкент, где проживала жена Штульского и многих других родственников из-за нежелания и упрямства брата Фазиля положительных результатов явки не дала.

Другим руководителям восстания был Верди Ичинский, который также скрывался от органов. 23 мая 1930 г. он находился в родном селении Ича. Узнав об этом отрядом красных партизан дом был оцеплен, однако ему удалось скрыться. Брат Верди – Шихмагомед заявил обществу села о том, что при его попытке склонить к добровольной явке Верди заявил следующее: «тебя вероятно из – под стражи освободили после того, как подкупили с целью, что ты найдешь меня для того, чтобы сдать властям. Если ты еще раз явишься ко мне с подобным предложением, мы тебя убьем»².

¹ Коллективизация и антиколхозное движение в Дагестане... С. 169.

² Там же, С. 174.

Не один из руководителей восстания крестьян Южного Дагестана под руководством Штульского, Ичинского, Уружбекова и других добровольно не сдался. Поэтому правоохранительными органами совместно с красными партизанами при поддержке значительной бедняцко-батрацкой части населения было принято решение взять в качестве заложников семьи руководителей восстания и их всех родственников по мужской линии, дома опечатать, имущество описать и конфисковать с передачей под охрану сельских советов.

Только после принятия таких радикальных мер Штульский и другие руководители добровольно сдались органам.

Допросы руководителей восстания, участников и свидетелей продолжались в течение мая-июля месяцев 1930 г.

По делу шейха Рамазанова (Штульского) было привлечено к уголовной ответственности (по ст. 58 УК РСФСР) 316 человек, из них 104 были осуждены к различным срокам (от 3-х до 10 лет) тюремного заключения¹.

На судебном процессе 19 июля 1930 г. по поводу восстания крестьян в Южном Дагестане шейх Рамазанов (Штульский) заявил следующее: «26 апреля 1930 г. я возглавлял вооруженное восстание против советской власти граждан – Кюринского округа – районов Курахского, Касумкентского и Табасаранского. Целью восстания было требование от советской власти восстановление шариата, предоставление тех прав, положений, которыми пользовались граждане до прихода советской власти в Дагестан, в частности, требования мои и граждан, мною возглавлявшихся сводились к следующему:

- а) восстановление шариатских судов и школ с преподаванием для детей;
- б) введение системы брака по шариату, взамен ЗАГСа;
- в) ликвидация сельских советов и восстановление статуса старшин;
- г) возвращение отобранных мечетей и прекращение гонений на религию;
- д) освобождение служащих культов от налогов;
- е) восстановление в избирательных правах незаконно лишенных;
- ж) снижение налогов и представление льгот налогоплательщикам;
- з) прекращение арестов невинных людей².

¹ Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-е годы. Махачкала, 1997. С. 42.

² Там же

Далее Штульский заявил, что все эти требования хотели предъявить советской власти в виде ультиматума, а если власть их не выполнит, скрываться в горах и оттуда производить налеты на комячейки и сельсоветы. «Не надеясь на победу, так как участники были плохо вооружены, мы все-таки надеялись на уступки советской власти, увидя восставших людей», - сказал он.

Шейх Рамазанов (Штульский) постановлением № 91 от 29 ноября 1930 г. тройки при Полномочном представителе ОГПУ Северо-Кавказского края по ДССР согласно ст. 58 – 2 УК РСФСР «за организацию вооруженного восстания с целью свержения советской власти» был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. К расстрелу были приговорены и сподвижники Штульского: Иса Масумов, Али – Верди Магомедов, Айдемир – оглы Навруз, Загир – оглы Муталиб, Кафланов Абдуразаг и другие всего 9 человек. В числе осужденных к 10 годам лишения свободы находился и сын Штульского Магомед-Шапи¹.

Аналогичные события, похожие с Юждагом, происходили и в Нагорном Дагестане. Особенно такими волнениями был поражен Дидоевский участок Андийского округа.

Дидоевский участок был наиболее труднодоступным и отсталым участком в составе Андийского округа, вошедший в состав ДАССР декретом ВЦИК от 20 января 1921г. («Декрет об образовании Дагестанской АССР»). В состав Ункратль-Дидоевского участка (его полное наименование) входили 13 сельских обществ с населением 9806 человек. Отдельно в Дидоевский участок, где проживали только лидойцы входили 7 сельских обществ (Каматли, Кидеро, Мокок, Глясута, Хоитли, Шапих и Шаитли) с населением 4996 человек².

В 1926г. Дидоевский участок был ликвидирован и включен в состав Эчединского района. В свою очередь позднее район также был упразднен постановлением 4-й сессии ЦИК ДАССР VI созыва 22 ноября 1928 г. и включен в состав Цумадинского района.

11 марта 1930г. на почве искривлений и перегибов в колхозном строительстве, голого администрирования, стремления партийного и советского руководства района форсировать колхозное строительство, проведением необоснованных хлебозаготовительных кампаний и налогообложения, сбора семенных фондов, начались массовые волнения, спровоцированные контрреволюционными элементами и пред-

ставителями мусульманского духовенства, стремящиеся восстановления норм шариата и сохранения шариатских судов. Вооруженная банда в качестве 70 человек направилась в аул Шаури с целью захвата заготовленного в период хлебозаготовок зерна в качестве 700 пудов (11. 200 кг.). Банда выставила представителя сельсовета из помещения, где хранилось зерно, а на собрании джамата села добилась принятия решения, предлагающее всем коммунистам и советским работникам Дидоевского участка покинуть аулы и больше не появляться. Восставшие создали вооруженные отряды численностью до 500 человек, разогнали местные органы советской власти во всех сельских обществах (Кидеро, Шаури, Глясута, Шаитль, Генух, Мокок, Цибари, Ицрах), восстановили шариатский совет и шариатские суды. Во главе восставших стоял бывший командир партизанских отрядов Вали Дойгаев (Доглаев), боровшийся в годы гражданской войны за советскую власть в Нагорном Дагестане. Восстанием руководил «Шариатский совет» во главе с Доглаевым.

Основными требованиями восставших были: 1) отменить коллективизацию, 2) вернуть вакуфные земли, 3) прекратить преследование духовенства¹, т.е. те же самые требования, что у восставших крестьян Южного Дагестана под руководством шейха Штульского.

К середине марта 1930 г. Дидоевский участок Цумадинского района полностью был охвачен повстанческим движением.

15 марта 1930 г. бюро Дагестанского обкома ВКП (б), обеспокоенное ростом повстанческого движения в Нагорной части Дагестана, приняло постановление «О ходе коллективизации и порядке проведения раскулачивания по Дагестану»², где было отмечено, что «несмотря на ряд ясных указаний и категорических предложений со стороны ДК ВКП (б) о более осторожном подходе к коллективизации и раскулачиванию, эти директивы в основном в Нагорной части Дагестана (Курах, Чарода, Кахиб, Гуниб, Рутул, Казбек, Табасаран, Цумада) остаются невыполненными»... В этих районах наблюдается явные искажения линии партии слишком быстрой, необдуманной, необоснованной на достаточных экономических предпосылках перехода на сплошную коллективизацию и проведение практической работы по раскулачиванию».

В постановлении далее отмечалось, что переход на сплошную коллективизацию осуществляется не считаясь с условиями горных районов Дагестана, в аулах и целых районах, которое к этому совер-

¹ Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-е годы. Махачкала, 1997. С. 42.

² Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в.90-е годы XX в.). Махачкала, 2001. С. 50. (Далее: Республика Дагестан...).

¹ Коллективизация и антиколхозные выступления..., С. 253.

² Там же, С. 146, 147.

шенно не подготовлены, и путем административного нажима. Бюро обкома партии предложило срочно исправить допущенные ошибки, строго выполнить указания партийных органов о более медленном и осторожном проведении коллективизации и раскулачивания.

Между тем волнения на Дидоевском участке продолжались. Повстанцы имели связи с Грузией и Чечней, отсюда они получили оружие, патроны, продовольствие. Более того, одним из требований восставших было присоединения Дидоевского участка к Грузии.

Положение районов Нагорного Дагестана осложнялось событиями в Буйнакском районе. Массовые антиколхозные выступления в этом районе начали принимать повстанческий характер. Район занимал ведущее место по отношению ряда районов Нагорного и Среднего Дагестана. Через Буйнакский район проходила единственная дорога в горный Дагестан и в случае закрытия этой дороги хотя бы на один день серьезно осложнило бы обстановку в Нагорной части Дагестана. Поэтому в телеграмме начальника Даготдела ОГПУ К. Мамедбекова от 24 марта 1930 г. Полномоченному представителю ОГПУ СКК Пилляру и секретарю Дагобкома обкома ВКП (б) А. Муровьеву предлагалось «принять все меры по быстрой ликвидации повстанческих настроений в районе, сделав упор на бедняков и середняков, путем укрепления кадров советских работников района избежать вооруженного выступления»¹. В Нагорной части Дагестана Центральной оперативной группой (ЦОГ), находящейся в укреплении Гуниб, через уполномоченного Дагестанского правительства Амирханова велись переговоры с повстанцами о добровольной сдаче и полной капитуляции. Однако предложения были отклонены.

С целью полной ликвидации повстанческого движения приказом начальника Даготдела ОГПУ К. Мамедбекова от 31 марта 1930 г. в Цумадинском районе были созданы несколько ударных групп красных партизан. В их числе Бежтинская – 250 человек, Хваршинская – 150 человек². Для усиления Хваршинской группы было придано одно пулеметное отделение из 48 дивизиона, находящегося в укреплении Гуниб. Одновременно сводную роту войск ОГПУ с 4-мя легкими пулеметами была передана в распоряжение начальника Бежтинской ударной группы. Все эти и другие оперативные меры, предусмотренные в приказе, были направлены на то, чтобы принудить повстанцев к сдаче оружия и капитуляции, а в случае отказа бомбардировать с самолетов населенные пункты Шаури, Мокок, Асах, места скопления банд.

¹ Коллективизация и антиколхозные выступления.... С. 149

² Там же, С. 152

В середине апреля 1930 г. для урегулирования конфликта на Дидоевском участке Цумадинского района были направлены уполномоченный Дагестанского правительства секретарь обкома М. Шарапилов и помощник прокурора Главсуда Ю. Гиреев с группой партийных работников. Созванный сход сельчан в сел. Шаури постановил сдать оружия, сменить партийное руководство района и перебросить в район промышленных и продовольственных товаров. Делегация дидоевцев была принята руководителем ЦОГ (Центральной оперативной группы) Пилляром и начальником Даготдела ОГПУ К. Мамедбековым, находящимся в то время в сел. Ботлих.

В конце апреля 1930 г. председатель ДагЦИКа М. Далгат и председатель Совнаркома ДАССР Д. Коркмасов обратились к дидойцам с разъяснением политики советского государства в отношении кулачества, бедноты и батрачества и с просьбой не подчиняться кучке авантюристов и бандитов, терроризирующих население, потребовать от них сдачи оружия с гарантией на жизнь и прощение, созвать бедняцко-середняцкую конференцию под руководством Дагестанского правительства для обсуждения наболевших вопросов и удовлетворения нужд населения. «Советская власть – говорилось в обращении, – единственная власть в мире, давшая всем национальностям полную свободу самостоятельного существования. Многовековые цепи рабства, которым был закован дагестанский народ царским правительством – советская власть сбросила навсегда, дав возможность всем национальностям совместно с их правительством обсуждать ежедневные нужды народа и устранять их»¹.

Благодаря проведенной такой агентурной и агитационной работы была выявлена группа участников Дидоевского восстания в количестве 220 человек, в основном жители сел. Хушет.

Кроме того, в самом начале выступления дидойцев одним из требований участников восстания было присоединение Дидоевского участка к Грузии.

2 апреля 1930 г. была направлена делегация дидойцев к командованию Закавказского войскового объединения (заслона), находящегося в Кадорском перевале Грузии, с просьбой от имени населения 40 населенных пунктов Дидойского участка присоединить их к Грузии.

Все эти требования дидойцев сильно беспокоили дагестанское руководство. 28 марта 1930 г. состоялось заседание бюро Дагестанского обкома ВКП (б), которое приняло следующее решение:

¹ Коллективизация и антиколхозные выступления... С. 152

1) Немедленно выслать особо-следственную комиссию для расследования всех допущенных извращений, перегибов и преступлений отдельных работников Цумадинского района и привлечения к ответственности, проводя суд на месте с участием бедноты.

2) Предложить Дагсоюзу отправить немедленно инструктора для организации кооператива в Дидое и принять срочные меры переброски промтоваров и хлеба для снабжения трудящихся». В письме Наркома внутренних дел СССР Г. Ягоды и секретаря Северо-Кавказского крайкома партии Е. Евдокимова И. Сталину от 4 апреля 1930 г. указывалось, что одним из требований восставших дидойцев было их присоединение к Грузинской ССР, поэтому считали они необходимым вопрос о Дидоевском участке разрешить без вмешательства вооруженной силы при условии если дидоевцами будут выполнены условия сдачи¹.

7 апреля 1930 г. первым секретарем обкома партии А. И. Муравьевым и председателем правительства Д. А. Коркмасовым в адрес секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина была послана шифртелеграмма о положении в Дидоевском участке. В телеграмме говорилось, что «в течение всего марта 1930г. в Дидое органами ГПУ велись переговоры с повстанцами, что все условия, касающиеся устранения недостатков, допущенных партийными и советскими органами на местах, привлечения виновных в злоупотреблениях и перегибах, Дагестанским правительством приняты. Район снабжен промтоварами и хлебом в пределах потребности»².

Основные же требования дидойцев: прекращения коллективизации, возврат вакуфных земель и прекращение преследования духовенства не были удовлетворены. 5 апреля 1930 г. переговоры с представителями Дагестанского правительства повстанцами были прерваны и объявлен «газават». Повстанцы перешли в наступление, окружили два отряда ОГПУ и отряд красных партизан. Поэтому представители дагестанской власти обратились к Центру за помощью, боясь распространения восстания и на другие участки Андийского округа. Политбюро ЦК ВКП (б), рассмотрев на своем заседании 10 апреля 1930 г. предложение Дагобкома ВКП (б) и Дагестанского правительства «О Дидоевском участке» с участием И. В. Сталина, приняло следующее постановление: «Отклонить предложения Дагобкома, считая более целесообразным постепенную ликвидацию волнений путем

изоляции района от внешнего мира и разложения его изнутри»¹. Постановление обязывало руководителя ОГПУ Г. Ягода дать указания руководству Дагестана с требованием выдачи главарей, подтвердить населению Дидоя добровольность вхождения в колхозы и свободы вероисповедания.

Таким образом, по-существу были удовлетворены требования дидойцев, хотя преследование руководителей восстания и представителей духовенства, как главных организаторов восстания, не отменялось.

После оглашения постановления Политбюро ЦК ВКП (б) среди населения Дидоевского участка, проведения соответствующей агентурно-разложеческой работы, 15 апреля 1930 г. части ОГПУ без особого сопротивления вошли в аулы Цехал и Хушет, а к 23 апреля был занят весь восставший район частями ОГПУ и начата процедура изъятия оружия и боеприпасов у самой активной части повстанцев. В первый же день население занятых аулов сдало 130 винтовок и 600 патронов, из них 50 винтовок и 500 патронов были изъяты у повстанческого отряда возглавлявшегося Вали Даглаевым. Значительная часть мужского населения во главе с главарями и руководителями, принимавшего участия в восстании, скрылась в лесу².

Первые допросы задержанных показали, что восстание в Дидоевском участке инсценировали уголовные бандиты и кулацко-муллские элементы из Дагестана, Грузии и Чечни, заинтересованные в сохранении шариатских порядков, передачи дидоевских пастбищ в частные руки, в частности, представителям грузинского кулачества. В эту авантюру были втянуты и широкие слои населения Андийского округа недовольные отсутствием внимания со стороны партийных и советских органов, злоупотреблений со стороны руководящих кадров и перегибами в руководстве.

Продовольственное положение в национальных республиках Северного Кавказа было напряженным, ощущались перебои в снабжении населенных пунктов, особенно в горных районах остродефицитными товарами и продуктами (сахар, мыло, табак и др.). Большое недовольство вызвало у населения сама система распределения товаров первой необходимости только в обмен на сельскохозяйственную продукцию (яйца, шерсть, мясо и т. д.).

Острота продовольственных затруднений усугублялась многочисленными фактами злоупотреблений со стороны руководителей

¹ Коллективизация и антиколхозные выступления... С 253.

² Там же, С 254

¹ Россия XX век. Документы. Сталин – ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 243. (Далее: Россия XX век. Документы...).

² Трагедия советской деревни... С. 430-432.

кооперативов, были выявлены факты присвоения товаров первой необходимости.

В связи с производственными и промышленными затруднениями заметно повысились цены на товары и продукты на частном рынке. Частыми стали поездки делегаций бедноты и женщин в окружные и районные центры с требованиями выдачи хлеба для нужд населения. Усилилось массовое изъятие вкладов и пая из кооперации.

Во всех республиках Северного Кавказа в том числе и в Дагестане антисоветски настроенная часть аулов (кулаки, духовенство), используя создавшееся положение и затруднения на продовольственном рынке, распространяли всевозможные провокационные слухи, вели антисоветскую агитацию, направленную против коллективизации и колхозного строительства, против хлебозаготовок, за расширение свободной торговли.

В Дагестане, особенно в Дербентском и Левашинском районах, в июне 1930 г. резко ухудшилось положение с продовольственным снабжением населения, отсутствием предметов первой необходимости (соли, спички, мыла и др.).

В Дербентском районе и в самом городе остро ощущался недостаток в сахаре, масле, табаке и других предметов широкого и повседневного потребления.

В Левашинском районе остро стоял вопрос со снабжением бедноты и батрачества хлебом, в результате чего число голодающих среди бедняцко-батрацкой части населения с каждым днем возрастало.

Такое же положение было и во многих других районах Дагестана. Эти временные затруднения отразились и на политическом состоянии республики, где то там, то здесь вспыхивали антисоветские и антиколхозные выступления.

В связи с переходом страны к широкому социалистическому переустройству деревни путем организации и проведения массовой коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств и ликвидация на этой основе кулачества как класса, борьба антиколхозных сил и кулачества против мероприятий советской власти приняла резкие и разносторонние формы.

Нижеприведенная таблица показывает размеры и методы действий антиколхозных сил и кулачества в 1927-1929 гг. (Данные по региону страны не выделены).

Рост контрреволюционных и антиколхозных кулацких организаций по стране в 1929 г. характеризуется следующими цифрами:

- а) 222 организации и по ним арестованных 9159 человек,
- б) 6764 группировок с участием 38.405 человек.

Годы	Уничтожение материальной базы колхозов и совхозов (поджоги)	Террористическая Деятельность (убийства и ранения)	Массовые антисоветские выступления против хлебозаготовок	Итого
1927	78	901	32	1011
1928	307	1153	709	2169
1929	1604	9137	1307	12048
Итого За три года:	1989	11191	2048	15228

С февраля 1930 г. число контрреволюционных организаций на селе росло по геометрической прогрессии. Только за январь – апрель месяцы были ликвидированы: 206 контрреволюционных организаций и по ним было арестовано 8790 участников, 6827 контрреволюционных группировок и по ним было арестовано 50.009 участников, т.е. на 63 группировки больше и число арестованных на 11.604 больше, чем в 1929 г. За три месяца 1930 г. (январь – март) резко возросло количество массовых выступлений крестьянства против хлебозаготовок и составило 7979 выступлений с участием 1.758. 630 человек¹.

Среди этих выступлений значительное место занимает повстанческие выступления в Курахском районе Дагестана с участием 2500 человек и Нуха-Закатальское восстание на границе Дагестана с Азербайджаном с участием 3700 человек².

Операции по изъятию кулачества по I категории (расстрел) органами ОГПУ в 1930 г. проводились дважды: с 1 января по 15 апреля и с 15 апреля по 1 октября. Всего за две операции было изъято 283717 человек, из них кулаков – 124.889 (14,0%), церковников – 5028 (1,8%), бывших помещиков – 4405 (1,5%) прочих антисоветский элемент – 149395 (52,6 %)

По 2-ой категории (выселение в отдаленные северные районы СССР) проводилось начиная с февраля месяца 1930 г. и закончено 20 мая 1930 г. В результате проведенной органами ОГПУ операции было выселено 69.895 семей – 332400 человек, в том числе из Северо-Кавказского края 10595 семей (15,1%) – 51.577 человек (15,5%). Внутри областей СССР было переселено 32253 семьи – 1.663.184 человек. Таким образом, кулаков по 2-й категории было выслано 100.148 семей – 1.995.584 человека³.

¹ Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане. С. 68.

² Там же. С. 69

³ Там же.

Высланные кулаки и трудоспособные члены семьи использовались на лесоразработках, строительстве, прокладке железной дороги, рыбной, угольной и золотодобывающей промышленности.

Кулацкие семьи испытывали огромные трудности в жилье, продовольственном и товарном снабжении и поэтому зачастую возникали недовольства среди переселенцев в виде саботажа и забастовок на лесу и торфоразработках, родниках, шахтах.

Неустроенность быта и слабый надзор за ссыльными кулаками способствовали их массовому бегству как с мест проживания, так и мест работы. Только в Пермском крае на лесоразработках в 1930 г. из 6635 ссыльных кулаков сбежало 1838 человек или 27,7%. Бежавшие кулаки, как правило, вступали в бандформирования, вели контрреволюционную работу повстанческого характера.

По оперативным данным на 15 октября 1930г. из Северного края сбежало 29.035 ссыльных кулаков, из Уральской области- 6000, из Сибири – 12000, из Казахстана – 1400, из Дальневосточного края – 50. Таким образом, всего сбежало – 48.485 человек. Из них были пойманы – 21.560 человек или 45,0%¹.

По оценкам оперативных групп в 1930 г. наблюдалось значительное снижение антиколхозных выступлений среди населения по стране. Так, если в марте 1930 г. их было 3754, то в мае всего – 379 или на 90,8%².

В августе – ноябре 1930 г. усилившаяся антиколхозная деятельность кулачества на всей территории СССР сопровождалась актами подрыва хозяйственной базы колхозов и совхозов. За эти же месяцы было зарегистрировано свыше 1200 поджогов колхозного хлеба. В декабре месяце участились случаи убоя и разбазаривания скота в результате кулацкой агитации среди бедняцко-средняцкой части населения.

Динамика антиколхозных выступлений на почве хлебозаготовок и коллективизации в 1929-1930 гг.³

Годы	К-во террор. актив	Из них		К-во массовых выступлений	Из них		
		На Почве хлебозагот.	На почве коллект. и раскулач.		На почве хлебозаготовок	На почве коллект. и раскулач.	На религ. почве
1929	9023	3971 (44,0)	891 (9,9)	1307	403 (30,8)	86 (6,6)	307 (23,5)
1930	13794	1402 (10,2)	7885 (57,2)	13453	456 (3,3)	9721 (70,7)	1487 (10,8)

¹ Там же, С. 69.

² Там же, С. 70

³ Там же.

В массовых и групповых антисоветских выступлениях в деревне в 1930 г. участвовало свыше 2.468.000 человек против 244000 в 1929 г., т.е. размах выступлений увеличился более 10 раз. В том числе выступлений в 176 случаях были зафиксированы вооруженное сопротивление, в 1616 случаях массовые выступления сопровождалось физическим насилием над представителями местной власти, колхозного актива, коммунистами, советскими активистами из бедняков и середняков. Во время указанных выступлений пострадали 3155 человек, в том числе убитыми 147 человек и раненым – 212 и избитыми – 2796 человек¹.

17 марта 1931 г. состоялся VI съезд Советов РСФСР, где рассматривался вопрос «О колхозном строительстве». Было констатировано, что в 1928 г. в колхозы объединились 4.000.000 хозяйств, а на 10 марта 1931г. 9.400.000 или 37% всех бедняцких и середняцких хозяйств СССР.

Советское государство оказывало большую помощь строящим колхозы. В 1931 г. в колхозы были направлены 120 тыс. тракторов, 7 тыс. грузовых и легковых автомобилей, дополнительно организованы 1040 МТС, отпущено 24 млн. центнеров удобрений, 21 млн. центнеров сортовых семян, 1 млрд 50 млн. руб. кредита по бюджету и 350 млн руб. в порядке аванса посевицам по контрактации.

Колхозное строительство в Дагестане началось еще в 1925 г., однако его темпы были невысокими. Этому способствовало слабость партийной организации и извращенные методы и перегибы советских работников в колхозном движении, значительное противодействие кулачества и духовенства республики коллективизации, недостаточное количество подготовленных кадров (агротехников, ветеринаров), отсутствие сельскохозяйственной техники и кредитной помощи государства.

К осени 1930г. в Дагестане были образованы 373 колхозных объединения, охвативших 5606 хозяйств.

Необходимо отметить, что значительная часть колхозов, как в плоскостном Дагестане, так и в горной его части, по формам и методам ведения хозяйства едва ли можно было назвать колхозами. В лучшем случае они были «Товарищества по совместной обработке земли», а в худшем – «объединенные мелкие крестьянские хозяйства для получения всевозможных ссуд от кооперативных и государственных организаций» или индивидуальные хозяйства, а лучше «лжеколхозы». В существующие колхозы умудрялись проникнуть кулаки,

¹ Там же, С. 71.

представители духовенства, индивидуальные торговые работники (спекулянты). В основе же колхозы в Дагестане росли за счет бедняков и батраков и при незначительном количестве середняков.

Колхозы обслуживали всего 11 агрономов, находящихся в 8-ми районах (Ачикулакском, Буйнакском, Дербентском, Касумкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском и Хасавюртовском). Во всех 373 колхозах республики работали 111 тракторов, 26 трискторов, 90 сеялок, 663 плугов, 621 борон¹.

В докладной записке Даготдела ОГПУ «О коллективизации крестьянских хозяйств в Дагестанской АССР», составленной в декабре 1930г. и представленной в Дагестанский обком ВКП (б) говорилось о том, что «в республике отмечается засоренность колхозов социально-чуждыми и негодными работниками, наличие у отдельных колхозников индивидуального хозяйства, невнимательное отношение со стороны сельских партийных организаций, в том числе и секретарей ячеек, невнимательное и безразличное отношение к колхозам и колхозникам, в нежелании идти в колхозы отдельных коммунистов и на этом фоне разложенческие настроения среди крестьян, особенно середняков, заявляя: «раз коммунисты не идут в колхозы, а нам не нужно идти тем более»².

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Там же, С. 177.

² Там же, С. 178.

Глава II

Организация и проведение сплошной коллективизации в Дагестане и ее последствия

С ноября 1930 г. в Дагестане заметно усилился рост коллективных хозяйств. К этому времени в стадии организационного оформления находились 40 крупных колхозов в селениях, перешедших на сплошную коллективизацию. По округам, районам республики эти колхозы распределялись следующим образом: Буйнакский – 17 (42,5%), Хасавюртовский – 15 (37,5%), объединявших 3120 крестьянских хозяйств, Махачкалинский – 4 (10,0%), Ачикулакский – 1 (2,5%), Даргинский – 2 (5,0%)¹.

Основными причинами темпов роста крупных колхозов на базе сплошной коллективизации являлись: 1) очищение партийно-советского аппарата в руководстве колхозным движением от противников коллективизации, особенно после партийной чистки 1929 г., кредитование, контрактация, выдача авансов (деньгами и продовольствием) коллективным хозяйствам, занимающим выращивание технических культур (хлопок, кенаф), предоставление крупным коллективным хозяйствам на выгодных условиях тракторов и другой сельскохозяйственной техники, изъятие органами ОГПУ антисоветских и антиколхозных группировок, срывающих мероприятия советской власти по колхозному строительству, особенно по Хасавюртовскому району.

Между тем проведение сплошной коллективизации в вышеназванных районах не увязывалось экономическими и политическими потребностями данного района. Партийные и советские работники без соответствующей подготовки крестьян, без проработки и разъяснения руководящих документов о принципах коллективизации, отождествляя коллективные хозяйства с коммунами, зачастую и под нажимом с целью получения согласия перехода на сплошную коллективизацию, проводили это очень ответственное мероприятие.

В случае перехода крестьян на сплошную коллективизацию партийные и советские работники в своих агитационно-массовых мероприятиях сулили крестьянам огромную помощь и поддержку от государства, забывая о том, что и крестьяне, вошедшие в колхозы, обязаны будут оказывать помощь государству путем сдачи излишков

¹ Коллективизация и антиколхозные выступления...С. 178.

хлеба и других сельхозпродуктов государственным и кооперативным организациям, сбором средств для авансирования предприятий промышленности, выпускавшим тракторы, грузовые автомобили и другую сельскохозяйственную технику.

Так, руководители Буйнакского района после перехода ряда селений на сплошную коллективизацию в своих заявках, адресованных республиканским органам, обещали для 17 колхозов 160 автомобилей, в среднем по 9 автомобилей на каждое хозяйство, постройку домов на 4000 человек, скотных дворов, конюшен и все это за счет государства.

Такие щедрые обещания и агитация совпартрработников в пользу сплошной коллективизации способствовали насаждению иждивенческих настроений среди крестьян и повышенных требований государству. Они были и на руку кулацко-мульским элементам, которые знали, что государство не в состоянии будет обеспечить крестьян всем необходимым и тем самым крестьяне сами откажутся от вступления в колхоз.

В результате такого искривления политики партии в области колхозного строительства в республике участились факты продажи и убоя скота, особенно в тех районах, где проводилась сплошная коллективизация. Это создавала угрозу для одного из основных отраслей сельского хозяйства – животноводства, а с другой стороны способствовало возникновению маломощных карликовых крестьянских хозяйств. Уже в 1931 г. крестьяне, вступившие в колхоз, через несколько дней после вступления, начинали требовать обещанное и не получив его, отказывались работать в колхозе, бросали работу и начинали заниматься индивидуальным (единоличным) хозяйством. Особенно много таких фактов было выявлено в Хасавюртовском районе.

Разлагающее влияние на крестьян оказывали кулачество и духовенство и их родственники, вступившие в колхозы по их настоянию. Чтобы вступить в колхозы и там проводить разложенческую работу отдельные кулаки самораскулачивались и тем самым пролезали в колхозы.

В ряде колхозов им удавалось захватить командные посты, проводить работу по дезорганизации производственной деятельности колхозов путем умышленного, бесхозяйственного ведения дела, уничтожения скота, колхозного имущества, ломки сельхозинвентаря. Деятельность кулачества, пролезшего в колхозы, пагубно сказывалось на проведение хозяйственно-политических кампаний на селе. Они оказывали активное противодействие организации и учету труда, рас-

пределению доходов по трудодням, переходу на сдельщину, внедрению новых форм труда и т. д.

Бурный рост колхозов в 1930 г. сменился и бурным распадом искусственно созданных насильно, административными методами насажденных колхозов, массовым выходом колхозников из колхозов.

В районах проведения сплошной коллективизации (Бабаюртовском, Буйнакском, Махачкалинском и Хасавюртовском) создаваемые колхозы не соответствовали требованиям идеи сплошной коллективизации, колхозы организовались с числом в среднем 100 хозяйств.

Основными причинами распада колхозов, выхода колхозников из колхозов были:

1) насаждение колхозов административными методами без учета желания населения, наличия экономических возможностей крестьян, вступающих в колхозы;

2) антиколхозная агитация кулачества и духовенства, распространение провокационных слухов о близком конце Советской власти;

3) отсутствие должного руководства республиканских и районных органов колхозным строительством, разложенческая деятельность председателей и членов правления колхозов (пьянство, расхищение имущества и пренебрежительное отношение к колхозникам);

4) запугивание представителями власти путем ареста бедняков и середняков за отказ войти в колхоз, ссылкой в Северные края, лишением земли.

Все эти перегибы и искажения, головоунытие руководителей давали возможность антисоветским и антиколхозным элементам активизировать свою деятельность, привлечь на свою сторону и втянуть в массовые противоколхозные эксцессы середняков, бедняков, батраков и значительной части женщин.

В Буйнакском районе распались колхозы в сел. Эрпели, Каранай и Кадар. В Махачкалинском районе – в сел. Султан – Янги-Юрт, Чонт-аул, Шамхал-Янги-Юрт. В колхозе сел. Кумторкала, созданной в 1930 г. из 400 хозяйств крестьян, вошедших в колхоз, к осеннему севу осталось только 100, а в сел. Коркмасовка бригадой райкома партии были арестованы несколько середняков в их числе и одна женщина за выступление на собрании против организации колхоза¹.

К марту 1930 г. наблюдался рост колхозов в Дагестане, переход середняков за сторону советской власти и его вступление в колхозы.

¹ Там же, С. 157

Однако при проведении политики на ликвидацию кулачества как класса в ряде районов наблюдались явные искажения линии партии, слишком быстрый, необдуманный, не основанный на достижениях экономических и политических предпосылок переход на сплошную коллективизацию и раскулачиванию крестьянства.

Основанием проведения всех этих мероприятий было принятое 5 января 1930г. постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В постановлении было отмечено, что «коллективное движение охватило целые районы, округа, области и края, что темпы коллективизации превзойдены, пятилетний план коллективизации был превзойден (вместо предполагаемой обработки посевной площади на общественных началах 22-24 млн га) обработано было 30 млн.га, что позволяло партии и государству заменить кулацкое хозяйство крупным колхозным производством и на этой основе перейти от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса.

На этой основе вместо предполагаемого в пределах первой пятилетки коллективизации 20% посевной площади, планировалось завершить коллективизацию большинства крестьянских хозяйств таких зерновых районах, как Нижняя и Средняя Волга и Северный Кавказ осенью 1930 г. или весной 1931 г., а в остальных районах осенью 1931 г. или весной 1932 г.»¹.

По данным Наркомфина СССР количество кулацких хозяйств Дагестанской АССР, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке за 1929/1930 гг. составляло 1650, а в 1930/1931 гг. – 1576 хозяйств (по 20 районам из 26). Сумма, исчисляемого налога в среднем на одно кулацкое хозяйство составила в 1929/1930 гг. – 324 руб. 71 коп., а 1930/1931 гг. – 556 руб. 56 коп.²

В связи с переходом страны к массовой коллективизации бедняцких и середняцких хозяйств и ликвидации на этой основе кулачества как класса борьба кулачества с советской властью приняла резкие формы: уничтожение материальной базы колхозов и совхозов, поджоги, террористические акты открытое сопротивление хлебозаготовкам.

Наиболее крупными кулацкими выступлениями в стране были: Сузакское (Кызыл-Орда) – 200 участников, Иргизское (Кустанай и Актибиск) – 2500, Кызыл-Ордынское – 4500, Курахское (Дагестан) –

2500, Народные восстания (Закавказье) – 1200, Нуха-Закатальское (Азербайджан) – 3700. Всего – 6 крупных восстаний с участием 14600 человек. При ликвидации всех восстаний за период с января 1930 г. было убито 2686 главарей и активных участников восстаний, добровольно сдались 7310 человек¹.

Органами ОГПУ с 1 января по 15 апреля 1930 г. была проведена первая операция по ликвидации кулачества по 1-й категории (расстрел).

В первой операции было изъято 140724 чел., из них: кулаков – 79330 (56,4%), церковников – 5028 (3,6 %), бывших помещиков и заводчиков – 4405 (3,1 %) прочий антисоветский элемент – 51.961 чел. (36,9 %).

Во вторую операцию, проведенную с 15 апреля по 1 октября 1930 г., органами ОГПУ было арестовано 142.993 чел., из них: кулаков – 45.559 чел. (31,9 %), прочий антисоветский элемент – 97434 (68,1 %).

Выселение кулачества в отдаленные северные районы СССР и внутри областей по 2-й категории подлежали наиболее мощные кулацкие хозяйства и антисоветский актив с семьями. Основная масса кулаков 2-й категории была выселена в Северный край, Уральскую область, Сибирский край, Дальневосточный край, Казахстан и Ленинградскую область в количестве 100.650 семей (513 787 человек). В числе выселенных находились 2 500 участников Курахского восстания (Дагестан).²

Руководством страны были допущены крупные недочеты по вопросам жилищного строительства, продовольственного и товарного снабжения высланных кулаков. Хозяйственная неустроенность, отсутствие должного надзора за ссыльными кулаками со стороны административных органов способствовали массовому бегству кулаков из поселков, лесозаготовок, лесосплавов.

Таким образом, огромное количество кулаков, сбежавших с мест вселения, оставались на свободе (26925 чел. – 55%), которое восстановили связи с местными контрреволюционными силами, вели агитацию против советской власти и хлебозаготовок, препятствовали проведению других хозяйственно-политических кампаний советской власти.

1930 год характерен для страны открытой борьбой кулачества против советской власти. Отчетливо вырисовывалась повстанческая

¹ Трагедия советской деревни. Т.2. С. 85.

² Коллективизации и антиколхозные выступления... С. 67.

¹ Там же. С.69.

² Там же.

борьба с применением законспирированных контрреволюционных методов, ставящих себе целью подготовку вооруженных восстаний под лозунгом свержения советской власти. К числу территорий активной деятельности подготовка вооруженных восстаний входил и Дагестан.

В результате принятых оперативных мероприятий органами ОГПУ с применением вооруженной силы были ликвидированы 993 выступления (61,4 %) ¹.

Для 1930г. характерны были и такие проявления вредительства со стороны кулацких, контрреволюционных элементов как поджоги хлебов, фуража, построек, имущества колхозов и домов сельских активистов, порча сельхозинвентаря, уничтожение скота, посевов.

В 1930г. значительно увеличилось и количество распространяемых листовок и анонимок антиколхозного и повстанческого характера по сравнению с 1929 г. Если в 1929 г. их было 2390 случаев (1331 листовок и 1059 анонимок), то в 1930 г. стало 5156 случаев на 2766 больше (рост 115,7 %). Из них листовок 3512 на 2181 больше (рост 163,8 %), 1644 анонимок на 585 больше (рост 55,2 %) ².

В результате изъятия органами ОГПУ контрреволюционных элементов (участников белого движения, членов распущенных политических партий) и др. кулачество начало искать себе союзника в лице зажиточного крестьянства из числа середняков, женщин, молодежи, разложившихся работников советского аппарата, исключенных из рядов ВКП (б), деклассированных элементов, уголовников и пьяниц недовольных советской властью.

Весной 1930г. многочисленные искривления и перегибы, допущенные органами советской власти, как в Центре, так и на местах в проведении коллективизации и раскулачивании дали возможность кулачеству привлечь на свою сторону значительную часть середнячества и выступить с антиколхозными лозунгами. Между тем непопулярными становились в массах середнячества откровенно антисоветские лозунги кулака. Поэтому, изменив тактику, кулачество с весны 1930 г. антисоветскую агитацию уже вело под предлогом борьбы против искривлений классовой линии в практике проведения хлебозаготовок, налогообложения, снятия колоколов с церкви, принудительного вовлечения крестьян в колхозы.

Начиная с 1929 г. контрреволюционные элементы, кулачество деревни начали вовлекать в массовые антиколхозные выступления

женщин. Из 1307 массовых выступлений в 1929 г. в 486 случаях (37,2 %) были исключительно женскими, а в 67 случаях массовых выступлений среди участников преобладали женщины.

В 1930 г. было зарегистрировано свыше 3700 массовых выступлений исключительно женские по составу участников. Если в первой половине года массовые антиколхозные выступления с участием женщин составляли 32 % к общему количеству всех выступлений, то к концу года их количество возросло до 55 %. Из 2897 массовых женских выступлений антиколхозный характер носили 1932 (66,7%), на почве продовольственных затруднений 336 (11,6%).

Из 307 чисто женских выступлений 213 случая (68,0 %) были приостановлены путем разъяснения и уговоров, 57 случаев (15,5 %) удовлетворением требований выступивших, 40 случаев (14,0 %) – арестом активных участников и зачинщиков и только 7 случаев (2,0 %) были ликвидированы с применением вооруженной силы ¹.

В конце 1929 г. в связи с переходом района на сплошную коллективизацию в ряде аулов Хасавюртовского района Дагестана стала проявляться активная деятельность кулачества по срыву мероприятий советской власти по проведению коллективизации с применением террористических методов. Особенно отличились такие аулы как Темир – аул, Батаюрт, Байрам – аул и Аксай.

3 декабря 1929 г. в сел. Байрам – аул на собрании сельчан по вопросу о коллективизации группа кулаков, зажиточная часть крестьянства и духовенства села проявили агрессивность и избили представителей Хасавюртовского райкома партии, райисполкома, кресткома, председателя сельсовета, партийцев и комсомольцев села и района. Органами правопорядка были арестованы 10 человек зачинщиков.

На следующий день, 4 декабря 1929 г. в сел. Батаюрт группа женщин в количестве около 300 человек, вооруженная топорами, палками, кинжалами устроила демонстрацию под лозунгом «Долой колхозы», «Да здравствует духовенство». Таким образом, было сорвано собрание сельчан по вопросу коллективизации.

Террористические акты были совершены в отношении комсомольца Магомедова из сел. Байрам – аул. В ночь на 4 декабря 1929 г. жертвой преступления стала мать комсомольца Магомедова выступившая за организацию колхоза в ауле.

В сел. Аксай был убит милиционер Хасавюртовского РОВД, приехавший для задержания преступника.

¹ Там же, С. 74

² Там же

¹ Там же, С. 75

Искривлениями и перегибами в колхозном строительстве, допущенными партийными и советскими органами на местах воспользовались кулачество и мусульманское духовенство, которые проводили большую агитационную, антиколхозную пропаганду среди населения района им удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения, духовенство, женщин, молодежь, уголовники и пьяницы. Ожесточенными были антиколхозные выступления в Буйнакском, Касумкентском, Махачкалинском, Табасаранском и Хасавюртовском районах. Массовые выступления женщин против колхозов особенно заметно были в Табасаранском районе. Женщины 7-ми населенных пунктов района в количестве 700 человек в начале марта 1930 г. явились в райцентре в сел. Тинит потребовали роспуска колхозов.

В сел. Эвигар Касумкентского района 17 февраля 1930 г. на собрании колхозного актива кулачество своими агрессивными действиями сорвали собрание, избили председателя сельсовета, разгромили ликпункт. Кулачество и духовенство села сумели вовлечь женщин в антиколхозное движение, организовывали тайные собрания, несмотря на запрет Корана, женщин допускали в мечеть на молитву. В результате таких выступлений начали распадаться уже созданные колхозы. Их число сократилось с 30% к 1 марта 1930 г. до 6 % к августу того же года¹. На конец 1929 г. в Дагестане было 363 колхоза, а 1930г. - 407. По контрольным цифрам на 1931г. предусматривалось иметь 888 колхозов и охватить коллективизацией 41.484 хозяйства или 24,3%. К концу пятилетки (1932г.) было намечено коллективизировать 89,444 хозяйства или 54,3%².

Развертывание колхозного движения весной 1930г. встретило резкое противодействие со стороны кулацко-контрреволюционных сил, представителей духовенства. Развернув широкую агитацию против колхозов, особенно среди женской части населения, применяя террористические методы против активных работников, сторонников колхозного движения, подрывая экономическую базу созданных колхозов, противники колхозного движения вызвали в ряде районов отлив бедняцко-батрацких и середняцких слоев населения из колхозов. Отливу способствовали и допущенные на местах перегибы и недочеты в работе местного советского аппарата.

Антиколхозные выступления населения Дагестана продолжались и в 1931г.

¹ Османов А.И. Ликвидация кулачества как класса в Дагестане. Махачкала, 1972. С. 85.

² Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане. С. 184.

10 августа 1931 г. в сел. Эрпели Буйнакского района вспыхнуло крупное антиколхозное движение. В процессе выступления был убит колхозник колхоза селения. На следующий день, 11 августа вспыхнуло такое же антиколхозное выступление сел. Кака-Шура Карабудахкентского района, в котором участвовало почти все население села численностью 1500 человек. Повстанцы убили председателя колхоза и секретаря ячейки ВКП (б). Восстание было подавлено отрядами милиции и войск ОГПУ. Во время перестрелки было убито 15 повстанцев, 7 человек ранено, 70 человек арестовано. В процессе ликвидации восстания зачинщиками был убит уполномоченный угрозыска Буйнакского района Латыпов.

17 августа 1930 г. в сел. Чиркей Буйнакского района во время антиколхозного выступления сельчан был ранен милиционер района, а 24 августа в сел. Верхний – Дженгутай был убит комсомолец, активист села, сторонник создания колхоза в селе. Антиколхозные выступления в районе были очень частыми. Они происходили и Нижнем-Дженгутае, Эрпели, Нижнем-Казанище, Апши, Параул, Кадар и других населенных пунктах. Антиколхозные выступления способствовали распаду многих колхозов. Так, если на 1 декабря 1929 г. в районе в колхозы были вовлечены 6656 хозяйств, то по состоянию на 25 мая 1930 г. в колхозах оставались лишь 2528 хозяйств, т.е. 4128 хозяйств вышли из колхозов (62,0 %)¹.

Массовые политические выступления населения против коллективизации и необоснованных планов хлебазаготовок продолжались и в 1932 г., особенно в Кизлярском районе. В конце августа и в начале сентября 1932 г. в колхозах им. Пятилетки и в сел. Тарумовка, «Новый путь» и «10-летие Октября» станицы Большая Арешевка во время отгрузки хлеба толпа женщин около 100 человек сняли с подвод 15 мешков зерна и не допустили вывоза хлеба, предназначенного для сдачи государству. В станице колхозники организовали общее собрание с участием мужчин 35 человек и женщин 40 человек, где вынесли решение – хлебазаготовку прекратить и обратиться в ДагЦИК с ходатайством о пересмотре планов хлебазаготовок.

В самом городе Кизляр 6 сентября 1932 г. группа колхозников колхоза им. XVI партсъезда явились к амбару, где хранилось зерно и не допустили их вывоза, требуя в первую очередь обеспечить хлебом колхозников.

Надо отметить, что количество коллективизированных хозяйств в 1932 г. в Дагестане значительно выросло по сравнению с 1928 г. Ес-

¹ Там же, С. 186, 187

ли в 1928 г. их было 244 с числом хозяйств 4938, то в 1932 г. их стало 749 с числом хозяйств 34764¹.

В докладной записке заместителя начальника управления НКВД ДАССР секретарю Дагестанского обкома ВКП (б) «О контрреволюционной кулацкой активности в Дагестане»² от 20 августа 1934 г. говорилось о резкой активизации кулацко-бандитского элемента, перешедшего от методов антисоветской агитации к организации кулацкого подполья путем объединения разрозненных сил в сплоченные группы, действовавшие на развал и подрыв колхозного строительства, на уничтожение и разбазаривание колхозного и личного скота, на провоцирование бедняка и середняка на массовое выступление против создания колхозов, на организацию террористических актов, воровство скота и хлеба, поджоги, всякие эксцессы и волынки

Кулак являлся организатором и базой бандитизма в Дагестане, организующим началом контрреволюционного подполья повстанческого направления. К середине 30-х годов в Дагестане действовали 5 банд с количеством от 24 до 37 человек. Они действовали на Дербентском и Табасаранском районах (6-7 человек), Ботлихском (3 чел.), Хасавюртовском (11 чел.), Казбековском и Бабаюртовском и Кизлярском (4-6 чел.), Караногайском и Акушинском по несколько человек.

По сравнению с 1933 г. в 1934 г. деятельность бандитских групп значительно активизировалась и они численно выросли. Основными методами были вооруженные налеты, скотоконокрадство, налеты на колхозное и совхозное имущество, колхозных бригад, работающих на поле, их ограбление особенно обозов, организации террористических актов.

Особенно сильным была хасавюртовская банда. Она убила зам. начальника Политотдела совхоза им. Р.Люксембург, секретаря Цумадинского райкома партии, зав. орготделом Гумбетовского райкома партии, начальника Казбековского райотдела милиции, ряд оперативных работников. Банда действовала в течение 11 лет и имела в своем составе 57 человек, которые были ликвидированы в августе 1934 г.

В пяти плоскостных районах республики в Буйнакском, Кизлярском, Хасавюртовском, Шелковском и Коркмаскалинском было выявлено 16 кулацких группировок с общим числом 197 человек. Из них: кулаков 99 (50,2%), попов, мулл и ученых – арабистов – 32 (16,2 %), зажиточных – 13 (6,6 %), бывших белогвардейцев и городо-

вых – 4 (2,0 %), торговцев 2 (1,0 %), бедняков и середняков 42 (21,3 %) и без определенных занятий – 5 (2,5 %).

Основным политическим направлением деятельности вышеуказанных группировок было занять высокие командные посты в колхозах, сельсоветах, ячейках ВКП (б) с тем, чтобы повлиять на бедняка и проводить через них свою контрреволюционную работу.

В таких селениях как Параул и Эрпели Буйнакского района, Каякент Дербентского района, Кактубей Кизлярского района и Кокрек Хасавюртовского района им удалось этого достичь.

Пролезшие в колхозы кулацко-бандитские элементы, занимая в них руководящие должности (зам. председателя колхоза, зав. фермами, складами, амбарами, ремонтными мастерскими сельхозинвентаря), проводили политику по развалу колхозов изнутри, путем разбазаривания и воровства колхозного имущества, терроризацией и издевательствами над колхозниками. В результате такой политики в середине 30-х годов XX в. обстановка в сельской местности резко ухудшилась. Усилилось влияние религии, частыми стали проведение культовых обрядов, значительное влияние имело распространение провокационных слухов близости мировой войны и гибели Советского Союза, роспуска колхозов. В конечном счете это подрывало экономическое и хозяйственное состояние колхозов, вызывали массовое недовольство среди колхозников, наблюдался упадок трудовой дисциплины, невыход на работу.

В августе месяце 1934 г. за воровство хлеба было привлечено к ответственности по плоскостным районам 51 человек, из них 28 арестовано, все в большинстве своем бывшие кулаки.

Почти во всех районах республики существовали скрытые формы эксплуатации бедняков и батраков кулачеством под видом членов семьи, близких родственников, за мизерную плату, устройством субботающих, сдачи земли в аренду на кабальных условиях.

В Дагестане действовала и система купли-продажи земельных участков. Такие факты были выявлены в сел. Караша Лакского района, Тлох Ботлихского района и др.

Определенную опасность для республики представляла беглое кулачество из ссылок, которое внедрялось в бандформирование и их пособников. В 1934 г. беглое кулачество и пришлый элемент в количестве более 1200 человек нашли себе приют в строительстве «Двигательстроя», в плоскостных районах республики: Бабаюртовском, Караногайском и Кизлярском.

Беглое кулачество и пришлый элемент был источником формирования банды Скрипченко-Акста в Кизлярском районе. В составе

¹ Там же, С. 190

² Там же, С. 192-94

банды находились 11 человек кулаков, которые только в 1934 г. совершили 18 вооруженных грабежей в районе.

Такое же явление было выявлено в Ахвахском районе, где в составе банды находились более 10 человек, в Гунибском - около 20, по несколько десятков - в Буйнакском, Кизлярском и Хасавюртовском районах. В Дербентском районе в составе бандгруппы были выявлены более 30 офицеров бывшей белогвардейской армии. Все они были привлечены к ответственности, в том числе уголовной.

Вопросы коллективизации постоянно находились в поле зрения Дагестанского обкома ВКП (б).

Итоги выполнения второго пленума Дагестанского обкома ВКП (б) от 1 октября 1934г. в области коллективизации сельского хозяйства в Хунзахском районе республики были обсуждены на заседании бюро обкома партии в январе 1935 г. В принятом постановлении «Об ошибках в проведении коллективизации в Хунзахском районе» отмечалось, что «бюро Хунзахского райкома партии вместо того, чтобы организационно укрепить существовавшие колхозы, организовывать кооперативные товарищества животноводов, административным путем начало организовывать новые колхозы, игнорируя решения пленума об оставлении в единичном пользовании колхозников 10 овец, 5 ягнят, лошадей, рабочий скот и коров, начало обобществлять в отдельных колхозах последнюю корову и теленка. Эти факты были использованы кулацко-мульскими элементами в своей агитационной деятельности в целях дискредитации советской власти и колхозного строительства.

Решением бюро обкома партии за искривление линии партии в колхозном строительстве секретарь райкома партии Пирбудагов и зам. секретаря Кадиев были сняты с работы с объявлением выговора. Председателю райисполкома Омарову был поставлен на вид с предупреждением.

Для исправления допущенных ошибок и разъяснения данного постановления сроком на 10 дней в район были направлены член бюро обкома партии зам. председателя СНК ДАССР М. Г-М. Гитинов, инструктор М. Эльдаров и зам Наркомзема ДАССР Г-М. А. Мадиев¹.

В связи с непрекращающимися актами сопротивления кулачества мероприятиям советской власти в области коллективизации сельского хозяйства в феврале 1935 г. был подписан приказ начальника НКВД СССР по Северо-Кавказскому краю «О переселении кулацких

хозяйств из национальных областей за пределы Северо-Кавказского края»¹.

Согласно приказу переселению подлежали 1500 кулацких хозяйств, в том числе 450 хозяйств из Дагестана (30,0 %).

В приказе четко было предписано всем начальником УНКВД, учитывая особенности национальных республик и областей, сложность проводимой операции о необходимости обеспечения политической стабильности оперируемых районов, обеспечения каждой оперативной группы квалифицированными оперативными сотрудниками под руководством опытными работниками. При этом в процессе проведения операции предлагалось проявить максимум быстроты, четкости и такта во избежание каких-нибудь конфликтов, которые могли бы использовать антисоветские элементы в контрреволюционных целях.

Начальнику Дагестанского УНКВД Горбунову особо было предписано обеспечить квалифицированными оперативными работниками горных районов республики. Лично начальнику УНКВД было поручено побеседовать с каждым выселяемым и при обнаружении ошибочно арестованных немедленно освобождать. При выселении применение вооруженной силы категорически воспрещалось.

На 28 февраля 1935 г. в 8-ми районах было отобрано 416 хозяйств, а остальные 44 были оставлены в резерве. В районном резерве эти хозяйства выглядели следующим образом:²

№ п/п	Районы	К-во хоз-в	В них членов семьи	№ п/п	Районы	К-во хоз-в	В них членов семьи
1	Касумкентский	31	164	5	Махачкалинский	69	300
2	Дербентский	73	374	6	Буйнакский	80	362
3	Кайтагский	18	80	7	Бабаюртовский	33	154
4	Каркмаскалинский	18	81	8	Хасавюртовский	94	495
					Итого:	416	2010

В реализации операции по выселению кулачества по Северо-Кавказскому краю участвовали 637 чекистов, из них 110 человек из Дагестанского УНКВД. Выселяемое кулачество было обеспечено продовольствием общим весом 118.009 кг., что на 26.957 кг, превышало норму, предусмотренного планом.

¹ Там же, С. 195, 196.

¹ Там же, С. 196-198.

² Там же, С. 200.

У высланных кулаков было изъято: оружие - 1 боевая винтовка, 3 фроловки, 1 шамилевка, 3 револьвера разных систем, 18 гладкоствольных ружей, 176 кинжалов, 100 боевых патронов; золотые изделия: 4 золотых монета чеканки достоинством по 5 рублей, 3 монеты по 10 рублей, 2 турецких лиры, 3 монеты империял и 1 большая золотая медаль.

Помимо этого у кулаков было изъято и передано в районные исполнительные комитеты следующее конфискованное имущество: 300 домов, 2 хутора, 213 га посева, 69,5 га фруктовых садов и виноградников, 90 быков и буйволов, 56 лошадей, 111 коров, 107 телят, 5 ослов, 174 голов овец и коз, 13 голов мелкого скота, 10 единиц сложной сельскохозяйственной техники, 2864 пудов кукурузы, 529 пудов пшеницы, 1514 пудов муки и другого продовольствия, 26 фургонов, 2 мельницы и 5 ульев пчел¹.

Проведение операции по выселению кулачества в республике положительно сказалось на процессе коллективизации: с марта 1935 г. наметился значительный прилив единоличников в колхозы и создание новых колхозов. В Хасавюртовском районе вступили в колхозы 224 хозяйства, в Кайтагском – 79, Махачкалинском – 50, Дербентском – 100, а в сел. Дарваг этого же района был создан колхоз с 316 хозяйствами².

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 201

* Сел. Дарваг с 1944 г. находится в составе Табасаранского района.

Глава III

Власть и интеллигенция Дагестана в 30-40-е и 50-е годы XX века

В последнее десятилетие XX в. и в первое десятилетие XXI в. интерес читателя к отечественной истории 30-х, 40-х, 50-х годов очень высок. Это связано с тем, что многие факты и события, относящиеся к репрессиям 30-х, 40-х, 50-х годов не получили своего полного освещения в нашей исторической литературе по причине отсутствия доступа исследователей к закрытым фондам партийных, советских органов и учреждений, спецхранам библиотек. Нельзя было доподлинно осветить даже известные события и факты, ибо они не соответствовали существующей идеологии. Освещение любого явления в отечественной истории периода после с 1917 г. нельзя было вне связи с деятельностью руководящих партийных органов от Центрального Комитета до первичных партийных организаций. Все это крайне отрицательно отражалось на развитии исторической науки в целом в стране.

После преобразования партийных архивов в центры хранения документов новейшей истории, потом их преобразование в архивы социально-политической истории (ЦПА ИМЛ переименован РГАС-ПИ), а также слияния некоторых из них (например, в Республике Дагестан) с государственными архивами (1991г.), открытия доступа к отдельным закрытым архивным фондам и спецхранам библиотек, исследователи получили широкий простор для научных исследований отечественной истории, что позволило пересмотреть ранее устаревшие догмы, заново осмыслить многие факты и события прошлого, в том числе и судьба интеллигенции, стоявшей у руля советской власти в регионах.

О масштабах репрессии 30-х годов по всей стране можно судить по публикациям за рубежом и в нашей стране в различных изданиях. Однако сведения в этих публикациях в одних случаях несколько преувеличены, а в других – преуменьшены. К сожалению, эти данные используются и исследователями в своих публикациях. На это обратил внимание и Александр Дугин в своей статье «Сталинизм: легенды и факты». По его мнению, слишком преувеличенные данные, содержатся в исследованиях американских ученых Р. Конквеста «Большой террор» (Нью-Йорк. 1968) и С. Коэна «Бухарин. Политическая биография 1888-1938» (М., «Прогресс-академия. 1992). В этих работах

имеются сведения о 9 млн. заключенных в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях ИТЛ к концу 1939 г.¹ В ряде других изданий эти сведения доходят до 50-60 млн. человек. Ссылаясь на архивные данные, А. Дугин приводит цифры о том, что в 1937-1950 гг. в исправительно-трудовых лагерях побывало более 8,8 млн. человек, из них репрессированные по политическим мотивам (по ст. 58 УК РСФСР) составили всего 2 млн. человек. Кроме того, в 1930-1950 гг. через исправительно-трудовые колонии прошли еще 1,1 – 1,3 млн. человек. Всего за эти годы по политическим мотивам было арестовано 3,6-3,7 млн. человек.

Большой размах нарушений закона, необоснованные репрессии получили свое обоснование начиная с 1935 г. в связи с выходом закрытого письма ЦК ВКП (б) от 15 января 1935 г. «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова»² Делегат XVII съезда партии О. Г. Шатуновская в статье «Вокруг трагедии в Смольном» сообщила следующие цифры: с января 1935 г. по июнь 1941 г. было арестовано 19.840.000 человек, из которых 7 млн. было расстреляно в тюрьмах³.

Интересные цифры приведены в статье доктора философских наук Н. Михайлова «Тайное голосование. Сколько делегатов XVII съезда партии голосовало против Сталина?»

Согласно приказу Н.Ежова от 31 июля 1937 г. № 00447 был установлен «лимит» на 258.950 человек, подлежащих осуждению по первой и второй категориям (I категория-расстрел, II-8-10 лет ИТЛ – исправительно-трудовых лагерей). Этот лимит был распределен на все республики, края, области, а местным органам НКВД представлялось право самим отыскивать запланированное количество врагов народа. Лимиты эти, как показывает недавно опубликованные документы из президентского архива, увеличивались по запросам обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий. Первоначальный лимит для Дагестана, утвержденный на Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 июля 1937 г. протокол № 51, п. 106, подпункт 2 составлял по первой категории – 600 и по второй категории 1200 человек.⁴ Второй лимит, утвержденный на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) от 26 сентября

1937г. (протокол №54. п.46) включал в себя 2478 человек по первой категории и 3300 – по второй.¹

Органы НКВД регулярно представляли на подпись Сталину, Молотову и Кагановичу списки на массовые расстрелы коммунистов, их жен и детей. По таким спискам (а их накопилось 11 томов) с февраля 1934 г. по сентябрь 1938 г. были расстреляны 38.848 коммунистов, а 5449 заключены в тюрьмы и лагеря².

Некоторые статические данные о репрессиях 30-х, 40-х и 50-х годах XX в. были опубликованы в журнале «Источник», за 1995 г. № 1:

В 1934 году было арестовано 68.415 человек;

В 1935 году - 104. 716, а в 1936 г. – 85.530 человек.

Из числа арестованных в 1935и 1936 гг. (190.246 человек) было расстреляно 2.347 человек.

В 1937 году было арестовано 779.056, а в 1938 г. – 593.336 человек

Из общего количества арестованных в 1937 и 1938 гг. (1.372 392 человека) расстреляно 681.692 человек (49,7%), в том числе, по неполным данным, по решениям внесудебных органов 631.897 человек (46,0%).

В числе репрессированных, по неполным данным членов и кандидатов в члены ВКП (б) было в 1937 году 55.428 человек (7,1%), в 1938 году – 61.457 человек (10,3%).

В 1939 году было арестовано 33.924, а в 1940 г. - 87.109 человек

Из числа арестованных в 1939 и 1940 гг. (121.033 человек) было расстреляно 4.464 человека (3,7%)...

О большом размахе репрессий в 1937-1938 годах свидетельствует и следующие данные. В 1941-1945 годах было арестовано 690.843 человека, в 1946-1952 - годах 385.720 человек. Всего за 12 лет было арестовано 1.076.563 человек, из них расстреляно 59.653 человека (5,5%), тогда как за 2 года 1937 и 1938 годы было арестовано 1.372.392 человека, из них расстреляно 681 692 человека (49,7%).

Таким образом, за 28 лет репрессий в стране (1934-1952 гг.) было арестовано 2. 828.649 человек, из них расстреляно – 748.156 человек (26,5%)³.

Исследователи репрессий 30-х – 40-х годов в Дагестане, особенно пишущие политических портретов государственных и общественных деятелей республики, не всегда проявляют максимум научной объективности.

¹ Дугин А. «Сталинизм: легенды и факты.// Слово, 1990, № 7, С. 22-26

² Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С.195 - 195.

³ Шатуновская О. Г. «Вокруг трагедии в Смольном» // «Сельская жизнь», 1990, 23 сентября.

⁴Репрессии 30-х годов в Дагестане, 1997, С. 278.

¹ РГА СПИ. Ф.17. Оп.166. Д.580. Л.32.

² «Диалог», 1991, №1, С. 86-87.

³ Источник. Документы русской истории. Приложение к Российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1995, № 1, С. 120.

Известно, что в выполнении решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б), с которого начались в основном массовые репрессии партийных, советских и хозяйственных руководителей, принимали участие все, без исключения, краевые, областные и республиканские партийные организации. Репрессии эти, как выяснилось впоследствии, проводились по лимитам утвержденным Политбюро Центрального Комитета партии по представлению партийных органов.

В этой обстановке не оставался в стороне и Дагестанский областной комитет партии. Этого не отрицал и сам первый секретарь обкома Н. Самурский. На это обратил внимание и А. Д. Даниялов, долгие годы проработавший вместе с Н. Самурским. «Н. Самурский очень горячий, настойчивый в достижении поставленных цели - пренебрегал мнением товарищей. Эта его черта характера привела к неисправимым ошибкам и нарушениям социалистической законности в 1936-1937 гг. (в результате которых пострадало много безвинных коммунистов, да и сам Самурский)»¹.

Выступая на XIV-й областной партийной конференции (май-июнь 1937г.) Н. Самурский сказал буквально следующее: «Я хочу остановиться еще на одном вопросе, на выступлении одного из товарищей, что не Дагобком в 1935 – 1936 годы и в последующем разоблачал многих врагов народа, а Краевой комитет. Конечно, товарищи, Крайком помогал нам, но я категорически должен заявить, что хотя и с известным опозданием, но многих врагов народа разоблачал Дагестанский комитет партии и лично я в 1935-1936 и в 1937 гг.»².

Исследователи биографии Н. Самурского А. Агаев, а после него К. М. Ханбабаев очень много сделавшие для освещения вопросов репрессий и политического портрета самого Н. Самурского на основе подлинных архивных документов, к сожалению, пропускают подчеркнутые нами слова из выступления Н. Самурского на конференции³ и тем самым всю ответственность за репрессии в республике перекладываются на Северо-Кавказский краевой комитет партии, куда в этот период входил Дагестанский комитет, сняв эту ответственность с областного комитета партии и его первого секретаря. Это легко было сделать авторам, поскольку Краевой комитет партии давно уже не

¹ Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане 1921-1940 гг. (Узловые проблемы). М., 1975. С. 149.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3562. Л. 23.

³ См. Агаев А. Г. Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала. 1990. С. 412; Ханбабаев К.М. Нажмутдин Самурский – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала. 2007.

существовал, а Дагестанский областной комитет партии входил в состав Краевого комитета партии. Нельзя выдергивать отдельный кусочек из документа и утверждать: мол во всем виноват Крайком. Нужно брать все высказывание до конца, а оно исключает всякую возможность иного толкования, которое склонен порой дать не очень осторожный читатель. Такие манипуляции с достоверными архивными источниками, использование документов в определенных целях в ущерб объективной действительности, естественно, приводит к искажению фактов истории.

В исторических исследованиях назрела необходимость утверждения правды в полном ее объеме без сокрытия или искажения фактов. Истина одна, она бескомпромиссна и никакая полуправда недопустима в освещении истории. Еще страшнее, когда правда о прошлом, о трагических периодах нашей истории скрывается, искажается в угоду конъюнктуре; какой-либо личности. Никто не может отрицать тот факт, что история советского государства при всех отступлениях, потерях, неудачах – эта история невиданного героического и трудового подвига народных масс. В тоже время надо честно и открыто признать все ошибки и промахи, которые были допущены в процессе преобразований в стране. Сейчас мы можем говорить, что история советской страны складывалась под сильным воздействием многих факторов. Крайне отрицательно сказывался низкий культурный и политический уровень народа. Все это послужило основанием для формирования режима личной власти, командно-административной системы, распространения идеологии вождизма как в центре, так и на местах. Характерно в этом отношении выступление председателя Совнаркома республики Керима Мамедбекова на собрании областного и Махачкалинского городского партийного актива 4-6 марта 1937 г. по докладу первого секретаря Н. Самурского: «Политические выводы в связи с раскрытием вредительства в озимом севе и подъему зяби и задачи партийной организации». «Надо положить конец вождизму в Дагестане, - говорил он, - ибо вождизм ведет к тому, что нет коллективного руководства. Вопрос о коллективности руководства стоит не первый день в нашей партии, он стоит со дня ее рождения. Поэтому я считаю, что эти элементы вождизма проводили к ряду фактов, которые были не в интересах нашего строительства, не в интересах нашей партийной организации»¹. Полагаем, что эти слова были обращены именно первому секретарю Н. Самурскому.

¹ ЦГА РД. Ф. 3-п Оп. 1. Д. 214. л. 196.

Осознание всего этого факта открывает нам широкие возможности для честного, непредвзятого анализа пройденного пути, восстановить подлинную картину и масштабы репрессий в республике с учетом открывшихся новых возможностей. Проблема состоит еще в том, что правда о сложном, противоречивом этапе нашей истории, особенно 30-х годов, где переплелись героическое и трагическое не исследовано до конца. Необходима объективная, беспристрастная научная оценка этого периода и в истории Дагестана, что позволит перевернуть еще одну неизвестную страницу.

Исследуемый нами период частично совпадает с периодом деятельности Н. Самурского на посту первого секретаря Дагестанского обкома партии (апрель 1934 – сентябрь 1937 гг.). Период очень сложный, противоречивый и трагичный не только для страны в целом, но и для Дагестана. Именно в этот период были проведены такие крупные мероприятия организационного характера, как чистка рядов партии, проверка и обмен партийных документов. В этот же период было совершено злодейское убийство секретаря ЦК ВКП (б) и Ленинградского обкома партии С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.), издано закрытое письмо ЦК ВКП (б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова» (18 января 1935 г.), которое обсуждалось во всех партийных организациях страны и с которого начались репрессии и политические процессы над видными партийными, советскими и хозяйственными работниками, военачальниками Красной Армии и Флота. В письме говорилось, что «злодейское убийство совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «Ленинградским центром». Идейным и политическим руководителем «Ленинградского центра» был «Московский центр» зиновьевцев...¹. Особенно эти процессы усилились в стране в связи с обсуждением нового закрытого письма ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (август 1936 г.), процесса по делу антисоветского террористического центра (январь 1937 г.) и проведения в жизнь решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б).

Во всех этих мероприятиях, связанных с проведением репрессий 30-х годов в Дагестане, на первом его этапе (1934 - август 1937 гг.) непосредственное участие принимал Дагестанский обком партии и его первый секретарь Н. Самурский. Это подтверждается наличием подлинных документов того периода.

Трагедия Н. Самурского заключается в том, что рядом с ним оказались такие руководители, члены бюро обкома партии как М. Сорокин и В. Ломоносов. В штыки была воспринята в свое время Н. Самурским кандидатура М. Сорокина на пост второго секретаря Дагестанского обкома партии, а органы НКВД республики и его нарком Ломоносов, как и впрочем, по всей стране в эти годы оказались вне контроля партийных органов, начиная от обкомов, крайкомов до ЦК. По всем вопросам, связанным с проведением репрессий в республике на первом ее этапе Н. Самурский вынужден был соглашаться с Ломоносовым и одобрять его действия. Никаких возражений с его стороны в адрес Ломоносова на заседаниях пленумов и бюро обкома партии не возникали.

В декабре 1934 г. на пленуме обкома партии были проведены итоги чистки Дагпарторганизации. Было отмечено, что такого огромного количества коммунистов исключенных, переведенных в кандидаты и сочувствующих (4372 человека или 43,1%) из всего состава, прошедших чистку (10142 человека или 95,4%) не было ни в одной партийной организации страны.

Чистка партии, особенно исключение из ее рядов, сопровождалась снятием коммунистов с занимаемых должностей, выселением из квартир и др. В процессе чистки были заменены секретари 24-х районных комитетов партии, а в некоторых партийных комитетах полностью был обновлен состав бюро. В партийных организациях допускались парадность, шумиха вокруг чистки, составлялись целые списки коммунистов, подлежащих исключению за пассивность, классово-чуждых элементов, перерожденцев, двурушников, разложившихся, карьеристов и националистов. В этих условиях допускались и серьезные ошибки, в списках оказывались передовые стахановцы, преданные делу партии и советской власти люди, оклеветанные по доносам и др.

После публикации письма ЦК ВКП (б) «Об ошибках при рассмотрении апелляций исключаемых из партии во время проверки и обмена партийных документов» (июнь 1936 г.) и постановления январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков» обком партии вынужден был пересматривать свои решения об исключении коммунистов из партии. Уже в 1936 г. и в начале 1937 г. было восстановлено 606 человек (13,9%) из 4372, исключавшихся в 1934-1936 годах. В 1938 г. в обком партии и в Партколлегия КПК при обкоме ВКП (б) поступили 852 апелляции

¹ Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 191.

коммунистов и в результате их рассмотрения было восстановлено еще 159 (18,7%) человек. Этот процесс не был завершен в связи с началом Великой Отечественной войны. Многие коммунисты, исключенные из партии в 1934-1936 годах в связи с чисткой, проверкой и обменом партдокументов, а также в период массовых репрессий 1937-1939 гг., были восстановлены в партии после XX съезда партии (февраль 1956 г.) Поэтому чистка членов партии, проверка и обмен партийных документов, проведенные в республике в 1934-1936 гг. можно рассматривать как часть репрессий 30-х годов, хотя такие же репрессивные меры допускались и ранее, например, при чистках 1921 и 1929 гг. В частности, при чистке рядов партий в 1921 г. были исключены из партии ряд красных партизан, участников гражданской войны в Дагестане за их религиозные предрассудки. В докладе Н. Самурского на совещании при ЦК ВКП (б) 9-12 июня 1923 г. высказывалось мнение о необходимости восстановления их в партии, мотивируя тем, что религиозные предрассудки не мешали красным партизанам бороться за советскую власть и быть опорой крестьянства в горах.¹

Извлекая уроки из чистки 1934 г. областная партийная организация при проверке партдокументов старалась избегать исключения коммунистов за пассивность, ибо под эту категорию нередко попадали честные и порядочные коммунисты, которые в силу своей политической культуры и неграмотности не проявляли активности на собраниях первичных партийных организаций и других партийных форумах. Тем не менее, при обмене партийных документов в 1936 г. были опять допущены ошибки, связанные с исключением коммунистов из партии за пассивность. По этой статье были исключены 104 коммуниста или 29,2% от общего состава исключенных.

После убийства 1 декабря 1934 г. секретаря ЦК ВКП (б) и Ленинградского обкома партии С. М. Кирова по всей стране прокатилась волна разоблачений «врагов народа». Убийца С. М. Кирова Леонид Николаев ранее состоял в большевистской партии. По заявлению прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского на процессе антисоветского «право – троцкистского блока» 11 марта 1938 г. «убийство С. М. Кирова было осуществлено Ягодой² через начальника Ленинградского областного управления НКВД Запорожца. В принятии решения об убийстве принимали участие Бухарин, Рыков, Енукидзе»².

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.1. Д. 3945. Л. 14.

² «Большевик», 1938, 15 марта, № 6. С. 48-49.

³ Ягода Г. Г. С 1934 г. – председатель ОГПУ, нарком НКВД. По делу т.н. «антисоветского, правотроцкистского блока» 15 марта 1938 г. расстрелян.

Убийство С. М. Кирова было использовано для расправы с теми, кто раньше принимал участие в той или иной оппозиции, на которых пало хотя бы малейшее подозрение в инакомыслии.

Эти репрессии не обошли и Дагестан. Уже в 1935 г. республиканские газеты писали о раскрытии «троцкистских организаций на строительстве завода «Двигатель» (ныне завод «Дагдизель» г. Каспийск). Только в 1936 г. со строительства было уволено около 400 рабочих и служащих, в том числе 70 инженерно-технических работников, как бывших троцкистов, и ставленников врага народа Ю. Л. Пятакова, перебравшихся в республику из Москвы и других городов и областей Советского Союза. В сообщении В. Г. Ломоносова об удалении с завода кулацко-белогвардейского элемента это цифра доходила до 1000 человек¹). Был арестован начальник строительства С. Б. Урицкий, главный инженер завода Благовещенский, главный инженер-металлург И. В. Можеев, прораб Е. П. Монастырский, инженер Н. И. Людов, редактор заводской газеты «Даешь двигатель» С. Г. Телегин, осужденный 7 апреля 1938 г. к 10 годам лишения свободы.² Эти аресты на заводе продолжались и в последующие годы. В апреле-мае 1938 г. были арестованы И. Г. Малышев – главный конструктор завода В. Ф. Надкоп – главный механик, Ф. А. Неженцев – начальник ОТК, К. К. Пога – зам. директора завода по строительству, Г. Г. Лещинский – зам. директора завода, А. М. Требелев – начальник цеха, А. Р. Голод – начальник отдела кадров, и, наконец, сам директор завода Е. М. Равикович³.

После арестов на заводе «Двигатель» репрессиям был подвергнут научно-исследовательский институт национальных культур при Совнарком ДАССР. Поводом для развертывания кампании против сотрудников института было использовано дело Лабора (Георгия) Лелевича, бывшего сослуживца Л. Д. Троцкого, арестованного еще в 1936 г. как его последователь, и подвергнутого административной высылке в Махачкалу. Г. Лелевич был арестован и обвинен в троцкизме.

Георгий Лелевич быстро завоевал авторитет в Дагестане, выступал в печати перед общественностью, студентами вузов по вопросам литературы, быстро завязал знакомство с представителями немногочисленной тогда интеллигенции республики. Это знакомство сыграло роковую роль в судьбах многих из них. В числе их оказался поэт Рабадан Нуров, зам. редактора газеты «Дагестанская правда» Н. Фили-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.1. Д. 3928, Л. 14.

² Там же. Д. 3560. 1, 103; Д. 3561. Л. 156.

³ Там же. Д. 3959, Л. 76-77.

монов, вся вина которого заключалась в публикации его статей в газете. Среди многочисленных обвинений, предъявленных при аресте народному комиссару просвещения, председателю Союза писателей Дагестана Б. Астемирову был пункт о том, что он передоверил руководство Союзом писателей троцкисту Г. Лелевичу. За тесную связь с ним был исключен из партии и арестован зам. наркома просвещения В. С. Ольшевский, который осмелился проявить дружеские чувства к семье Г. Лелевича после его ареста¹. О связях с Г. Лелевичем, кроме вышеперечисленных лиц в письме наркома НКВД В. Г. Ломоносова на имя второго секретаря обкома ВКП (б) М. Сорокина от 22 августа 1937 г. сообщались такие фамилии: Дьячков – бывш. зав. сектором литературы и искусства Дагестанского научно-исследовательского института национальной культуры, Э. Капиев – бывший ответственный секретарь Союза писателей Дагестана, Салаватов – доцент, бывший парторг Дагпединститута, К. Султанов зав. сектором литературы того же института².

Институт был объявлен рассадником троцкизма. Руководство и научные сотрудники института: директор А. Тлюняев, после него Г. Гаджибеков, сотрудники М. Чаринов, А. Каюев, Х. Гитинов и др. были перечислены к троцкистам. Из 23-х сотрудников 8 были арестованы и на них заведены уголовные дела. Решением бюро обкома партии от 15 февраля 1938г. прежнее название института, напомиравшее о существовании национальной культуры, было отменено «как не соответствующее стоящим перед ним задачам и отражающим по существу буржуазно-националистическое содержание». Он был переименован в Институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР³.

Поводом для ареста многих партийных и советских работников, деятелей культуры и просвещения республики была использована внезапная смерть кандидата в члены ЦК, председателя ВЦСПС, представителя «правой оппозиции». М. Томского (застрелился 2 августа 1936 г.).

Михаил Томский в 1934г. приезжал в Дагестан на отдых. После его смерти были арестованы многие партийные и советские работники Дагестана, сопровождавшие его во время отдыха. Среди них заведующий отделом обкома партии Ю.Шовкринский, секретарь парткома завода «Двигатель» З.Феодоев, директор Дагпединститута И.М.Махмудов, деятель культуры Н.И.Тутышкин, заместитель дирек-

тора Манасской МТС Ф.Ф.Гриневиц, работник Махачкалинского отделения железной дороги Маевский и др.

Были предъявлены обвинения и первому секретарю обкома партии Н.Самурскому, давшему согласие на приезд М.Томского в Дагестан.

На основании письма ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского» контрреволюционного блока» (август 1936г.) органами НКВД была развернута кампания против «троцкистов» и «троцкистских групп», якобы действующих в Дагестане, начиная с 20-х годов. В конце 1936г. и в начале 1937г. были исключены из партии и сняты с работы ряд руководящих работников республики, обвиненных в троцкизме: бывш. председатель Верховного суда ДАССР, управляющий Дагконсервтрестом Г. А. М. Нахибашев, обвиненный в связях еще в 1929 г. с Хасавюртовской контрреволюционной троцкистской группой, заведующий культпропотделом обкома ВКП (б) Ю.Н.Шовкринский (сентябрь 1936 г.), первый секретарь Каякентского райкома партии М.Магдиев – за участие в контрреволюционной троцкистской работе в Дагестане, редактор Лакской газеты Ш.Рашкуев, председатель Кулинского райисполкома Г.Штанчаев. Позже в Москве была арестована Тату Булач, работавшая тогда в наркомате пищевой промышленности РСФСР, как одна из руководителей, в существовавшей г. Буйнакске в 1923 г. троцкистской группы, впоследствии оправданной КПК как не причастная к троцкизму.

По данным НКВД ДАССР в 1936 г. по Дагестану было вскрыто 131 случай контрреволюционной, троцкистской деятельности и по ним были заведены уголовные дела.

В одном только Кизлярском районе по делу поджога конюшни и гибели 42 лошадей было привлечено к уголовной ответственности 19 человек.

В документах того периода упоминаются такие известные и малоизвестные фамилии, подвергшиеся репрессиям: Лелевич, Мильштейн, Саркиев, Доветов, Ольшевский, Кабанцов, Куропятниксв, Астемиров, Хан-Магомедов, Шовкринский, Ибрагим Алиев, Кушнев, Закарьяев, Никонов, Иванов, Мороз (Махачкала); Бозиновский, Гафуров, Бурский, Кут, Губанов, Клеонская, Иванов, Толмачов, Морозов, Хануков, Сусликов, Ковнеров, Алияров (Дербент); Вершков, Багандов, Алибеков Мухтар, Викторов, Умаев Ибрагим, Макаев Батыр, Тарамов (Хасавюрт); Тату Булач, Арсланбеков, Карагишиев (Буйнакск); Сорокин, Чулков, Тарыкин, Заславский (Кизляр); Телегин, Благовещенский, Урицкий («Двигательстрой»); Саид-Гусейнов Амужат, Иса-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3615. 1. 12.; Д.3570. Л.4

² Там же. Д. 3616, Л. 95.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3953. Л. 111.

ев, Рашкуев, Штанчаев, Тумалаев, Узайлиев, Куяев (Лакский район); Исаков Муслим (Курахский район) и другие.

Очень остро протекало обсуждение закрытого письма ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (август 1936г.) в Кизляркой районной партийной организации в сентябре 1936г. Выступая на собрании актива районной партийной организации помощник бухгалтера Каясулинской МТС Сирота заявил: «Бухарин умнейшая личность у нас в Союзе. Во время коллективизации, если бы послушались Бухарина, то не умерло бы с голоду 37 тыс. человек... Эта оппозиция (Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Радек, Томский и др.) возмущены тем положением, что везде и всюду, на каждом моменте восхваляют Сталина». А сторож совхоза №7 этого же района Сергеев, бывший член партии с 1903 г. заявил: «Все эти троцкисты заслуженные люди, боролись в свое время за революцию, по-моему высшую меру наказания им давать не следует»¹.

При голосовании резолюции за расстрел Сергеев воздержался. За такие выступления на собрании актива оба, (Сирота и Сергеев), были арестованы и на них были заведены уголовные дела.

Значительное количество интеллигенции, репрессированных в Дагестане относятся к 1937 году, в котором происходили массовые репрессии как в стране целом, так и в ее регионах. Отсчет наиболее трагических страниц года в республике, пожалуй, начался с известной телеграммы Дагестанского обкома партии от 25 января 1937г. городским и районным комитетам партии. В телеграмме предлагалось организовать чтение и разъяснение закрытого письма ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (август 1936г.) и обвинительного заключения по процессу «антисоветского террористического центра» (январь 1937г.). Однако в телеграмме основное внимание обращалось не на разъяснение материалов суда над «блоком» и «центром», а на выявление и разоблачение «троцкистско-зиновьевского охвостья», что послужило сигналом к массовым репрессиям².

Вслед за телеграммой в республике начались разборки очковтирательских сведений по озимому севу и подъему зяби, подготовленных для рапорта в ЦК партии и Крайком ВКП (б) заведующим сельхозотделом обкома партии Н.Колесовым и наркомом земледелия ДАССР Д.Саидовым. Эти данные 6 октября 1936г., минуя областной

комитет партии были доложены в Краевой комитет партии председателем Совнаркома ДАССР, членом бюро обкома партии Керимом Мамедбековым. Назначенная Краевым комитетом партии комиссия под руководством его председателя Кравцова, подтвердила эти факты. Они стали предметом обсуждения на трех заседаниях бюро обкома партии (9,11 и 17 февраля 1937г.) и на собрании Махачкалинского городского партийного актива 4-6 марта 1937г., закончившихся исключением Н.Колесова и Д. Саидова из партии и снятием их с работы.

Н.Самурский предполагал, что данные об озимом севе слишком завышены. Уезжая в Москву 2 октября 1936г. он потребовал от Н.Колесова и Д.Саидова сводки об озимом севе за последнюю неделю сентября. Из сводки явно видно было, что за последние 5 дней сентября посевные площади увеличились на 80 тыс. га. В этих цифрах Н.Самурский засомневался, однако проверять не стал, да и времени не было.

На заседании бюро обкома партии 7 января 1937г. (Н.Самурский не присутствовал) по предложению второго секретаря обкома партии М.Сорокина было принято решение о проверке фактических размеров озимого сева и подъема зяби по всем районам и результаты представить в обком к 1 февраля 1937г. По результатам проверки выяснилось, что к сводке на 1 октября 1936г. оказалось приписанными 51 тыс. га посевов. Это стало предметом обсуждения на заседаниях бюро обкома партии 9 и 11 февраля (Н.Самурский опять не присутствовал). Н.Колесов и Д.Саидов на бюро обкома партии от 11 февраля 1937г. за предоставление очковтирательских данных были исключены из партии и сняты с работы. Зам.зав. сельхозотделом обкома партии Иванов был снят с работы, ему объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Строгий выговор с занесением в учетную карточку был объявлен начальнику Хлопкового управления наркомзема ДАССР Кичуеву. Одновременно был поставлен вопрос о партийной ответственности зам. наркомзема ДАССР М.Абакарова, его вопрос был отложен в связи с болезнью.

Вернувшись из Москвы и ознакомившись с решением бюро обкома партии от 9 и 11 февраля 1937 г. Н.Самурский назначил новое заседание бюро партии на 17 февраля по делу Н.Колесова и Д.Саидова. На бюро он старался их защитить, однако, в связи с наличием неопровержимых фактов приписок, вынужден был согласиться с первоначальными решениями бюро обкома партии. Изменения были внесены только в части, касающейся зам. зав. сельхозотделом обкома партии Иванова. Пункт о его показании был снят. В отношении же

¹ См. ЦГА РД Ф.1-п. Оп. 1. Д. 3163. Л. 38-39.

² ЦГА РД, Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3775. Л. 66

Н. Колесова и Д. Саидова в постановление никаких изменений не было внесено.

Н. Самурский доверял Н. Колесову. В 1923-1926 гг. он работал вторым секретарем обкома (Н. Самурский в эти годы работал председателем Даг ЦИК). В 1926г. Н. Колесов был отозван в Москву, здесь он окончил курсы марксизма, работал в аппарате ЦК ВКП (б), отсюда был направлен на руководящую работу в Наркомсовхозов СССР. Став в 1934г. первым секретарем Дагестанского обкома партии, Н. Самурский обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой направить Н. Колесова в Дагестан на руководящую работу, как знающего местные условия и быт горцев. Просьба была удовлетворена и он был утвержден помощником первого секретаря и заведующим сельхозотделом обкома партии как специалист, проработавший в Наркомате совхозов СССР. Естественно Н. Самурским была дана и положительная характеристика при его утверждении на должность зав. сельхозотделом обкома ВКП (б). В этот же период на должность зам. зав. сельхозотделом обкома партии был утвержден Новобытов, в 1920-1927гг., работавший в Дербентском окружкоме, потом в Дагестанском обкоме партии.

Вопрос об очковтирательстве в сводках по озимому севу и подъему зяби снова обсуждался на заседании бюро обкома партии 25 февраля 1937 г. под представительством Н. Самурского. На бюро был снят с работы и объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку заместителю наркома земледелия ДАССР М. Ш. Абакарову с формулировкой: «за скрытие от партии очковтирательских сведений, за потакание антигосударственным действиям, за мелкобуржуазную нерешимость, за несвоевременную сигнализацию об очковтирательских сводках по озимому севу и подъему зяби».

Через 3 месяца, т.е. 7 июня 1937 года УГБ НКВД ДАССР М. Ш. Абакаров был арестован и 22 ноября 1937г. спецколлекцией Верховного суда ДАССР был осужден к высшей мере наказания расстрелу, как один из организаторов проведения вредительства в сельском хозяйстве ДАССР. (Реабилитирован 17 ноября 1956г.).

С 23 февраля по 5 марта 1937 г. работал Пленум Центрального Комитета партии. На нем выступил И. В. Сталин с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

В докладе на основании заслушанных докладов на пленуме и выступлений по ним были сделаны следующие три основных вывода:

1) вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль игра-

ли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все хозяйственные, административные и партийные организации,

2) агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты,

3) некоторые руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

В докладе получил свое яркое обоснование тезис, выдвинутый И. В. Сталиным еще в 1928г. об усилении классовой борьбы по мере продвижения советского общества к социализму. «Необходимо разбить и отбросить прочь теорию в том, - говорил И. В. Сталин, - что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным ... Наоборот, - продолжал В. И. Сталин, - чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных¹.

Выводы доклада И. В. Сталина на Пленуме ЦК послужили основанием проведения массовых репрессий против партийных, хозяйственных и административных органов, руководящих деятелей науки, культуры, образования и рядовых тружеников.

В публикациях в периодической печати² и в научно-публицистической литературе³ освещаются несколько искаженные факты, когда затягивание обсуждения материалов февральско-мартовского (1937г.) Пленума ЦК ВКП(б) в республиканской партийной организации рассматриваются как сопротивление первого секретаря обкома партии Н. Самурского репрессиям. При этом ссылки делаются на факты участия Н. Самурского в работе Пленума ЦК как

¹ Большевик. 1937, № 7. С. 12, 13

² Агаев А. Г. «Беззакония 30-х годов: истоки, механизмы, последствия // «Советский Дагестан», 1988. № 2. С. 19-28.

³ Агаев А. Г. Нажмутдин Самурский (политический портрет) Махачкала, 1990. С. 420-421.

первый секретарь обкома партии, знание им решений ЦК из первых уст, т.е. И. В. Сталина.

Проведенный анализ протоколов заседаний бюро обкома партии, республиканских партийно-хозяйственных активов показывает, что первый секретарь обкома партии Н. Самурский не был на Пленуме ЦК ВКП (б). Пленум ЦК проходил с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Н. Самурский председательствовал на заседаниях бюро обкома партии в Махачкале и вел их 25-го февраля и 3-го марта 1937 г. Он делал доклад на собрании республиканского и городского актива 4 марта 1937 г. «Политические выводы в связи с раскрытием вредительства в озимом севе и подъеме ячи и задачи партийной организации». Таким образом, первый секретарь обкома Н. Самурский не мог одновременно заседать в Москве и в Махачкале¹. С другой стороны Н. Самурский не был ни членом и ни кандидатом в члены ЦК, он был только членом Пленума и кандидатом в члены бюро Северо-Кавказского крайкома партии. И по этой причине он не мог быть участником пленума ЦК. Однако это не освобождало его от выполнения решений Пленума ЦК, ибо они подлежали исполнению всеми партийными организациями страны.

По поводу затягивания обсуждения материалов февральско-мартовского (1937) Пленума ЦК ВКП (б) в республиканской партийной организации необходимо сказать следующее. Действительно, последний раз перед отъездом в Пятигорск на пленум Северо-Кавказского крайкома партии, посвященной итогам февральско-мартовского (1937 год) Пленума ЦК ВКП(б) Н. Самурский присутствовал на заседании бюро Дагестанского обкома партии, которое проходило 13 марта 1937 г. Пленум Северо-Кавказского крайкома партии проходил с 14 по 19 марта 1937 г. 19 марта 1937 г. (после окончания пленума Крайкома) в Пятигорске проходило совещание первых секретарей райкомов, горкомов и обкомов партии по вопросу проведения активов по итогам февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б).

13 марта 1937 г. перед началом пленума Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) проходило заседание бюро Крайкома партии по вопросу «Об обсуждении решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б)»². Бюро Крайкома вынесло решение после пленума созвать для обсуждения итогов Пленума ЦК ВКП (б) партийные активы в городах: Пятигорске, Грозном, Махачкале, Орджоникидзе и

¹ См. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3575 Л. 132, 145; Д. 3576. Л. 1.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3557 Л. 83

Нальчике». Докладчиками были утверждены на активах: в Пятигорске и в Махачкале – В. Рябоконт, в Грозном – М. Кахиани, в Нальчике – Жучаев, в Орджоникидзе – Дагин.

На пленум Крайкома в г. Пятигорск, не позднее 12 марта выехали секретари обкома Н. Самурский и М. Сорокин, оставив исполняющим обязанности секретаря обкома партии Саид-Гусейнова¹.

Не ранее 20 марта 1937 г. Н. Самурский и М. Сорокин возвратились в Махачкалу (пленум Дагобкома по итогам февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) был назначен на 20 марта) Документы свидетельствуют,² что Н. Самурский находился в Махачкале 20, 21 и 22 марта 1937 г. На заседаниях бюро обкома партии, которые проходили 23, 28 марта и 5 апреля Н. Самурский не присутствовал. Пленум обкома не был проведен, потому что он не был подготовлен, да и Крайком решил по итогам пленума ЦК в областных партийных организациях проводить не пленумы, а партийные активы. Именно 20 или 21 марта 1937 г. был получен вызов Н. Самурскому на прием к И. Сталину. 22 марта 1937 г. Н. Самурский выехал в Москву с разрешения Крайкома, отложив проведение партийного актива по итогам Пленума ЦК.

В последней декаде марта и в первой декаде апреля 1937 г. областных и районных комитетах партии Края с участием представителей крайкома проходили партийные активы по итогам февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б), 9 апреля 1937 г. на заседании бюро Орджоникидзевского³ Крайкома партии, где рассматривался вопрос «О ходе обсуждения решений Пленума ЦК ВКП (б) на партактивах»⁴ было признано невозможной дальнейшую отсрочку партийного актива в Махачкале и предложено Н. Самурскому созвать собрание партийного актива 12 апреля 1937 г. и во изменении решение бюро Крайкома от 13 апреля 1937 г. представителем Крайкома для проведения актива был утвержден М. Кахиани, вместо заболевшего второго секретаря Крайкома партии В. Рябоконт.

8 апреля 1937 г. Н. Самурский возвратился из Москвы в Махачкалу. Уже 9 апреля 1937 г. проходило заседание бюро обкома партии с участием Н. Самурского, где было принято решение «О созыве Махачкалинского республиканского и городского партийного актива 14

¹ Там же. Д. 3576. Л. 39.

² 21 марта 1937 г. Н. Самурский подписывал телеграмму секретарям райкомов партии и председателем РИКов (См. ЦГА РД. Ф. 1-п Оп. 1. Д. 3556, Л. 5)

³ После смерти Г.К. Орджоникидзе (февраль 1937 г.) Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевской

⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3557 Л. 110

апреля 1937г.» по итогам Пленума ЦК ВКП (б)». Из вышеизложенного вытекает, что секретарь обкома партии Н. Самурский с 14 по 19 марта 1937г. находился в г. Пятигорске на пленуме крайкома, 20, 21 и 22 марта находился в Махачкале, с 22 марта по 8 апреля был в отъезде в Москве, где 2 апреля он был принят Сталиным. Все это послужило основной причиной задержки созыва республиканского партийного актива по итогам февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б). И нельзя все эти факты действительности рассматривать как сопротивление или противодействие Н. Самурского проведению в жизнь решений Пленума ЦК, т.е. сопротивление репрессиям.

Несомненно и другой факт. Заявление Н.Самурского на прием к Сталину от обкома партии было направлено заранее и получено на это согласие. Ожидая вызова в Москву на прием к Сталину, он заранее готовился к этой встрече, готовил соответствующие документы в ущерб назначенного решением бюро обкома партии от 11 марта 1937 г. на 20 марта пленума обкома партии по итогам февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б). С подготовленными документами – это более десятка докладных записок по вопросам партийного, хозяйственного и культурного строительства, отложив (с разрешения Крайкома) проведения республиканского актива, он выехал в Москву. Надо отметить, что исследователям истории Дагестана до сих пор неизвестно содержание более десятка докладных записок, с которыми Н.Самурский посетил кабинет И.В.Сталина. Они не обнаружены и в фондах ЦГА РД. В своем выступлении на собрании республиканского и Махачкалинского городского актива, который проходил 14-17 апреля 1937 г., второй секретарь обкома партии М. Сорокин выразил сожаление о том, что Крайкомом было дано согласие Н.Самурскому на выезд в Москву до обсуждения материалов Пленума ЦК ВКП (б) в республиканской партийной организации и считал возможным перенести встречу Н.Самурского и И.Сталина, дав телеграмму в ЦК ВКП (б) И.Сталину. Второй секретарь Дагобкома партии М.Сорокин 2 апреля 1937г. дал телеграмму Н.Самурскому об ускорении выезда в Пятигорск для встречи с секретарем Крайкома В.Рябоконе с целью проведения республиканского партийного актива 5 апреля в Махачкале. Ввиду болезни В. Рябоконе не смог приехать в Махачкалу и решением Крайкома от 9 апреля 1937 г. вместо В. Рябоконе в качестве основного докладчика был утвержден участник Пленума ЦК М.Кахиани, а проведение актива было назначено на 12 апреля. 7 апреля 1937г Н.Самурский приехал в Махачкалу, а 9 апреля провел заседание бюро обкома, где и был назначен созыв республиканского актива уже на 14 апреля.

К книге А.Агаева «Наждумтдин Самурский (политический портрет)» неправильно указывается о том, что без участия Н. Самурского в районных партийных организациях республики шло обсуждение материалов февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), а сам Н. Самурский специально не торопился в Дагестан, т.е. затягивая их обсуждение на республиканском уровне¹. Документы говорят об обратном.

На следующий день после окончания пленума ЦК, 6 марта 1937 г. в республиканской газете «Дагестанская правда» были опубликованы резолюции всех основных докладов на пленуме. Сам доклад И. Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) «О недостатках в партийной работе и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» был опубликован в газете «Дагестанская правда» только 1 апреля 1937 г. (Н.Самурский в это время находился в Москве). По предложению Н.Самурского в начале марта была послана телеграмма всем горрайпарткомам следующего содержания: «Организуйте обсуждение резолюций Пленума ЦК ВКП (б), опубликованных в «Дагправде» 6 марта, закрытых собраниях первичных партийных организаций с предварительной читкой среди коммунистов». Текст телеграммы был одобрен на заседании бюро обкома партии 7 марта 1937г.²

На бюро обкома партии 11 марта 1937 г. по предложению Н.Самурского было принято следующее постановление: «Обязать Ибрагимова и Березнякава (Ибрагимов Х. – заведующий отделом руководящих парторганов, Березняков М. – заведующий отделом пропаганды) обеспечить систематическое наблюдение и контроль за ходом проработки в районах решений февральского Пленума ЦК ВКП(б)³. На этом же заседании бюро и снова по предложению Н. Самурского, было принято решение «созвать 20 марта 1937 г. пленум Дагобкома ВКП (б) с повесткой дня: «Итоги февральского Пленума ЦК ВКП (б)», а зав. отделами Дагобкома ВКП (б) было предложено подготовить материалы к пленуму⁴.

В соответствии с решением бюро был подготовлен новый текст телеграммы всем горрайпарткомам следующего содержания: «Организуйте углубленное изучение решений февральского Пленума ЦЕКА партии сети парткомсомольского просвещения, кружках Конститу-

¹ Агаев А. Г. Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала, 1990, С. 420,421.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3576 Л. 8.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же.

ции, семинаров пропагандистов, агитколлективах, частности, разъясните существо контрреволюционной деятельности правых отщепенцев, реставраторов капитализма Бухарина, Рыкова, их исключение из партии. Окажите помощь комсомолу подбором докладчиков, пропагандистов их инструктированием. Отклики, подробные информации через каждые 10 дней шлите [в] Дагобком...» Авторы текста телеграммы: Н. Самурский, М. Сорокин и М. Березняков¹.

Материалы Пленума ЦК ВКП (б) обсуждались в городских и районных партийных организациях республики и в связи с отчетами и выборами партийных органов и первичных партийных организаций. Например, в Лакской районной партийной организации доклад и заключительное слово И. Сталина на Пленуме ЦК обсуждались на пленуме райкома сразу после окончания Пленума ЦК, т.е. 5 марта 1937 г. и до публикации их в республиканской печати.

Из вышеизложенного следует, что обсуждение материалов февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) в партийных организациях республики шло до их обсуждения на республиканском партийном активе и по прямому указанию первого секретаря обкома партии Н. Самурского. Тут не вызывает никаких сомнений, поскольку сам Н. Самурский находился в республике с 17 февраля по 22 марта 1937 г. с перерывом, связанный с его отъездом на пленум Северо-Кавказского крайкома партии.

За время отсутствия Н. Самурского в республике с 22 марта по 8 апреля 1937 г., под председательством второго секретаря обкома М. Сорокина были проведены 3 заседания бюро обкома партии (23, 28 марта и 5 апреля), где в повестке дня вообще не упоминаются решения Пленума ЦК, за исключением «Об утверждении перевода на языки народов Дагестана решений февральского Пленума ЦК по докладу А. А. Жданова» и письма ЦК ВКП(б) «О порядке выборов партийных органов», которые рассматривались на заседании бюро обкома партии 5 апреля 1937 г.²

В течение 18 дней, в отсутствие первого секретаря обкома партии Н. Самурского в республике, второй секретарь обкома М. Сорокин, замещавший Н. Самурского, и члены бюро не решались провести обсуждение материалов Пленума ЦК в республиканской партийной организации без участия первого секретаря обкома и представителя Крайкома партии. По логике вещей это можно рассматривать как сопротивление второго секретаря М. Сорокина и остальных членов бю-

¹ ЦГА РД, Ф. 1-п. Оп. 1 д.3576 Л.32.

² Там же. Л.84.

ро обкома решениям февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б). Однако это было не так.

Необходимо отметить, что обсуждение материалов февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) в партийных организациях Северо-Кавказского края по-настоящему началось после пленума Крайкома, посвященного итогам Пленума ЦК, который состоялся с 14 по 19 марта 1937 г. Активы партийных организаций проходили, начиная с последней декады марта и в течение всего апреля месяца 1937 г.

С 14 по 17 апреля 1937 г. проходил Махачкалинский городской партийный актив с участием первых секретарей горкомов и райкомов партии, посвященный итогам февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б). За день до открытия актива в газете «Правда» прозвучала и критика в адрес Дагестанского областного комитета партии по поводу затягивания обсуждения материалов Пленума ЦК.

С докладом на активе выступил уполномоченный комиссии Партийного Контроля Северо-Кавказского Крайкома партии участник Пленума ЦК М. Кахиани. Объясняя причину задержки обсуждения материалов Пленума ЦК в своем выступлении при открытии партийного актива первый секретарь обкома Н. Самурский сказал следующее: «Дагестанский областной комитет партии допустил ошибку, заключающуюся в том, что он не сумел, несмотря на все, добиваться в Крайкоме своевременного созыва Махачкалинского городского актива. Я должен здесь разъяснить почему во всех районных и во всех первичных организациях были проработаны решения февральско-мартовского Пленума, а в столице нет. Не было актива, потому что я отсутствовал. Докладчики, которые должны были готовить доклад, не смогли его подготовить, в связи с выездом в районы (плохо шел сев)».

Как мы видим здесь Н. Самурский часть вины за задержку созыва актива переложил на Крайком, а другую часть вины взял на себя. И она соответствовала действительности.

В резолюции собрания актива Махачкалинской городской партийной организации, принятой в духе времени, признавались ошибки, допущенные в деятельности обкома: отсутствие борьбы с «троцкистскими бандами», «правыми отщепенцами», запоздалое разоблачение заведующих отделами обкома Н. Колесова, Ю. Шовкринского, наркома земледелия Д. Саидова, наличие беспечности, благодушия у руководящих работников, отсутствие бдительности в партийных организациях в распознавании «врагов народа», «буржуазных националистов», слабая связь аппарата ЦИК и СНК республики с трудящимися массами, наличие в этих организациях и подведомственных им учре-

ждениях фактов нарушений советской демократии, бюрократизма, волокиты, бездушия к запросам трудящихся.

В период с 19 апреля по 10 мая 1937 г. в советских, хозяйственных и профсоюзных организациях республики проходили собрания активов с обсуждением итогов февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) и решений Махачкалинского городского партийного актива от 14-17 апреля 1937 г. 11 мая 1937 г. в обкоме партии проходило совещание наркомов и руководителей республиканских, городских, советских и хозяйственных организаций по вопросу «О реализации решений февральского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) и указания товарища Сталина».

Проходившая под воздействием решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) с 26 мая по 3 июня 1937 г. XIV областная партийная конференция и прием И. В. Сталиным 2 апреля 1937 г. первого секретаря обкома ВКП (б) Н. Самурского, где были высказаны критические замечания в адрес областной партийной организации «об отсутствии большевистских традиций»¹, тон выступления самого Н. Самурского на конференции способствовали усилению масштабов репрессий в республике. Слова «отсутствие большевистских традиций» в Дагестанской парторганизации, сказанные Сталиным Самурскому были восприняты скорее как отсутствие опыта борьбы по разоблачению «врагов народа», «буржуазных националистов». Отчетный доклад обкома партии, с которым выступил Н. Самурский, не имел аналогов в деятельности областной партийной организации. Чтение доклада заняло более 9 часов с двумя перерывами, а заключительное слово продолжалось 1 час. 40 мин. В прениях по докладу выступило 82 человека из 176 записавшихся.

Работа конференции проходила в сложное время. Под воздействием выступления И. В. Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) и его концепции усиления классовой борьбы по мере дальнейшего продвижения советского общества к социализму, прокатилась волна массовых репрессий против партийных, советских, хозяйственных и комсомольских работников, рядовых коммунистов и беспартийных. Из-за клеветы, ложных доносов и обвинений в буржуазном национализме и троцкизме, путем фальсификаций, применения физической силы, недозволенных методов следствия, подлогов с составлением так называемых «обвинительных заключений» подверглись аресту и физическому уничтожению сотни руководящих пар-

тийных, советских и хозяйственных работников, деятелей науки, культуры и просвещения республики. К открытию областной партийной конференции были разоблачены и арестованы как «враги народа» Д. Саидов, Ю. Шовкринский, Х.-М. Ханмагомедов, И. Нахшунов, Б. Астемиров, В. Ольшевский, Никонов, Ш. Рашкуев, М. Карагишиев, Х. Арсланбеков, Мясников, Бурский, Клеонская, Магдиев, Нахибашев, Штанчеев, Музалаев, С. Телегин, Благовещенский, Урицкий, Будницкий и многие другие.

Все эти фамилии прозвучали в докладе Н. Самурского на конференции. Приведем некоторые строчки из отчетного доклада:

... «Мы разоблачили немало врагов народа: И.И.Бозинский (г.Дербент), Урицкий, С.Телегин, Благовещенский (Двигательстрой), С.Морозов, К.М.Ведьмедь, Окнин (железная дорога), В.С.Ольшевский, Никонов, Астемиров (Наркомпрос), М.Карагишиев, Х.Арсланбеков (г.Буйнакск), И.С.Мясников, И.Л.Бурский, П.С.Клеонская, В.Ф.Шотников (г.Дербент). Однако мы сумели разоблачить не всех врагов народа»...

... «Лично я разоблачал немало троцкистов, правой и всякой нечести в нашей организации после вторичного возвращения в Дагестан на партийную работу. Но, несомненно, что я не могу себе простить и как первый секретарь обкома несу большую ответственность, чем другие члены бюро за мое ротозейство»...

... «Я хочу остановиться еще на одном вопросе, на заявлении одного из товарищей, что не Дагобком в 1935-1936 гг. и последующем разоблачали многих врагов народа, а Краевой комитет. Конечно, товарищи, Крайком помогал нам, но я категорически должен заявить, что хотя и с известным опозданием, но многих врагов народа разоблачал Дагестанский комитет партии и лично я в 1935-36 и в 1937 гг. Хотя такого заявления может быть и не нужно было сделать, но я вынужден это сделать, так как меня вызывает на это. Можно перечислить десятки фамилий, которых Дагестанский комитет разоблачал во время обмена (имеется ввиду обмен партдокументов в 1936г.) Г.К.А.Арсланбеков, М.Карагишиев, Ю.Шовкринский, Б.Астемиров, Никонов, В.С.Ольшевский, И.И.Бозинский, Х.Я.Ханмагомедов, Окнин, С.Телегин, Урицкий, Магдиев, Ш.Рашкуев, Д.С.Саидов, Н.П.Колесов, и многие другие исключены нами»...

... «Я должен сказать, что контрреволюционные буржуазные националисты, находящиеся в Дагестане и в свое время выехавшие из Дагестана, ведут подлую работу. Такими лицами является С. Габиев, П. Ковалев, Каплан (имеется ввиду Рашид-Хан Капланов – бывший министр Горской республики), поддерживаемые Б.Астемировым и

¹ Репрессии 20-х годов в Дагестане. (Документы и материалы). Махачкала, 1997. с.252

Д.Коркмасовым и эти именно люди пытаются вредить Советской власти в Дагестане»...

... «На днях мы арестовали главного инженера Избербаша. Во главе вредительства в сельском хозяйстве стояли Дебир Саидов и Николай Колесов. Вокруг Д.Саидова группировались М.Магдиев (секретарь Каякентского РК), Ш.Рашкуев (редактор Лакской газеты), Гаджи Штанчаев (председатель Кулинского РИК), Мазалаев (второй секретарь Бабаюртовского РК). На культурном фронте вредительствовал Ю.Шовкринский, в Консервтресте Нахибашев. Установлено, что еще в 1929-30гг. эта группа организовала троцкистскую шайку в Лакском районе. Это знал Ю.Шовкринский и не выдал их. До последнего времени Д. Саидов хранил троцкистскую литературу»...

... «Я как первый секретарь обкома не могу снять ответственность за то, что вовремя не раскусил Саидова»...

... «Или возьмите Ю.Шовкринского. Мы сняли его в сентябре (имеется в виду в сентябре 1936 г. – Г. К.), долгое время он ходил и без работы ... Его назначают в Институт [имеется в виду Северо-Кавказского горский научно-исследовательский институт] в г. Пятигорске, первым директором которого был талантливый представитель горской интеллигенции, карачаевец У.Д.Алиев, (тоже репрессированный в 1937г.). Он нахально приезжает сюда проверить нашу работу, а здесь В.Г. Ломоносов взял его и посадил»...

Приведенный выше все отрывки из выступления Н. Самурского на конференции показывают, что обком партии не оставался сторонним наблюдателем в проведении репрессий в республике.

В этой связи необходимо особо сказать несколько слов о Юсупе Шовкринском.

Заведующий отделом культуры и пропаганды обкома партии Ю. Шовкринский был арестован в феврале 1937 года, а еще раньше – 10 сентября 1936 г. снят с работы и выведен из состава пленума и кандидатов в члены бюро областного комитета партии. 28 месяцев находился Ю. Шовкринский в одиночной камере. Обвинения, предъявленные ему, были чудовищными – создание троцкистской организации в Лакском районе, связь с «врагом народа» Томским, буржуазный национализм. Против него применялись недозволенные методы следствия, избиения, многочасовые допросы. Об этом два раза сообщал он в письмах И. В. Сталину. Получить бумагу в тюремной камере практически было невозможно. В третий раз он разорвал нательную рубашку на четыре полотнища и написал на них заявление на имя председателя Партийного Контроля при ЦК ВКП (б) и под вымышленной фамилией отправил в Москву. Вот отрывок из письма: «Я все получил

от большевистской партии – и Родину и счастливую жизнь. Я все имел и искать чего-либо вне рамок великой нашей Родины мне нечего было и мотивов не имел. Ведь я не один, тов. Председатель! Здесь таких, как я, невинно погибающих, десятки и десятки из горцев Дагестана – большевики. А сколько же померло в тюрьме? Нас, молодежь, выросшую, по выражению народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского, в социалистических садах, обвиняют буржуазном национализме, в глаза не видевшую буржуазию.

Где наш великий Сталин? Неужели Вы верите нашим вынужденным признаниям, добытым под поркой, под палкой. Писал я обо всем этом и великому нашему Сталину, не знаю дошло или нет»¹. Кстати, письмо написано химическим карандашом, а не кровью, как утверждают многие исследователи и журналисты.

С 27 по 30 ноября 1937 г. после 9 месяцев пребывания в следкамере и избиении до потери сознания наркомом НКВД В.Г. Ломоносовым и следователем Страховым Ю.Шовкринского заставили подписать сфабрикованный протокол за 30 листах о его признании в троцкизме и буржуазном национализме. 10 июня 1938 г. новый следователь Саввин заставил Ю.Шовкринского написать новое заявление о подтверждении своих показаний.

В одной беседе секретаря обкома А. И. Рыжова, секретаря Парткомлегии Тулякова и нового наркома внутренних дел А. И. Пантелева с Юсупом Шовкринским, состоявшейся 26 января 1939 г. с 9 ч. 30 мин. до 10 ч. 15 мин., т. е. в течении 45 минут, Ю. Шовкринский отрицал наличие в Лакском районе троцкистской организации. Ниже приводим текст беседы:

Пантелеев: Вопрос к Шовкринскому. Вот Вы в своем заявлении, в своих показаниях пишете о том, что, как Вам лично, а так и ряду других лиц было известно, что в Лакском районе имелаась троцкистская группа. Вы подтверждаете свои показания?

Шовкринский: Я так не показывал. Я заявляю еще раз, что, действительно, в Лакском районе во время чистки 1929 г. разгромили группу. Я в своих показаниях это показывал.

Пантелеев: Разгромили как троцкистскую?

Шовкринский: Не знаю. Я лично не знал и об этом, очевидно, не знали, что там есть троцкистская группа, считали, что группа, занимающаяся групповой борьбой.

¹ Люди и судьбы. Заявления и письма репрессированных в 30-е годы. Махачкала, 1996. С. 20, 21. (Письмо и заключение экспертов хранится в ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.1. Д.4173. Л.2, 16-19. Полотно.)

Пантелеев: Проводили чистку. Исключали ли на чистке ряд людей, как троцкистов или под другими криминалами?

Шовкринский: Как троцкистов не исключали, потому что не знали, а исключали взяточников, махровых врагов, которые обирали трудовое население.

Пантелеев: Вопрос Мардахаеву. О наличии троцкистской группы в Лакском районе было известно?

Мардахаев: Не было известно, не знаю. Я это авторитетно заявляю¹.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что Ю. овкринский, обучаясь в Москве в Коммунистическом университете, а потом работая в Махачкале по поручению обкома в течение нескольких лет собирал документы и материалы по истории национально-освободительного движения горцев Кавказа под руководством Шамиля. Во время его ареста в феврале 1937 года было изъято несколько чемоданов с документами об эпохе Шамиля.

Первый секретарь обкома Н. Самурский еще в 1937 г. несколько раз обращался к В. Г. Ломоносову с просьбой вернуть в обком партии изъятые документы у Шовкринского при аресте, поскольку эти документы собирались по поручению обкома партии. Однако документы не были возвращены и судьба их до сих пор неизвестна.

По поручению секретаря ЦК ВКП (б) А. А. Андреева 16 мая 1939 г. заявление Ю. Шовкринского было возвращено в обком партии для рассмотрения. В ответном письме секретарь обкома партии Я. Болотин подтвердил предъявленные против Ю. Шовкринского обвинения и применение недозволенных методов следствия. Было также указано, что эти методы применялись прежним руководством НКВД, а с приходом нового – ему созданы нормальные условия. Новое руководство областного комитета партии (Н. Линкун), НКВД (А. Пантелеев) считали необходимым побыстрее ликвидировать последствия вредительства остатков «контрреволюционно-буржуазно-националистического» подполья в республике. В практике работы органов НКВД республики сохранились старые методы ведения следствия, имелись факты смертных случаев в тюрьме, 7-10-дневные допросы, допускались факты фальсификации следственных дел².

Таким образом, областной комитет партии дал согласие на проведение репрессий против ни в чем не повинных людей. В июле 1939 г. дело Ю. Шовкринского было направлено в Военную Коллегию

Верховного суда Северо-Кавказского Военного округа, а 8 июля 1939 г. его заявление, как исполненное, сдал в архив секретарь обкома Н. Линкун.

Относительно исключения из партии наркома внутренней торговли И.Р.Нахшунова. Из документальных источников становится ясно, что И.Р.Нахшунов был исключен из партии на заседании бюро обкома партии 7 марта 1937 года, которое проходило под председательством Н.Самурского. Причем вопрос о И.Р.Нахшунове рассматривался отдельно от других вопросов, на специальном заседании. По делу о И.Р.Нахшунове Н.Самурский на бюро выступал трижды:

Первое выступление: «Есть предложение Шимелева (секретарь Махачкалинского горкома партии) – о том, что политическое лицо Нахшунова ясно и по-существу Нахшунов не может быть в партии. Второе предложение – ошибки есть, но сейчас нет таких данных, на основании которых надо исключить его из партии. Давайте обменяемся мнениями»¹.

Второе выступление: «Я проводил проверку партийных документов и Нахшунов не имел право обманывать меня, тем более, что повода к этому с моей стороны никогда не было. Тем самым Нахшунов скрыл и обманул партию, вот почему я должен был после этого изменить свое отношение к нему»².

Третье выступление: «Есть предложение исключить из партии Нахшунова как совершившего антипартийный поступок, скрывшего от партии свое правооппортунистическое выступление в Ленинграде, кроме этого перечислить все другие моменты» (Голосуется. Принимается единогласно)³. Таким образом, говорить о выступлении Н.Самурского против исключения из партии И.Р.Нахшунова на бюро 7 марта 1937 г. не приходится, ибо сам Н.Самурский внес предложение об его исключении и сам же проголосовал за это предложение. Здесь можно говорить о первоначальных сомнениях относительно исключения из партии Нахшунова, но потом от этих сомнений Н.Самурский отказался, как и впрочем и в других ситуациях, например, в отношении Н. Колесова и Д. Саидова.

За период с августа 1936 г. и по октябрь 1937 г. в разное время были разоблачены и исключены из партии более 100 «врагов народа», в их числе 30 после февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК, в том числе 5 членов и кандидатов в члены и 15 членов пленума обкома, 37 партийно-советских работников и 75 хозяйственных работни-

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане. 1997. С. 419.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 20 Д. 77 Л. 346-347.

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3586 Л. 11.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 23.

ков¹. А фактически их было 182 человека. Среди них были члены пленума обкома: Алиев Ассадуллa⊕ – зав. совторготделом, Шамхалов Абдулла – зав. школьным отделом, Магомедов Юсуп – секретарь Гуньбского райкома партии, Гитинов Магомед – зам. председателя СНК, Алиев Гаджилав – член пленума, Набиев Мирза – секретарь Докузпаринского райкома партии, Махмудов Абдул-Вагаб-секретарь Рутульского райкома партии, Тумалаев Минатула – секретарь Кулинского райкома партии, Алиев Абдул-Кадыр – секретарь Чародинского райкома партии, Алиев Магомед – начальник Дербентского райотдела НКВД, Касумов Ибрагим – секретарь Кахибского райкома партии, Сеид-Гусейнов Амужат – зав. промышленно-транспортным отделом обкома, Смолкин Иван – парторг ЦК Махачкалинского порта, Эмиров Нарутдин – секретарь Дербентского райкома партии, Феодаев Заид – секретарь райкома партии на Двигательстрое, Даилов Джамалутдин – председатель колхоза Сталин – аул, Кумаритов Михаил – Наркомздрав ДАССР, Султан-Алиев Шихшабэк – секретарь Кумторкалинского райкома партии, Далгат Магомед – председатель Даг ЦИКа, Кулаев Александр – зав. отделом печати и издательства, Мадиев Гаджи – Магома – секретарь Ботлихского райкома партии, Вдовенко Василий – начальник политотдела железной дороги, Березняков Михаил – зав. отделом пропаганды и агитации обкома, Ибрагимов Хайрулла – зав. отделом руководящих парторганов, Гаджиев Расул – секретарь Акушинского райкома партии, Сулейманов Сулейман – начальник участка завода № 182, Шовкринский Юсуп – зав. культпропотделом обкома, Колесов Николай – зав. сельхозотделом, Самурский Нажмутдин – первый секретарь обкома, Мамедбеков Керим – председатель СНК, Далгат Магомед – председатель ЦИК, кандидаты в члены обкома: Тавкаев Магомедрасул – секретарь Кайтагского райкома партии, Магомедов Абдухалик – секретарь Казбековского райкома партии, Пирбудагов Гасан – инструктор сельхозотдела обкома партии, Мирзабеков Батыр – секретарь Бабаюртовского райкома партии, Исаев Гафур – секретарь Лакского райкома партии, Бижанов Айтбер – второй секретарь Тлярятинского райкома партии; Члены ревизионной комиссии: Схиртладзе Яков – директор Дагсадвинттреста, Абасалиев Аббас-Али – начальник Дагводхоза.

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3669 Л. 10, 19.

⊕Все члены и кандидаты в члены пленума обкома, фамилии которых подчеркнуты, исключились из партии в связи с публикацией статьи «Правда» «Гнилая позиция Дагестанского обкома» и решения обкома по этому вопросу, т. е. после 25 сентября 1937г.

Были расстреляны работники Махачкалинского отделения железной дороги Лившиц, Маевский и Брауде, исключены из партии и арестованы начальник отделения Котляров, начальник паровозного депо Говоруха, начальник вагонного депо Опирайло, начальники узловых станций Ракитин и Прокопенко, председатель линейного комитета Мерелов. Все эти аресты проводились вопреки противодействию со стороны Управления дороги и руководства ПОДОРа, о чем было доложено Министру путей сообщения СССР Л. Кагановичу¹.

В нефтяной промышленности Дагестана были арестованы главный инженер треста «Дагнефть» Будницкий, главный инженер промысла Ачу-Су Денежкин, работники этого промысла Лившиц и Пазухин.

Такие же репрессивные акты были совершены в отношении судебного-следовательного аппарата республики. В июне 1937 г. в своей квартире застрелился председатель Главсуда, известный юрист и старейший член партии Ибрагим Алиев, был арестован его заместитель Чельшев, прокурор республики Горст и парторг ЦК Махачкалинского порта Смолкин².

В Северо-Кавказском Крайкоме были разоблачены бывшие члены бюро Дагестанского обкома партии Лызлов, Гозенпуд, Федоров, Часовников³. После февральско-мартовского (1937г.) Пленума ЦК ВКП (б) серьезно усложнилась работа областного комитета партии. По признанию самого первого секретаря обкома партии Н.Самурского «обком только и был занят проверкой людей, выдвигаемых на работу, пересмотром аппаратов обкома, горкомов и райкомов партии». Из 105 членов обкома партии, избранных на XIII областной партийной конференции (январь 1934 г.) к XIV конференции (май – июнь 1937 г.) осталось 55, причем 34 из них были кооптированы. Из 21 члена бюро осталось только 5. Такое же положение наблюдалось и в районных партийных организациях. Так, в Кизлярской районной партийной организации в состав пленума было кооптировано 15 человек, Ахтынской – 13, Каякентской – 9. Только в 1936г. были освобождены 9 первых и 36 вторых секретарей райкомов партии⁴.

В духе решений XIV-й областной партийной конференции республиканская печать обрушилась на тех, кто проявлял нерешительность в борьбе с буржуазными националистами. Заголовки газетных публикаций сами говорили за себя: «До конца разоблачать и разгро-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1 Д. 3632 Л. 20.

² Там же, Л. 22

³ Там же, Л. 19.

⁴ Там же. Д. 3660. Л. 142, 143.

мить буржуазных националистов», «До конца разгромить и выкорчевать врагов народа в комсомоле», «Вредителей в сельском хозяйстве к суровой ответственности», «Буржуазные националисты в редакции «Захметкеш», «Отребе буржуазно-националистической нечисти в Каякентском районе», «Когда же будет уничтожен враг». Основные авторы этих статей: Годник - секретарь редакций областных газет, Сухоруков - редактор газеты «Дагестанская правда».

В редакционной статье газеты «Дагестанская правда» от 12 сентября 1937 г. «Выкорчевать и разгромить до конца буржуазных националистов», повторялись основные положения отчетного доклада обкома партии на XIV-й партконференции, главным лейтмотивом которого было усиление борьбы с буржуазными националистами. Естественно, она не могла быть опубликована в газете без ведома основного докладчика, первого секретаря обкома партии Н. Самурского.

Сразу после окончания работы областной партийной конференции под председательством заместителя Уполномоченного Комиссии Советского Контроля при СНК СССР Шалита в конце июня и в начале июля 1937 г. были подвергнуты проверке правоохранительные органы республики (Прокуратура, Наркомюст и судебные органы).

5 июля 1937 г. еще до окончания работы комиссии Шалита было созвано бюро обкома партии с повесткой дня: «О состоянии работы прокуратуры, НКЮста и судебных органов Дагестанской АССР». На бюро обкома партии были предъявлены обвинения председателю Главсуда Ибрагиму Алиеву, заместителю председателя Челышеву, прокурору республики Горсту, помощнику прокурора Гуснетдинову, как проводившим антипартийную, антигосударственную практику в работе судебных органов. Решением бюро обкома партии все указанные лица были сняты с должностей и исключены из партии. Не выдержав издевательств во время работы комиссии и на заседании бюро обкома, утром 6 июля 1937 г. Ибрагим Алиев покончил жизнь самоубийством. В течение 3-х дней друзья и соратники И. Алиева не решались (боялись) похоронить его. Только на третий день соседка И. Алиева М. Онаньева (вдова участника гражданской войны в Дагестане), работница хозяйственного управления Наркомздрава выписала доски, сколотила гроб и похоронила, за что была снята с работы и исключена из партии.

В процессе обсуждения результатов работы комиссии Шалита и решения бюро обкома партии от 5 июля 1937 г. в городских и районных и первичных партийных организациях пострадали работники Прокуратуры и Наркомюста ДАССР, руководители правоохранительных органов Агульского, Ботлихского, Каякентского, Лакского, Ачи-

кулакского, Казбековского и Коркмаскалинского районов, городов Махачкалы и Хасавюрта.

Вслед за проверкой Комиссией Советского Контроля при СНК СССР правоохранительных органов в октябре месяце 1937 г. последовала проверка работы Дагестанской конторы «Заготзерно» под председательством уполномоченного Комиссии Советского Контроля Гуляева. Были проверены ряд организаций системы «Заготзерно» Дагестанской АССР по выполнению постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 30. 08. 1937 г. «О борьбе с клещем» и «Об улучшении семян зерновых культур».

Комиссия установила недостатки в учете зерна в системе «Заготзерно» ДАССР, наличие огромного количества (983 т) зерна, зараженного клещем, срыв плана обменных операций в Махачкалинской базе, Кизлярской и Шелковской пунктах «Заготзерно».

Бюро обкома партии на своем заседании 16 октября 1937 г. рассмотрело вопрос «О невыполнении системой Дагестанской конторы «Заготзерно» решений партии и правительства о сохранности зерна и улучшении семян культур» и констатировала наличие в деятельности управляющего конторой «Заготзерно» Амужата Гусейнова факты вредительства, бездействие и бюрократические методы работы уполномоченного комитета («Заготовок» Ермолаева и саботаж в выполнении решений ЦК ВКП (б) и СНК СССР бывшим руководством Совнаркома ДАССР.

Решением бюро обкома партии Управляющий Дагестанской конторой «Заготзерно» Амужат Гусейнов за вражескую работу, за связь с буржуазным националистом Габиевым С.И. и другими из рядов партии был исключен, с работы снят и отдан под суд.

Было принято решение обсудить вопрос об ответственности бывшего зам. председателя СНК Гитинова на ближайшем заседании бюро.

Ермолаеву был объявлен строгий выговор с предупреждением. Одновременно было поручено прокурору Дагестанской АССР Хашаеву Х-М. в 10-ти дневной срок рассмотреть факты вражеской работы по Махачкалинскому, Кизлярскому и Шелковскому пунктам «Заготзерно» и виновных привлечь к судебной ответственности.

Для ускорения реализации решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) (для упрощенного ведения следствия) и последующих актов проведения репрессий в стране оперативным приказом Наркома Внутренних Дел СССР Н. Ежова от 31 июля 1937 г. за № 00447, утвержденной в тот день на заседании Политбюро ЦК

ВКП (б) в республиках, краях и областях были созданы специальные судебные тройки, решения которых не подлежали обжалованию.

В составе тройки Дагестанской АССР были утверждены: Нарком внутренних дел ДАССР В.Г. Ломоносов, первый секретарь обкома ВКП (б) Н. Самурский (с сентября 1937 г. М.Ф. Сорокин) и председатель спецколлегии Верховного суда ДАССР Шиперов (освобожден от этих обязанностей решением бюро обкома ВКП (б) от 28 ноября 1937 г.)¹.

Эта тройка формально действовала с 1 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. т.е. до их ликвидации постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г.

Согласно приказу Н. Ежова от 31 июля 1937 г. № 00447 был установлен лимит на 74 950 человек, подлежащих осуждению по первой категории (расстрел) и 193 000 человек по второй категории (от 8 до 10 лет ИТЛ). Этот лимит был распределен на все республики, края и области страны. Для Дагестанской АССР он составлял 500 чел. по первой категории и 2500 – по второй. Местным партийным органам и органам НКВД представлялось право переводить осужденных из первой категории во вторую и наоборот.²

В самом приказе были определены контингенты, подлежащие репрессии. Это бывшие кулаки, члены антисоветских партий (эсеры, меньшевики, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, каратели, бандиты, бандопособники, участники повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных формирований, сектантские активисты, уголовники.

Все подлежащие репрессированию согласно приказу №00447 делились на две категории:

а) к первой категории относились наиболее враждебные элементы. Они подлежали немедленному аресту и рассмотрению их дел на тройках, осуждению к ВМН - расстрелу.

б) Ко второй категории относились менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьму по определению тройки.³

26 сентября 1937 г. за подписью первого секретаря обкома ВКП (б) Н. Самурского была послана шифровка об увеличении лимита по первой и второй категориям для Дагестанской АССР с 600 до 1200 и с

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане ... С. 249.

² Трагедия советской деревни... Т.5. Кн. I. М. 2004. С. 331-333. (Итоги подсчитаны нами Г.К.)

³ Трагедия советской деревни... Т.5. Кн. I. С. 332.

2478 до 3300. В тот же день шифровка была расшифрована и за подписью Сталина и Молотова лимит был утвержден и включен в протокол Политбюро № 54 п. 46¹.

Исследователь биографии Н. Самурского К.М. Ханбабаев категоричной форме отрицает причастность Н. Самурского к данной телеграмме, т.к. по его мнению хранящемся в архиве ФСБ РФ по РД журнале учета шифртелеграмм такая телеграмма не зафиксирована. Таковую регистрацию телеграмма не прошла и в Дагобкоме ВКП (б) да и в самой газете (газета «Московские новости» откуда взята телеграмма) не указано из какого архива она взята. Автор книги «Нажмутдин Самурский (Эфендиев) – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана» К.М. Ханбабаев, обвинил составителей сборника документов «Репрессии 30-х годов в Дагестане» (составители Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Джамбулатова Р.И.), как включивших в сборник не существующий документ. В итоге автор пишет, что «Н.П. Самурский первая жертва этой телеграммы (если и была телеграмма), а никак не организатор репрессий, как это хотят представить недоброжелатели Н.П. Самурского, т.е. мы составители сборника.² (Ксерокопию телеграммы нами прилагается).

Действительно Н.П. Самурский, как первый секретарь Дагобкома ВКП(б), если принимал участие в реализации первого лимита на проведение репрессий в республике, то как член тройки по реализации второго лимита он не принимал участие. По данным протоколов тройки за период с конца августа 1937 г. по март 1938 г. (Самурский был арестован в конце сентября 1937 г.) ни один протокол тройки им не подписан.³ (Документы к нашей работе прилагаются).

Итоги реализации решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП (б) были изложены в двух информационных письмах (одинаковые по содержанию) Дагестанского областного комитета партии в ЦК ВКП (б), И. В. Сталину (Исх. № 6 – 209/12 от 17 августа 1937 г.) и А. А. Андрееву, Н. И. Ежову, Г. М. Маленкову (Исх. № 6 – 215/12 от 4 сентября 1937 г.).

В письме ЦК ВКП (б) И. В. Сталину от 17 августа 1937 г. обком информировал ЦК о том, что «наиболее эффективным политическим

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 580. Л. 32.

² Ханбабаев К.М. Нажмутдин Самурский (Эфендиев) – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала. 2007. С. 298-300.

³ Архив ФСБ РФ по РД. ФРМ. № 1-58.

мероприятием является проведенное нами в начале августа [1937г] изъятие классово-враждебных элементов»¹.

В промежутке между вышеупомянутыми письмами 27-29 августа 1937 г. прошел II пленум Дагестанского обкома партии, где наряду с другими вопросами рассматривалось сообщение наркома внутренних дел ДАССР В. Г. Ломоносова «Об изъятии классово-враждебных элементов в республике». Сообщение делалось в порядке информации в конце пленума, оно не стенографировалось, по нему не были открыты прения, в печати об этом не сообщалось. По информации В.Г. Ломоносова было принято следующее небольшое постановление: «Приветствуя решения партии и правительства об изъятии классово-враждебных элементов и одобряя мероприятия по массово-разъяснительной работы, направленной на поднятие классовой бдительности широких трудящихся масс населения, пленум ДК ВКП (б) считает необходимым и обязательным как для секретарей РК ВКП (б), так и для членов пленума Дагобкома ВКП (б), выезжающих товарищей с докладами «О положении выборах в Верховной Совет», особенно заострить внимание колхозников на общеколхозных собраниях и совещаниях колхозов района, на значении этого изъятия и о необходимости поднятия революционной бдительности по разоблачению врагов народа, их деятельности и т. д., посвящая в своих докладах этому вопросу особый раздел»².

В своем заключительном слове при закрытии пленума по сообщению В. Г. Ломоносова первый секретарь обкома партии Н. Самурский сказал следующее: «Огромное количество ⊕ враждебно настроенных элементов нами изъято, успокоиться на этом нельзя. Нам нужно провести большую работу. Ни Дагобком, ни райкомы не покончили в районах и аулах, где замаскировавшиеся буржуазные националисты, сомкнувшись с троцкистско-бухаринскими шпионами, ведут подрывную работу в колхозах, на культурном фронте и т.д. Нам нужно по большевистски взяться за выкорчевывание и уничтожение недобитых врагов»³. Это был, по-существу призыв к участникам пленума на продолжение репрессий в республике.

Выполняя решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 июня 1937 г. «Об антисоветских элементах»⁴, где был установлен вышеупомянутый нами лимит на репрессии в республике областная партийная ор-

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане ... С. 253.

² Там же, С. 266

³ Там же, С. 267

⁴ Там же, С. 278

⊕ Цифра не указана

ганизация развернула большую работу по изъятию этих элементов». В течении 1937 года из партии были исключены 592 коммуниста, в том числе 472 – во второй половине года. По числу исключенных районные и горские партийные организации выглядели следующим образом: Махачкалинская – 105, Дербентская – 43, Буйнакская и Хасавюртовская – по 30, Каякентская – 26, Ботлихская – 22, Кормаскалинская – 21, Кулинская – 19, Кахибская – 18, Гунибская – 17, Карабудахкентская и Дахадаевская – по 15, Ачикулакская и Лакская – по 14, Бабаюртовская, Кизлярская, Тляратинская, Шелковская и Двигательстрой – по 13, Кумторкалинская – 12, Ахвахская, Кайтагская, Левашинская и Рутульская – по 10, Акушинская, Ахтынская и Казбековская – по 9, Докузпаринская и Курахская – по 7, Унцукульская и Цунтинская – по 6, Гумбетовская, Каясулинская и Хунзахская – по 5, Хивская – 4, Касумкентская – 3, Агульская, Карангайская, Табасаранская и Цумадинская – по 2. Как видно ни одна районная и городская партийная организация не осталась в стороне. ⊕

Только в 1937 году были исключены из партии 30 членов пленума, 6 кандидатов и 2 члена ревизионной комиссии, в их числе 8 зав. отделами обкома и 16 секретарей райкома.

Составлением двух информационных писем и проведением пленума обкома партии «Об изъятии классово-враждебных элементов» в августе 1937г. завершился первый этап проведения репрессий в республике и, таким образом, Дагестанский областной комитет партии отчитался перед ЦК ВКП(б) о выполнении решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ВКП(б).

Следующий, второй этап связан с изданием оперативного приказа НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков и других антисоветских элементов», а также с публикацией трех статей корреспондентов газет «Комсомольская правда»: «Политические слепцы в Дагестанском обкоме» (20 сентября 1937 г.), «Известия»: И. Шустера «Буржуазные националисты орудуя в Дагестане» (21 сентября 1937 г.) и «Правда»: М. Мезенина «Гнилая позиция Дагестанского обкома» (24 сентября 1937 г.). Если в первой статье критике был подвергнут Дагестанский обком ВЛКСМ без перечисления фамилий, то во второй статье серьезной критике был подвергнут Дагестанский научно-исследовательский институт национальной культуры, его директор Гаджибеков и научные сотрудники: Чаринов, Гитинаев, Тлюняев, Дин-Магомедов и другие. Все сотрудники института были обвинены в связях с разоблаченным троцкистом Лелевичем. Досталось и первому секретарю Н. Самурскому, который, «зная обо всех этих фактах не ликвидировал послед-

ствий вредительства Лелевича, Ибрагима Алиева и продолжающего руководить институтом Гаджибекова». Третья статья была более серьезной, чем первая и вторая. Здесь уже были задеты первые лица республики. В статье говорилось о том, что «за 17 лет в Советском Дагестане создана крупная промышленность, построены заводы и фабрики, разведаны недра. Однако, - говорилось в статье, - дальнейшему процветанию народов Дагестана мешают буржуазные националисты... Буржуазные националисты вкупе с троцкистами, шпионами и диверсантами – Коркмасов, Шовкринский, Астемиров, «литератур»⁴ Лелевич пробирались в руководящие советские и партийные органы. В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики... Вражьи гнезда буржуазных националистов и троцкистских шпионов в Дагестане до конца не разгромлены и по сей день... Даже в бюро обкома партии сумели сохранить матерые националисты. Председатель ДагЦИКа Магомед Далгат, близкий друг разоблаченных врагов Габиева, Ковалева, Коркмасова, председатель Совнаркома Дагестана Керим Мамедбеков, его правая рука – жена Любовь Эрлих – начальник геологоразведовательного управления республики, связанная с троцкистом П.Ковалевым, националистами Коркмасовым, Габиевым и Астемировым. Ее брат – лидер дербентских троцкистов. Гнилая позиция Дагестанского обкома, - говорилось в статье, - способствует сохранению буржуазных националистов в республике и активизации мусульманского духовенства». Снова досталось и Н. Самурскому. «Секретарь обкома Н. Самурский, - продолжал собкор, - располагает всеми материалами о действиях буржуазных националистов, но он, странно, непонятно, бездействует. До каких пор будет терпеть Дагестанская партийная организация такое положение»¹.

Статья собкора «Правды» поступила в республику по телефону 25 сентября 1937 г. 26 сентября она была отпечатана в республиканской газете «Дагестанская правда». В ноль часов 5 минут 26 сентября 1937 г. (вх. № 2063 ш) за подписью Н. Самурского была отправлена телеграмма И. Сталину об увеличении лимита на проведение репрессий вместо установленного ЦК ВКП (б) от 10 июля 1937 г. 600 до 1200 человек, т.е. в два раза по первой категории и вместо 2478 до 3300 человек, т.е. увеличить еще на 822 человека по второй категории. В тот же день в 9 часов 30 минут телеграмма поступила в Политбюро ЦК ВКП (б) и она была завизирована Сталиным и Молотовым и

⁴ Так в тексте.

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане ... С. 275-277.

включена под пунктом 54 в повестку дня заседания Политбюро, проходившее в этот же день, т.е. 26 сентября. (Копия документа прилагается).

Дав такой запрос Дагестанский обком, по-видимому, хотел реабилитировать себя в глазах Политбюро, перед Сталиным и органом ЦК ВКП (б) газетой «Правда» дальнейшим усилением репрессий в республике. Вопрос остается невыясненным, был ли согласован текст телеграммы И. Сталину, отправленной Н.Самурским ночью 26 сентября с остальными членами бюро, в частности, Сорокиным и Ломоносовым или без согласования с ними? Об этой телеграмме нигде в других документах обкома партии в этот период не упоминается. В любом случае эта была телеграмма обкома партии, а не лично Н. Самурского. В выступлениях М. Сорокина и В. Ломоносова на собрании актива Махачкалинской городской партийной организации 30 сентября говорится о другой телеграмме, оказавшейся в руках Н. Самурского утром 26 сентября, требующего ответа (постановления) телеграммой по статье «Гнилая позиция Дагестанского обкома». Они (Сорокин и Ломоносов) отказались давать телеграмму в формулировке Н.Самурского без указания о том, что сам Н.Самурский смыкался с буржуазными националистами, что в свое время подписал антипартийный документ, в частности «письмо платформа – 43-х».

На заседании бюро обкома партии 26 сентября 1937 г. при рассмотрении вопроса об их партийности выступили Н.Самурский, М.Далгат, К.Мамедбеков. Н.Самурский говорил о том, что им проведена огромная работа по разоблачению врагов народа, ликвидации кулачества, что ни бюро, ни пленум Дагобкома партии не в праве рассмотреть вопрос о его партийности потому что он является кандидатом в члены бюро и членом Северо-Кавказского Крайкома партии и только этот партийный орган в праве решить вопрос о его партийности.

Керим Мамедбеков отрицал, что он не подписывал в 1924г. «Письмо – Платформа – 43-х» (в типографом экз., изданной в 1927 г. есть его подпись, в первоначальном, машинописном экз. – его подпись отсутствует Г.К.); а поскольку «моей подписи там нет и незачем меня обвинять в буржуазном национализме». А что касается жён-быв на Эрлих Любовь Юльевна – сестры троцкиста Эрлих, то он поучил за это партийное взыскание на бюро Северо-Кавказского Крайкома партии и вопрос об этом исчерпан. Предлагал вызвать представителя ЦК для проверки его деятельности.

Аргументированно и четко говорил Магомед Далгат о своей части в составлении писем в ЦК и «Платформы 43-х», подтвердил

свои же слова, сказанные ранее. «Да, - говорил он, - если моя подпись там есть, то считал это правильным и подписывал».

Бюро обкома партии исключило из партии председателя ДагЦИКа М.Далгат, как контрреволюционного буржуазного националиста, выученика и последователя фашиста-националиста Коркмасова, председателя Севнаркома республики К.Мамедбекова, как покровителя и сообщника буржуазных националистов и троцкистских бандитов. Была исключена из партии и жена К.Мамедбекова Л. Ю. Эрлих-Мамедбекова, как троцкистка. В тот же день все они были арестованы. Бюро обкома партии поручило комиссии в составе: Самурского, Сорокина, Ломоносова, Х.Ибрагимова и Феодаева составить проект решения по данному вопросу и внести на утверждение следующего заседания бюро Дагобкома ВКП (б). Характерно, что протокол заседания бюро обкома партии от 26 сентября за № 16-а подписал не первый секретарь обкома Н.Самурский, присутствовавший на заседании, а второй секретарь М.Сорокин. Уже только по этому факту видно было, что судьба Н.Самурского уже была предрешена.

Комиссия работала в течение всего дня и ночи 26 сентября и выработала свой проект решения по статье газеты «Правда». На следующий день 27 сентября продолжило свою работу бюро обкома партии по данному вопросу. Основание для этого нам дает номер протокола 16-б, являясь как бы продолжением протокола 16-а от 26 сентября. Бюро обкома признало, что газета «Правда» вскрыла грубые политические ошибки руководства Дагобкома ВКП (б) в вопросах борьбы с буржуазными националистами, что «вражьи гнезда буржуазных националистов и троцкистских шпионов в Дагестане до конца не разгромлены по сей день, что еще много врагов, притаившись в рядах партии, продолжают свою контрреволюционную деятельность». Было указано, что секретари обкома т.т. Самурский и Сорокин примиренчески относились к буржуазно-националистическим, контрреволюционным элементам, находящимся на руководящих постах в республике (К. Мамедбеков, М. Далгат). Бюро обкома партии подтвердило исключение из партии Магомеда Далгата, Керима Мамедбекова и Любовь Эрлих в формулировке заседания бюро обкома партии от 26 сентября. В тоже время бюро обкома партии основную вину за все недостатки возложило на Н. Самурского: связь с врагами народа Дебиром Саидовым и Хан-Магомедовым; очковтирательство по сельскому хозяйству; приглашение в 1934 году Томского в Дагестан; проявление гнилого либерализма к буржуазным националистам и смыкание со многими из них на основе старых групповых связей; подписание в 1924 г. контрреволюционного, шовинистического по своему содержа-

нию документа («Платформа - 43»), который являлся программой действий буржуазных националистов и пантюркистов; выпуск антипартийной брошюры об отсутствии кулака в горах и о особой революционной роли мусульманского духовенства в период гражданской войны, которая объективно помогала врагам народа в их контрреволюционной работе. Как видно, был предъявлен целый букет обвинений. Бюро решило по всем этим фактам доложить пленуму Дагестанского обкома партии и в ЦК ВКП (б). Одновременно было решено созвать 30 сентября 1937 г., т.е. через три дня актив Махачкалинской партийной организации для обсуждения статьи газеты «Правда» с целью мобилизации партийных масс на окончательный разгром и выкорчевывание троцкистско-бухаринско-националистических вражеских элементов и на усиление борьбы с активизирующимися контрреволюционными, кулацко-мульскими элементами, действующими по прямым заданиям буржуазных националистов.

Полный текст постановления бюро обкома партии от 27 сентября 1937 г. за подписью М. Сорокина 28 сентября был передан по телефону в ЦК ВКП (б) И. Сталину.

На бюро обкома партии 27 сентября, по-существу, не были предъявлены никаких претензий второму секретарю обкома партии М. Сорокину, хотя в статье газеты «Правда» прозвучала критика и в его адрес. Основное острие критики при поддержке члена бюро наркома внутренних дел В. Г. Ломоносова было направлено в адрес Н. Самурского (связь с «врагами народа», «очковтирательство», «приглашение на отдых М. Томского», «групповые связи» и др.). Об этом тоже было сообщено И.Сталину. Сказывались взаимоотношения, сложившиеся в бюро обкома за последние годы, особенно после утверждения М. Сорокина на должность второго секретаря обкома (1936 г.). На эту должность планировался А. Г. Сейд-Гусейнов. Высказывалось мнение о том, что Н. Самурский все основные вопросы промышленности, сельского хозяйства, идеологии, кадровой политики решал через заведующих отделами А. Г. Сейд-Гусейнова (промышленно-транспортный), Николая Колесова (сельскохозяйственный) Михаила Березникова (пропаганды агитации) Хайруллы Ибрагимова (руководящих парторганов), ибо эти люди по своему образованию в решении многих вопросов значительно превосходили самого второго секретаря обкома Максима Сорокина. Он имел общее низшее образование и два курса Коммунистической академии. А. Г. Сейд-Гусейнов окончил экономическое отделение института Красной профессуры, в 1931-32 гг. преподавал политэкономии в Институте народного хозяйства им. Г.В.Плеханова, имел звание доцента, Николай

Колесов окончил высшие курсы марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б), Михаил Березняков тоже окончил экономическое отделение Института Красной профессуры, имел звание профессора, Хайрулла Ибрагимов имел общее среднее образование и два курса Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, сам Нажмутдин Самурский окончил институт Красной профессуры имел ученую степень кандидата исторических наук.

Не совсем здоровая обстановка сложилась в самом руководстве областного комитета партии к 1936 году. Ощущались последствия групповой борьбы за лидерство в республике, существовавшая в 20-х, начала 30-х годов в руководящих кругах между Саидом Габиевым, Джалалом Коркмасовым и Нажмутдином Самурским с одной стороны, между Н.Самурским, Керимом Мамедбековым, Магомедом Далгат с другой. По признанию самого Н. Самурского «он все время вел борьбу с Коркмасовым и Габиевым»¹.

Известно, что на пленуме обкома ВКП (б), состоявшемся 15-16 ноября 1928 г. по докладу представителя ЦК ВКП (б) Сидельникова «О положении внутри Дагпарорганизации» было принято решение освободить от обязанностей членов бюро и пленума обкома М.Л.Грановского и Н.Самурского за тактические ошибки и групповую борьбу. Одновременно они были освобождены от должностей первого секретаря обкома и председателя ДагЦИКа и в целях прекращения групповой борьбы и отозваны в распоряжение ЦК ВКП (б). Первым секретарем обкома тогда был утвержден А.И.Муравьев, а председателем ДагЦИКа и М.А.Далгат, освободив его от должности секретаря обкома².

Эти отношения между руководящей верхушкой республики выходили за рамки служебных отношений. На празднование 15-летия автономии Дагестана (1935г.) не был приглашен бывшей председатель Совнаркома Дагестана Д.Коркмасов, работавшей тогда в Москве в аппарате ЦИК СССР, а в списках приглашенных фамилию Д.Коркмасова вычеркнул лично сам Н.Самурский. Несмотря на это Д.Коркмасов решил прилететь самолетом до Минеральных Вод, а оттуда поездом добираться до Махачкалы. Об этом было поставлено в известность руководство республики. За день до празднования на встречу в Минводах был послан человек, чтобы Д. Коркмасов обратно возвратился в Москву. Вернувшись в Москву, он написал в ЦК огромную жалобу на руководство республики.

¹ См. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3595, Л. 250.

² Там же. Оп. 7. Д. 304. Л. 14-17.

Как было сказано выше с неодобрением была воспринята Н. Самурским кандидатура М. Сорокина на пост второго секретаря обкома партии. Отрицательно сказывались и длительные отлучения Н.Самурского из республики. Так, с 2-го декабря 1936 г. Н.Самурский находился в Москве, участвовал в работе VIII-го Чрезвычайного съезда Советов, где 5 декабря 1936г. была принята Конституция СССР. С 12-го декабря 1936г. по 5 февраля 1937г. ввиду болезненного состояния ему был представлен полуторамесячный отпуск. С 5-го по 16 февраля 1937г. находился на больничном. С 14-го по 19-е марта 1937г. находился в г. Пятигорске на пленуме Северо-Кавказского Крайкома партии по итогам февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП (б) и с 22-го марта по 8-е апреля 1937г. снова находился в Москве, куда выезжал, по разрешению Крайкома партии, на прием к И. В. Сталину.

Таким образом, с 2-го октября 1936 г. по 8-е апреля 1937г., т. е. из 190 дней (91 день 1936 г. и 99 дней 1937 г.) всего 58 дней он руководил областной партийной организацией, остальные 132 дня, из них в течение 6 дней (с 14 по 19 марта 1937 г.) работу обкома возглавлял зав. промышленно-транспортным отделом Сайд-Гусейнов, а остальные 126 дней – второй секретарь обкома партии М.Сорокин. Именно в отсутствие Н.Самурского в республике были исключены из партии, сняты с работы, арестованы нарком земледелия ДАССР Дебир Сеидов, заведующий сельскохозяйственным отделом обкома Николай Колесов, заведующий отделом культуры и пропаганды Юсуп Шовкринский и многие другие. Хотя после выхода на работу Н.Самурский возвращался к рассмотренным на бюро персональным делам коммунистов в его отсутствие, однако не было ни одного случая отмены решения об исключении из партии или приостановлении уголовного дела.

Репрессиям в 1937 г. подверглись, в первую очередь, те, кто в 1922 – 1924 гг. писали письма о необходимости выхода Дагестана из состава Юго-Восточной области и подчинения, по партийной линии ЦК партии, а по государственной - правительству РСФСР (как это было в отношении Татарии, Башкирии и других республик), а также выражавшее свое не согласие с отзывом работников для работы в Юго-Восточную область и присылки в Дагестан кадров, не знакомых с языками и бытом горцев.

В сентябре 1937 года эти письма были обнародованы и использованы как обвинительный материал. Указанные письма были составлены вскоре после партийной чистки 1921г. и подписаны 22 декабря 1922 г. Ибрагимом Алиевым, Магомедом Далгат и Алибеком Тахо-

Годи¹. Письма эти были обнаружены в секретной части Даг ЦИКа в начале сентября 1937 года и переданы первому секретарю обкома ВКП (б) Н. Самурскому. На одном из них Н. Самурский наложил резолюцию: «Это письмо НКВД, Ежову». 8 сентября 1937 г. с сопроводительным письмом за № 6 – 224/12 с грифом «строго секретно», серия – К» лично за подписью Н. Самурского они были направлены в адрес секретаря ЦК ВКП (б) Н. И. Ежова².

Основанием для составления первого письма послужило поступление в областной комитет партии выписки из постановления Юго-Восточного бюро ЦК об отзыве из Дагестана С. Габиева и П. Ковалева для работы в Край и присылки в Дагестан первым секретарем русского товарища, М. Н. Рютина. Это постановление авторы письма считали вредным для дела и партийной работы в Дагестане на том основании, что отзыв местных работников «не может быть возмещен и десятком цетроликов, которые покрутятся среди 33 языков и племен, спишут из партийного справочника несколько циркуляров да и уедут обратно, оставив недоумевающих горцев». И, наконец, - продолжали авторы письма, - «для всякой работы необходима ударная группа спевшихся, одинаково понимающих задачи строительства работников, вокруг которых идет дальнейшее наслоение других работников как в центре, так и на местах. У нас также существуют такая основная группа одинаково понимающих задачи партии в Дагестане, возглавляемая Джелалом (речь идет о Д. Коркмасова Г. К.) Если ЦК партии решил эту группу ликвидировать по тем или другим другим соображениям, то желательно было бы узнать действительные причины этой ликвидации»³.

Письмо было оценено М.Сорокиным как буржуазно-националистическое, а Н.Самурский оценил его как антипартийное, контрреволюционное⁴. В середине сентября 1937 г. оба письма попали в руки корреспондента «Правды» М. Мезенина и подчеркнутые выше нами слова из первого письма вошли и в статью «Гнилая позиция Дагестанского обкома», опубликованная в газете «Правда» 25 сентября 1937 г., о чем пойдет речь ниже.

Составитель письма Ибрагим Алиев застрелился у себя дома еще 6 июля 1937 г., другие авторы, подписавшие документ: Магомед Далгат был исключен из партии на заседании бюро обкома партии 26 сентября 1937 г. (на следующий день после публикации статьи) и в

тот же день арестован, А.Тахо-Годи был арестован в Москве еще 22 июня 1937 г. и расстрелян 9 октября 1937 г.

В другом письме-обращении (автор А.Тахо-Годи) предлагалось отказаться от политики назначенцев и уполномоченных из центра и полностью доверять местным кадрам, утвердить секретарем обкома Д.Коркмасова, сохранив за ним пост председателя СНК республики. Автор письма не возражал против присылки М.Н.Рютина в Дагестан, но не в качестве секретаря обкома, а в качестве консультанта («рабочей силы») для того, чтобы «обучать кадров, учиться у них основам марксизма и партстроительства».

С использованием этих двух писем, написанных еще в 1922 году и обнародованных в сентябре 1937 г., была и сочинена клеветническая статья корреспондента газеты «Правда» «Гнилая позиция Дагестанского обкома», ставшая роковым в судьбах дагестанской интеллигенции после сентября 1937 г., с которого начался новый этап репрессий в республике. Кстати, слова «Гнилая позиция», «гнилая теория» очень часто употреблялись и в докладе И. В. Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП (б). И никакого сомнения нет в том, что для статьи собкора были использованы уже известные слова доклада и даже вынесены их в заголовок.

Третий документ (доклад), состоящий из двух частей (политической и экономической) был составлен для расширенного пленума Дагобкома в ЦК ВКП (б) и подписан в 1924 г. 43-мя членами и кандидатами в члены обкома партии, так называемая «Письмо – Платформа – 43-х». В этом документе, адресованном в Центральный Комитет 43 члена и кандидаты в члены обкома высказывались о необходимости выделения Дагестана из Юго-Восточной области при новом районировании. Включение Дагестана в Юго-Восточную область члены обкома рассматривали как потеря автономии, присоединение его к казачьим областям, отмена гарантий политического и экономического развития, данных декларацией об автономии и Конституции: Только прямую связь с Москвой авторы «Платформы» рассматривали как необходимое условие, при котором Советская власть и Компартия могут закрепиться в Дагестане¹.

Всем товарищам, подписавшим «Платформу – 43-х» в 1924 г. и проживавшим в 1937 г. в республике (их оставалось 19 человек) были приклеены ярлыки «контрреволюционеров», «буржуазных националистов», «врагов народа», арестованы и возбуждены уголовные дела.

¹ См. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3616. Л. 164-165.

² Там же, Л. 149.

³ Репрессии 30-х годов в Дагестане..., С. 270.

⁴ См. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3595. Л. 240.

¹ ЦГА РД Ф. 1-п. Оп-1. Д. 490. Л.3.

30 сентября 1937 г. состоялся актив Махачкалинской городской партийной организации, где в выступлениях М. Сорокина и В. Ломоносова были даны соответствующие оценки деятельности буржуазных националистов в республике и сообщены решения бюро обкома партии от 26 и 27 сентября 1937 г. об исключении из партии и взятии под стражу Магомеда Далгат и Керима Магомедбекова.

По окончании работы актива, в тот же день 30 сентября бюро обкома партии собралась на свое новое заседание. Оно было продолжением двух предыдущих заседаний бюро 26 и 27 сентября, даже и протокол нумерован под номером 16-в. Единственный вопрос, который обсуждался на бюро – это «О Нажмутдине Самурском». Из-за арестов бюро заседало не в полном составе. Из 9 членов и 5 кандидатов в члены бюро обкома, избранных после XIV партконференции (май-июнь 1937 г.) на заседании 30 сентября присутствовали 5 членов и 3 кандидата, т. е. 57,1% от общего состава. Обсудив вопрос о Н. Самурском, бюро обкома партии, считая, что он полностью изобличен как один из идеологов и руководителей контрреволюционной, буржуазно-националистической группы в Дагестане и, который вел, маскируясь и подло двурушничая на протяжении долгого ряда лет подрывную, вражескую работу, направленную против интересов Советской страны и народов Дагестана, исключило его из рядов ВКП (б).

Вслед за активом и бюро обкома партии с участием всех секретарей райкомов, находящихся в Махачкале, где рассматривались статьи газеты «Правда», решения бюро обкома партии от 26, 27 и 30 сентября и актива городской партийной организации от 30 сентября, пленум обкома партии одобрил все эти решения. После пленума обкома партии Н. Самурский был арестован.

В такой оперативности (три заседания в один день: бюро, актив и пленум), в нарушении Устава партии, решались кадровые вопросы в областной партийной организации.

5 октября 1937 г. была получена телеграмма из ЦК ВКП (б) за подписью И. Сталина о снятии с работы первого секретаря обкома партии Н. Самурского и утверждении на эту должность М. Сорокина. Телеграмма была зачитана на бюро обкома партии 8 октября новым первым секретарем М. Сорокиным, а уже на следующий день 9 октября состоялся пленум обкома, на которой единодушно было одобрено решение ЦК ВКП (б).

Таким образом, с исключением из партии, снятием с работы и арестом 30 сентября 1937 г. первого секретаря обкома партии Н. Самурского закончился первый этап репрессий в республике. С приходом на пост первого секретаря обкома партии М. Сорокина и публи-

кацией статьи собкора газеты «Правда» М. Мезенина от 25 сентября 1937 г. «Гнилая позиция Дагестанского обкома» начинается новая волна репрессий в республике.

Уже 8 октября 1937 г. на заседании бюро обкома партии были исключены из партии и сняты с работы как буржуазные националисты сразу три заведующих отделами обкома: Х.Ибрагимов – заведующий отделом руководящих парторганов, А. Сейд-Гусейнов – заведующий промышленно-транспортным отделом, А. Кулаев – заведующий отделом печати и издательства. На этом же заседании бюро обкома партии были исключены из партии Ш. Доветов – бывший первый секретарь Бабаюртовского райкома партии, как буржуазный националист, имевшего связь с троцкистами Гессеном и Евдокимовым, кандидат в члены бюро обкома, секретарь райкома партии «Двигательстрой» З. Феодаев, второй секретарь Гунибского райкома партии А. Алиев, управляющий «Дагрыбтрестом» Ф. Юсупов, начальник управления по делам искусства при СНК ДАССР М-Ш. Асельдеров, как буржуазный националист, состоявший в муссаватистской организации. Было предложено руководству СНК ДАССР снять с работы директора и художественного руководителя национального ансамбля Татама Мурадова, лишить его звания заслуженного деятеля искусств Дагестана и снять с коллектива ансамбля имени Н. Самурского. Здесь же было предложено партгруппе ДагЦИК переименовать название селения «Самуркент» в Кумторкалинском районе, а также наименований учебных заведений населенных пунктов, колхозов, совхозов и других объектов народного хозяйства, носящих имена разоблаченных врагов народа и буржуазных националистов. Было отменено решение бюро обкома от 9 сентября 1937 г. об утверждении редактором республиканской газеты на даргинском языке А. Далгат, ранее уже исключенного из партии, как имеющий родственные связи с Магомедом Далгат.

9 октября 1937 г. состоялся III пленум областного комитета партии на котором обсуждался вопрос «О статье в центральном органе партии «Правда» «Гнилая позиция Дагестанского обкома и решение бюро обкома в связи с этой статьей». В выступлениях М. Сорокина и В. Ломоносова на пленуме были сообщены решения бюро обкома партии от 8 октября 1937 г., об авторах «Платформы – 43-х», об аресте в Москве Д. Коркмасова и А. Тахо-Годи. В своем выступлении В. Ломоносов назвал Д. Коркмасова агентом иностранных государств, Н. Самурского оголтелым буржуазным националистом, прикрывающийся орденом Красного Знамени и революционными заслугами в период гражданской войны в Дагестане и проводивший большую раз-

рушительную работу, были перечислены и другие факты (отсутствие кулака в Дагестане, революционной роли мусульманского духовенства и др.) Работа А. Тахо-Годи «Революция и контрреволюция в Дагестане» была оценена как контрреволюционной, напичканная контрреволюционными документами, приказами и распоряжениями имама Гоцинского. Резкой критике был подвергнут заведующий отделом печати и издательства обкома партии А. Кулаев, который популяризировал А. Тахо-Годи и его книгу. В конце своего выступления В. Ломоносов назвал цифру 65 человек, арестованных на 9 октября 1937 г., как буржуазных националистов.

Сразу после окончания пленума обкома, в тот же день 9 октября Партколлегия КПК по Дагестану с сопроводительным письмом за №1109 послала документ «Платформу 43-х» в КПК при ЦК ВКП (б). КПК при ЦК ВКП (б) за № 45/ 9850 сделал запрос Партколлегии КПК по Дагестану сведения об авторах антипартийного документа, в том числе об их местонахождении и партийности.

11 декабря 1937 г. был дан ответ на указанный запрос. Согласно ответа 19 человек из 43-х, проживавших к тому времени в республике (в их числе и Мамедбеков – он в списке отсутствует) были разоблачены как враги народа и арестованы, 9 человек находились вне пределов Дагестана, 7 человек были исключены из партии в конце 20-х и в середине 30-х годов, 4 – умерли, на 3-х не были обнаружены сведения и один покончил жизнь самоубийством.

Сразу после публикации в газете «Дагестанская правда» статьи собкора «Правда» «Гнилая позиция Дагестанского обкома» (статья была перепечатана 26 сентября 1937 г.), началось ее обсуждение на заседаниях бюро обкома, горкомов и райкомов партии и в каждую декаду месяца поступали в обком итоги обсуждения статьи. Так, за последние числа сентября и за первую декаду октября 1937 г. в результате обсуждения статьи было исключено из партии 182 человека, в том числе: партийных работников – 37 (секретарь обкома – 1, зав. отделами обкома – 5, первых секретарей райкомов – 6, вторых секретарей – 3, третьих секретарей – 1, штатных пропагандистов райкомов – 4, зав. парткабинетами – 2, партторгов – 7, инструкторов райкомов – 4, зав. сектором учета – 1, секретарей райкомов ВЛКСМ – 3); советских работников – 27 (председатель ЦИК - 1, председатель Совнаркома – 1, зам. председателя Совнаркома – 1, наркомов – 1, зам. наркома – 1, председателей райисполкомов – 10, председателей сельсоветов - 10); работников НКВД – 6; работников сельского хозяйства -22; работников суда и прокуратуры – 10; работников вузов – 15; работников рес-

публиканских, районных, советских, хозяйственных и торговых организаций – 53; рабочих – 1, колхозников – 9¹.

В течение трех месяцев шло обсуждение статьи в партийных организациях республики. Итогом ее обсуждения на 1 января 1938 г. явилась исключение из партии и снятие с работы в масштабе всей республики 330 человек².

Бюро обкома партии в октябре месяце 1937 г. работало очень напряженно. На заседании 10 октября был выведен из состава бюро и пленума обкома заведующий отделом пропаганды и агитации М. Березняков, исключен из партии, снят с работы и выведен из состава кандидатов в члены бюро и членов обкома как враг народа и буржуазный националист первый секретарь Дербентского райкома партии Н. Эмиров, был исключен из партии С. Сулейманов («Двигательстрой»), исключен из партии снят с работы выведен из состав кандидатов в члены обкома первый секретарь Лакского райкома партии И. Гафуров, за связь с разоблаченным врагом народа, буржуазным националистом Керимом Мамедбековым выведен из состава членов обкома партии начальник Дербентского райотделения НКВД М. Алиев. Вскоре, на заседании бюро обкома партии 12 октября 1937 г. был исключен из партии и снят с работы управляющий «Дагконсервтрестом» Д. Фридман.

Об исключении из партии и снятии с работы Х. Ибрагимов, А. Сейд-Гусейнова, А. Кулаева, А. Алиева, Н. Эмирова, Ф. Юсуфова, Д. Фридмана, М. Березнякова, М. Гитинова³, З. Феодаева телеграммой за подписью первого секретаря обкома партии М. Сорокина 12 октября 1937 г. было сообщено в адрес заведующего отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова.

В такой же обстановке был решен вопрос о партийности на заседании бюро обкома партии 23 октября 1937 г. заведующего школьным отделом обкома партии А. М. Шамхалова. Более того, были предъявлены обвинения отцу и жене А. М. Шамхалова как о выходцах из классово – чуждой среды и поручено рассмотреть вопрос об их партийности соответствующим партийным организациям. На этом же заседании бюро обкома партии были исключены из партии и сняты с

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3685. Л.10-11.

² По списку 329 человек. В список не вышел Чародинский райком партии и первый секретарь Кайтагского райкома партии Товкаев М-Расул, исключенный из партии и снятый с работы 31 декабря 1937 г.

ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3616. Л. 164-165.

³ М. Гитинов 12 октября 1937 г. был выведен из состава пленума обкома, а исключен был из партии на заседании бюро обкома партии 23 октября 1937 г.

работы зам. председателя СНК ДАССР М. Гитинов, первый секретарь Казбековского райкома партии А-Х. Магомедов, директор областных курсов пропагандистов А. Бултанов, как выступивший против секретаря обкома партии М. Сорокина в защиту Н. Самурского, К. Мамедбекова, М. Далгат, и других, председатель Дагразнопромсоюза Ю. Кабукаев, как подписавший антипартийный документ «Платформа – 43-х» в 1924 г. и другие.

Вслед за этим были исключены из партии и сняты с работы заведующий совторготделом обкома партии А. Алиев, нарком финансов Х.М.Омаркадиев, заместитель наркомсобеса О.Османов, директор Дагпединститута И.Махмудов и многие другие. На XV-й областной партийной конференции (июнь 1938 г.) нарком внутренних дел ДАССР В. Г. Ломоносов как о крупном успехе сообщал, что органами НКВД в 1937 г. в Белоруссии был арестован и доставлен в Дагестан Муслим Атаев. Ведь только в феврале 1937г. он в звании полковника, занимавший пост помощника командира 27 кавалерийской дивизии, был аттестован и рекомендован на должность командира дивизии. Кстати, не совсем лестную характеристику, по требованию Партколлекции КПК по Дагестану в феврале 1938г. дал Муслиму Атаеву его сослуживец Ехиль Мататов, о его добровольной службе в денкинской армии, о мощном покровительстве его со стороны уже разоблаченных врагов народа Н.Самурского, Д.Коркмасова, М.М.Далгат, К. Мамедбекова, А.Тахо-Годи и др., что не в малой степени способствовало применению в отношении его нечеловеческих пыток, от которых он скончался в тюремной камере. От пыток в тюремной камере скончался и Дебир Саидов. Нечеловеческим пыткам и побоям были подвергнуты следователями НКВД Конревым, Страховым, Саввиным Юсуп Шовкринский, Багаутдин Астемиров, поэт Рабадан Нуоров, у которого были выбиты зубы, перебиты ребра. В тюремной камере перерезал себе вены Гамид Далгат.

В Северо-Кавказском крае (г. Пятигорск) были арестованы Х-Д Тагиев – заместитель начальника Северо-Кавказского земельного управления, долгие годы проработавший наркомом земледелия ДАССР, бывшие члены Дагестанского обкома партии Лызлов, Гозенпуд, Федоров, Часовников¹.

Судьбы не только арестованных, но их семей была трагичной. Отдельные из них (Н. Самурский, К. Мамедбеков, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи и др.) были приговорены к расстрелу, и в разное время приговоры были приведены в исполнение. Многие отправлены в ла-

герь ГУЛАГа. В Севжелдорлаге Коми АССР, заключенные использовались на строительстве железной дороги Котлас-Воркута. Здесь, вместе с А. Вагабовым сидели М. Далгат, осужденный военным трибуналом к смертной казни, замененной 25 годами заключения, Х-М. Омаркадиев, Х-Д. Тагиев, Х. Эмирбеков (бывш. ответсекретарь Гунибского окружкома партии, подписавший в 1924 г. «Письмо-платформа – 43-х», после проработавший на различных высоких должностях в Крае и в республике: председателем Дагсовпрофа, зам. председателя Северо-Кавказского крайисполкома), А. С. Гусейнов, Ю. Шовкринский (находился в Печорском лагере НКВД, осужденный на 8 лет ИТЛ), Г. Гаджибеков (умер в конце января 1941 г. на строительстве дороги), А. К. Атаев (активный участник борьбы за власть Советов в Дагестане, подписавший документ «Платформу – 43-х» в 1924 г.), Бальзаминов (сотрудник редакции «Дагправда», Ю. М. Кабукаев (бывш. ответсекретарь Кайтаго-Табасаранского окружкома партии, впоследствии первый секретарь Дахадаевского райкома партии до ареста работавший председателем Дагразнопромсоюза), единственной виной которого являлось подписание документа «Платформа – 43-х» в 1924 г.

Были арестованы жена Д. Коркмасова Н. Д. Пацхверова-Коркмасова, а в последствии, уже после войны, их сын Эраст, добровольцем ушедший на фронт, получивший там звание офицера Советской Армии и ставший инвалидом первой группы. Вместе с К. Мамедбековым исключили из партии и арестовали его жену Л. Эрлих-Мамедбекову – начальника геолого-разведочного управления при СНК ДАССР, а затем и их 12-летнего сына.

Семьи арестованных оставались без средств существования и работы. Они выселялись из занимаемых ими квартир на улицу. Вокруг них создавалась невыносимая обстановка, что даже родственники, друзья и знакомые боялись не только помогать им, но и общаться с ними. За такое общение могло моментально последовать заявление в соответствующие органы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В обществе складывалась атмосфера страха, подозрительности, недоверия, доноительства друг на друга. Особенно наглядно это проявлялось после разоблачения «врагов народа» Н.Самурского, К.Мамедбекова, М. Далгат, ареста в Москве Д. Коркмасова и А. Тахо-Годи. На XV областной партийной конференции (июнь – 1938 г.) первый секретарь обкома Н. Линкун сообщил, что после выхода статьи «Правда» «Гнилая позиция Дагестанского обкома» в обком партии поступило более 1500 заявлений на 400 партийно-советских работни-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3632. Л.19.

ков республиканского и районного звена, руководителей предприятий и организаций и большинство, - как он выразился, - подтвердилось. Репрессиям подвергались не только средние и низшие звенья партийно-советского аппарата, но и руководители республиканского уровня. За полтора два месяца (с 26 сентября по 10 октября) 1937 г. из 9 членов бюро обкома партии, избранного на первом организационном пленуме после XIV областной партконференции (июнь 1937 г.), 6 человек были исключены из партии и арестованы (Н. Самурский – 1-й секретарь обкома партии, М. Далгат – председатель ДагЦИК, К. Мамедбеков – председатель СНК, Х. Ибрагимов, А. Сейд-Гусейнов, М.Березняков – заведующие отделами обкома партии). Из 5 кандидатов в члены обкома 3 были исключены из партии и арестованы (И. Омаров – секретарь Буйнакского райкома партии, З. Феодаев – секретарь райкома партии Двигательстроя, Н. Эмиров – секретарь Дербентского райкома партии). Бюро обкома партии в октябре 1937 г. работало как конвейер. Заседания проходили 8- го, 10-го, 12-го, 16-го и 23-го числа. Помимо заседаний бюро 9 октября проходил и пленум, где были «разоблачены» основные «враги народа», «буржуазные националисты». Были оголены городские и районные звенья партийного, советского и хозяйственного руководства республики.

Репрессии захватили и немало представителей рабочего класса, колхозного крестьянства, служащих и технической интеллигенции.

На заводе «Двигательстрой» (ныне завод «Дагдизель») были сфабрикованы целый ряд «контрреволюционных дел», по которым были привлечены 75 человек из числа инженерно-технического персонала и рабочих. Они обвинялись не только в контрреволюционной деятельности, но и в шпионаже в пользу иностранных государств, поскольку среди них были лица немецкого и польского происхождения, зачислившиеся в разряд иностранных агентов. Не остались вне поля зрения органов НКВД работники предприятия с кулацким происхождением, а их здесь из разных мест набралось до тысячи человек.

Целый ряд дел были сфабрикованы на колхозников, руководителей колхозов и районов. В марте 1937 г. Кумторколинским райотделением НКВД было возбуждено уголовное дело на контрреволюционную вредительскую группу, якобы выявленную в колхозе имени Самурского селения Чонт-аул, возглавляемой парторгом А. Адельхановым, председателем колхоза Д.Арсланхановым и председателем сельсовета А. Гамидовым. Речь шла о неорганизованности, халатности в работе ответственных лиц колхоза, оставившие 17 скирдов пшеницы на поле не обмолоченными с осени 1936 г. которая нанесла колхозу определенный экономический ущерб. Дело было квалифициро-

ванно как политическое. Обращение арестованных лиц в обком партии с просьбой вмешаться и оградить их от произвола органов НКВД закончилось тем, что опросом бюро обкома партии от 4 августа 1937 г. утвердило письмо секретарей райкомов партии о повышении большевистской бдительности, активизации деятельности партийных органов по разоблачению врагов народа. Прокуратуре ДАССР было предложено провести открытый судебный процесс, которой состоялся в начале сентября 1937 г. Дело рассматривало спецколлегия Верховного суда ДАССР под председательством И. Ф. Шиперова (член «тройки» ДАССР), которая приговорила руководителей парторганизации, колхоза и сельсовета им.Самурского сел. Чонт-аул к 10 годам каждого и еще 2-х работников к 5 и 1 году¹.

В те же дни прошел судебный процесс над руководителями Кизлярского района по обвинению в представлении очковтирательских сведений по севу. Сорокин, Тарыкин и Чулков были приговорены к расстрелу, Немов и Нецветаев к 10 годам лишения свободы.

По такому сценарию была выявлена «контрреволюционная троцкистская группа», действовавшая с 1930 г. в чеченских аулах Хасавюртовского района. В справке по результатам проверки, поступившего в обком партии заявления отмечалось, что группа проводила подрывную работу в колхозах района. Руководителем группы, - сообщалось в справке, - является М. Шихмурзаев. К членам группы были перечислены И. Испайханов, Л. Якиев, У. Мусаев и другие – всего 26 человек (председатели колхозов, сельсоветов, секретари партийных организаций), которые были выдвинуты бывшими руководителями Хасавюртовского района, секретарем райкома партии А. Юзбековым, председателем райисполкома Магомедовым, арестованные в 1937г. как «враги народа»².

Большая группа людей, включая районное партийное и советское руководство, пострадала по делу о вредительстве в колхозах Каякентского района. Постановление бюро обкома партии по этому делу от 8 октября 1937г. нацеливало судебно-следственные органы на проведение следствия таким образом, чтобы оно обеспечило выкорчевывание всех корней вредительства в сельском хозяйстве района.

В Тляратинском районе было выявлено целое «гнездо контрреволюционеров». За подрывную «контрреволюционную работу» органами НКВД были арестованы с последующим исключением из партии бывший первый секретарь райкома партии Х. Омаров, председа-

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3575. Л.34-35; Д. 3578. Л. 53-55.

² ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3616. Л.122, 140, 141; Д. 3624. Л. 1-18.

тель райисполкома А. Шахбанов, прокурор района М. Омаров и другие¹. За связь с «буржуазными националистами» был снят с работы и исключен из партии председатель Касумкентского райисполкома М. Талибов².

Репрессии не обошли и общественные организации республики, прежде всего, комсомольскую. На XV областной комсомольской конференции (октябрь 1937 г.) почти все выступления делегатов сводились к разоблачению врагов, буржуазных националистов. Их прежде всего искали в аппарате обкома, горкомов и райкомов комсомола. Основными видами наказаний были исключение из комсомола и снятие с работы, за которыми, следовали, как и в других случаях и аресты.

Запущенная машина репрессий была безжалостна и к представителям правоохранительных органов, проявлявших малейшие колебания при проведении репрессивных мер, выражавших какие-либо сомнения в правильности избранной политики. По обвинению в буржуазном национализме, контрреволюционной деятельности были арестованы М. Мусаев – начальник республиканского управления милиции, М. Алиев, Б. Алиев, Р. Елизаров, С. Османов, А. Джанмурзаев, З. Мусаев, Т. Амиров, М. Хасаев, Ш. Хангишиев – начальники Дербентского, Ахтынского, Лакского, Дахадаевского, Унцукульского, Бабаюртовского, Цумадинского, Карабудахкенского и Хасавюртовского райотделений НКВД. Арестам были подвергнуты также бывшие чекисты П. Схиртладзе, А. Атаев, И. Махмудов, М. Шихмурзаев, Ш. Таркинский, С. Алибеков, П. Гаджиев, Г. Пирбудагов и другие.

Массовые репрессии продолжались и в 1938 г. перекинувшись со значительно поредевшей интеллигенции республики на рабочих и крестьян. Из числа 415 коммунистов, исключенных из партии с 1 января по 1 ноября 1938 г., рабочих было 136 человек и крестьян 151³.

Непоправимые потери понесла не только сама интеллигенция, но и вся национальная культура. В марте 1937 г. было принято постановление бюро обкома партии, объявившее антисоветскими, националистическими учебники: «Литературная хрестоматия» часть I для 3-го класса и часть II для 4-го класса на лакском языке и такую же хрестоматию на кумыкском языке, составленные «контрреволюционерами» М.Чариновым и Абакаровым. Оба учебника были изъяты.

В октябре 1937 г. ГлавЛИТО ДАССР было предложено изъять из общественного пользования и книготоргующей сети книгу «Сбор-

ник лезгинской литературы», изданную в 1933 г. на лезгинском языке. Книга была объявлена политически вредной только потому, что в ней содержались стихи и статьи, восхвалявших разоблаченных врагов народа Н. Самурского и других. Вслед за ней такая же участь постигли сборники стихов С.Стальского, изданные в 1935-1936 гг., и Н. Ханмурзаева, изданные в 1934г.; книги «Аварская литература», изданная в 1933 г., «Татские поэты», изданная в 1934 г.¹

Тучи сгустились и над народным поэтом Дагестана Г. Цадасы. Книга стихов, изданная в 1935 г., в числе которых находилось и стихотворение на смерть С. М. Кирова, была объявлена наркомом внутренних дел ДАССР В.Г.Ломоносовым контрреволюционным и она была изъята из обращения.

В духе тех лет крупные «идеологические ошибки» были выявлены в книге писателя Ю. Гереева (действительная фамилия Сырмайс Я. Я.) «Весна, пришедшая с Севера». За популяризацию в своей книге «врага народа» Д.Коркмасова и восхваление в своих письмах «врага народа» Н. Самурского, за допущение контрреволюционных «отпечаток» при переводах классиков марксизма – ленинизма и другие «грехи» такого же рода ответственный секретарь Союза писателей Дагестана, Ю. Гереев решением бюро обкома партии от 15 октября 1938 г. был исключен из партии. 4 декабря 1937 г. последовало новое решение обкома партии, которым ДагЛИТУ поручалось изъять все произведения и портреты разоблаченных «врагов народа», «буржуазных националистов» А. Шамхалова, Ю. Гереева, Е. Мататова и других).

Еще раньше, в феврале 1937 г. было принято решение бюро обкома партии об изъятии «контрреволюционной, троцкистско-зиновьевской» литературы не только из общественных фондов, но и из личных библиотек. Хотя это постановление бюро обкома партии было отменено по указанию Северо-Кавказского Крайкома партии, однако небезопасно было хранить какую-либо книгу, которая могла быть отнесена к подобным изданиям. Так, при аресте наркома земледелия Д.Саидова были обнаружены отдельные работы Троцкого, Каменева, Зиновьева и ему за это было предъявлено обвинение как хранителю троцкистской литературы. За хранение дома религиозных книг решением бюро Рутульского райкома партии был исключен из рядов ВКП (б) Г. Кузиев.

¹ Там же, Д. 3618, Л. 1.

² Там же, Д. 3579, Л. 159.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3616. Л. 26-27; Д. 3630. Л. 1-2.

¹ Там же, Д. 3679, Л. 37; Оп. 17. Д. 19. Л. 293, 302.

30 июля 1937г. был издан оперативный приказ НКВД СССР №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».¹

В приказе перед органами НКВД была поставлена задача в кратчайшие сроки разгромить бывших кулаков и уголовников, вернувшихся из ссылки по истечении срока наказания и возобновившие свою контрреволюционную деятельность.

На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) еще 10 июля 1937г. был утвержден состав троек и лимитов репрессированных по Дагестанской АССР в состав тройки вошли Самурский, Ломоносов (председатель), Шиперов. Был утвержден и лимиты намеченных к расстрелу 600 человек и высылке 2485 человек.²

С сентября 1937г. по 10 марта 1938г. прошло 55 заседаний тройки. По данным оперативной сводки на 1 марта 1938г. по Дагестанской АССР общее количество арестованных и осужденных составило 5046 человек, из них по первой категории 2242 человека (44,4%) и по второй категории 2804 человека (55,6%). По данным НКВД ДАССР к 10 марта 1938г. общее количество арестованных и осужденных составило 5252 человека. По показаниям наркома НКВД ДАССР на суде (1939г.) по приказу №00447 было арестовано более 5000 человек, из них осуждены по первой категории более 2000 человек, остальные – на 8-10 лет заключения в лагеря.³

Протоколы заседаний тройки НКВД ДАССР подписывались Ломоносовым (председатель), Сорокиным, Саввиным, Гуснединовым (члены) и секретарем Богдановым. Подписи членов тройки Самурского и Шиперова во всех протоколах отсутствуют. В некоторых протоколах отсутствуют подписи и других членов тройки. Это связано с тем, что дела осужденных рассматривались лично Ломоносовым и им же намечались меры наказания, после чего протоколы направлялись на подпись Сорокину и Саввину. Таким образом, дела арестованных практически не рассматривались на тройке.⁴

Приказ НКВД СССР № 00447 был выполнен по Дагестанской АССР на 109,4% и 452 человека было арестовано больше, чем предусматривалось по лимиту.

В какой-то мере заслон массовым репрессиям, возведенным в закон, был поставлен постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 ноября 1938г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следст-

¹ Трагедия советской деревни. Т.5. Кн.1. 1937. М., 2006. С. 330-337.

² Там же. С. 325.

³ Махачкалинские известия. 1995. 10 марта.

⁴ Там же.

вия», в котором говорилось, что «работники НКВД проводили массовые, необоснованные аресты, упрощенный порядок производства дел и до последнего времени возбуждали ходатайства о представлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов». Указанным постановлением запрещалось впредь органам НКВД проводить массовые аресты и выселения. Были ликвидированы судебные тройки, созданные во всех краях и областях Союза приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 г. за № 00447. Таким образом, были сужены функции органов НКВД и эти функции были переданы судебным следственным органам страны.¹

Факты превышения власти, необоснованных арестов, жалобы арестованных и родственников в 1938 г. в массовом количестве поступали в ЦК, СНК и НКВД СССР, что и послужило основанием для принятия вышеуказанного постановления. Такие жалобы на работников НКВД ДАССР и особенно на его наркома В. Г. Ломоносова поступали не только от партийных и советских работников, арестованных и их родственников, но и от самих работников районных отделений НКВД. Для расследования злодеяний органов внутренних дел ДАССР в декабре 1938 г. была создана специальная комиссия под председательством второго секретаря обкома ВКП (б) А. Рыжова. В состав комиссии входили председатель Президиума Верховного Совета ДАССР А.Г.Тахтаров и председатель Совнаркома Д.Магомедов. Комиссия разбирала жалобы Ю.Гереева (ответ-секретарь Союза писателей ДАССР), Махаева (начальник Хасавюртовского отдела внутренних дел) и др., поступавшие на В. Г. Ломоносова, где он обвинялся как враг народа и заговорщик. Однако комиссия взяла под сомнение сигналы Махаева и других и выступила в защиту Ломоносова. Одновременно в республике работала и комиссия Союзного НКВД, которая подтвердила факты необоснованных арестов и злодеяний со стороны органов НКВД республики В. Г. Ломоносов решением бюро обкома ВКП (б) от 2 января 1939г. был исключен из партии как враг народа и заговорщик. Одновременно в решении бюро было указано второму секретарю обкома ВКП (б) А. Рыжову председателю комиссии, на сугубо формальный подход к разбору поступивших материалов на В. Г. Ломоносова.

17 января 1939 г. Политбюро ЦК ВКП (б) заслушало вопрос «О работе Дагестанского обкома ВКП (б)». В решении Политбюро отмечались серьезные недостатки в работе областного комитета партии по руководству промышленностью, сельским хозяйством и культурным

¹ Трагедия советской деревни... Т.5. Кн.2. М., 2006. С. 308-309.

строительством. Решением Политбюро ЦК ВКП (б) первый секретарь обкома партии М. Ф. Сорокин был освобожден от должности как не справившийся с работой. Первым секретарем обкома был утвержден Н. И. Линкун. Постановление Политбюро ЦК обязывало областную партийную организацию коренным образом перестроить всю партийную работу, изменить стиль и методы руководства партийным, хозяйственным и культурным строительством. В решении Политбюро Центрального Комитета партии были отмечены серьезные недостатки и в работе органов НКВД республики и его наркома В. Г. Ломоносова. Он был отстранен от руководства НКВД республики. Следом была создана и комиссия по расследованию его злодеяний.

С конца 1938 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» судебные органы провели пересмотр уголовных дел. Из числа осужденных в 1934-38 гг. колхозников и колхозно-сельского актива по определению судов подлежали освобождению из-под стражи 14.793 человека. Из них уже в ноябре 1938 г. 12.152 человека (82%) были освобождены.¹

Пересматривались персональные дела коммунистов, исключенных из партии и освобожденных из-под следствия и тюрем. Однако численность их была небольшой. Дела коммунистов, которым был навешан ярлык «враг народа», «троцкист», «буржуазный националист» вообще не рассматривались. Всего в Дагестане из числа исключенных из партии в 1937г. и за 4 месяца 1938 были восстановлены в партии всего 39 человек.

Однако эти меры существенно не повлияли на общую картину массовых репрессий. Всего с 1934 г. по ноябрь 1938 г. в Дагестане из рядов партии были исключены 4.560 человек или более 40 процентов всего состава областной партийной организации. Трудно сказать, сколько из них было арестовано и сколько осуждено. Еще трудно назвать количество арестованных и осужденных беспартийных лиц. Об этом в какой-то мере можно судить по материалам реабилитации. По данным МВД Республики Дагестан общее количество репрессированных по республике за 30-50 —е годы составило 14.000 человек, из них осужденных по политическим мотивом 7.500 человек.²

Важное значение для областной партийной организации имели решения XVII-й областной партийной конференции, проходившей с 11 по 15 марта 1940 г. В отчетном докладе областного комитета пар-

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане... С.38.

² Там же. С.40.

тии, с которым выступил новый первый секретарь Н. И. Линкун, было отмечено, что «бывшее руководство областной партийной организации и в целом ряде районных партийных организаций республики была допущена практика формального отношения к вопросу о судьбе членов партии. Секретарь обкома партии М. Сорокин, особенно наркомвнудел В. Ломоносов, создавая дела на различные контрреволюционные организации, арестовывали ни в чем неповинных людей, сажали, издевались над ними и многих сжили с лица земли под носом наших руководящих партийных работников, которые видели это и не принимали решительных мер. Секретари обкома М. Сорокин и А. Рыжов не смогли распознать В. Ломоносова и пошли на поводу у него».

С октября 1937 г. по 1938 г. в связи с обсуждением статьи «Правда» «Гнилая позиция Дагестанского обкома», обкомом и райкомом партии были исключены из партии 329 человек. В 1938г. были исключены из партии 495 человек, из них половина как «враги народа» или за связь с ними. Многие из них были честными коммунистами. В 1939г. было восстановлено 393 человека, исключенных в 1937-38 гг. За этот же промежуток времени, т.е. за 1937-38 гг. в областной комитет партии поступило 1064 заявления, доносов клеветнического характера на ряд номенклатурных работников обкома партии. По заявлению секретаря обкома партии Н.И.Линкун «не было по существу ни одного работника, но которого не было подано заявление».

Секретарь обкома Н. Линкун в своем выступлении, однако, не отметил о том, что апелляции коммунистов, которым был навешан ярлык «враг народа», «троцкист», «буржуазной националист» просто не рассматривались. Рядом с обкомом партии в тюремных камерах НКВД ДАССР продолжали сидеть под следствием ни в чем неповинные люди, в том числе и бывшие партийные работники, а новое руководство обкома партии не предприняло никаких мер к их освобождению. Более того, уже в 1939 г. обкомом партии были исключены из рядов ВКП (б) еще 193 человек, а многие из них были арестованы за связь с «врагами народа» Н. Самурским, М. Далгат, К.Мамедбековым и др.

Тоже самое, можно сказать о работе и судебных органов республики. В выступлении наркома юстиции Х. Хашаева на конференции приводилось такие цифры: если в 1938 г. народными судами республики было рассмотрено 28.626 дел, из них уголовных- 8.921, то в 1939 г. (уже при новом руководстве обкома партии, НКВД ДАССР и правоохранительных органов) были рассмотрены 41.200 дел, из них уголовных 10.582, т.е. на 1661 дел больше, чем 1938 г.

В выступлении председателя Верховного суда ДАССР Г. Гусейнова на партийной конференции отмечалось, что за 1939 г. Верховным судом было рассмотрено 3492 дела, из которых решения судов первой инстанции были оставлены в силе в 3323 случаях или 71,8 % и только по 1377 уголовным делам или 28,2 % приговоры народных судов были отменены. Дело о государственных контрреволюционных преступлениях за этот же год спецколлегией Верховного суда ДАССР были рассмотрены – 430, из них 115 или 26,7 % были возвращены на доследование, по остальным 315 делам или 73,3 % преступники были осуждены от 5 до 10 лет и несколько преступников к высшей мере наказания – расстрелу».¹

Подводя итоги репрессиям 30-х годов в республике, надо отметить, что за период с 1934 по 1939 гг., было исключено из партии (многие из них арестованы и посажены в тюрьмы, отдельные расстреляны) около половины состава всей областной партийной организации. За три года (1937-1939 гг.) по-существу был уничтожен весь цвет национальной интеллигенции Дагестана, сотни партийных, советских и хозяйственных работников, активных борцов за установление советской власти и построение фундамента социализма в республике.

После XX съезда партии (февраль 1956 г.) были реабилитированы в партийном порядке Н. Самурский, М. Далгат, К. Мамедбеков, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи, А. Атаев, Ю. Шовкринский, Б. Астемиров и многие другие. В 20-е годы эти люди твердо отстаивали позиции Коммунистической партии и Советского государства, способствовали строительству социализма в Дагестане. Однако, в период после XVII съезда партии (февраль 1934 г.), когда были перечеркнуты принципы гласности и коллегиальности партийного руководства, они не смогли ничего противопоставить необоснованным репрессиям, которым подвергались партийные и советские работники, представители науки, культуры и образования.

В период культа И. Сталина в центре и на местах была создана система поэтапного уничтожения всех тех, кто подозревался противником строительства социализма по его модели. А для проведения массовых репрессий использовались аппараты органов НКВД. Такими исполнителями репрессий в республике были нарком внутренних дел В. Г. Ломоносов, помощник начальника отдела Г.Т.Тучин, следователи: И.А.Дубинин, О.М.Мухаммедов, Ф.И.Конарев, Н.А.Кравцов. Саввин, Страхов. В немалой степени этим репрессиям способствовала и деятельность бюро обкома, его секретарей Н. Самурского.

М.Сорокина, которые шли на поводу у руководства НКВД. Сказывались и последствия групповой борьбы 20-х годов за лидерство среди руководящих кадров республики, взаимные обвинения на партийных форумах и личные взаимоотношения. Многие репрессии против партийных и советских работников, интеллигенции республики в 1937-1938гг. были связаны с «разоблачениями» Н.Самурского, М.Далгат, К.Мамедбекова. Жертвами репрессий стали секретари райкомов партии, председатели и секретари районных исполнительных комитетов, рядовые коммунисты, родственники и друзья, близко знавшие их.

После XXVII съезда партии и XIX партконференции процесс реабилитации осужденных безвинных людей был продолжен. Можно сказать, что он еще и незакончен, ибо многих родных и родственников погибших в застенках НКВД не остались в живых и обратиться в судебные органы за их реабилитацией просто некому.

Обращаясь к репрессиям тех лет, нам бы хотелось по именно назвать каждого, кто безвинно пострадал, чье честное имя было ошельмовано, всех тех, о трагических судьбах которых общественность не знает, хотя они в соответствии с решениями правительственных органов и считаются реабилитированными. К сожалению таких тоже еще не мало и долг научной общественности вернуть истории их имена.

Решению этой задачи был посвящен, подготовленной сектором источниковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук сборник документов и материалов «Репрессии 30-х годов в Дагестане» в которой были включены ранее неопубликованные документы и материалы, отражающие картину и масштабы репрессий 30-х годов в республике. Разумеется, в сборнике невозможно было включить все документы, отражающие репрессии в республике. Поэтому сборник были включены наиболее доступные документы, хранящиеся в фондах ЦГА РД.

В последующие годы были выпущены ряд документальных сборников по рассматриваемой нами теме: «Люди и судьбы. Заявления и письма репрессированных в 30-е годы». Махачкала, 1996.; «Книга памяти жертв политических репрессий 20-50-х годов XX в. в Дагестане. т. I. и т. II (Составитель С. Сулейманов) Махачкала, 2007.

В настоящее время продолжается работа над составлением очередных томов.

¹ Репрессии 30-х годов в Дагестане ... С.438-440.

Глава IV

Государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в 20-30-е годы XX века.

§ 1. Взаимоотношения власти и духовенства в Дагестане в 20-30-е годы XX века

До Октябрьской революции 1917г. в России Русская православная церковь была частью государственного аппарата. Она была объявлена «первенствующей и господствующей» официальной государственной религией, а главой ее, «верховным защитником и хранителем» считался сам царь.

Русская православная церковь имела исключительное право пропаганды своего вероучения. Остальные церкви были лишь «терпимы» в России. Духовные дела «терпимых» вероисповеданий находились в ведомстве Министерства внутренних дел.

Руководящие государственные должности могли занимать только лица православного вероисповедания. Прием «иноверцев» в учебные заведения России был ограничен, они не допускались на государственную службу, а представителям некоторых религиозных направлений запрещалось жить в ряде населенных пунктов страны («черта оседлости»). Переход православных верующих в другое вероисповедание карался законом на срок до трех лет. Переход же верующих других вероисповеданий в православие не встречал препятствий и даже поощрялся.

Святейший правительствующий Синод Русской православной церкви в начале марта 1917г. не предпринял никаких попыток поддержать монархию и фактически благословил Февральскую революцию. Духовенство считало, что «всякая власть от Бога». Тем не менее, Синод отстаивал свою позицию и упорно защищал церковные интересы.

15 августа 1917г. в Москве открылся Поместный Собор Русской Православной Церкви (РПЦ). Главной целью Собора было восстановление патриаршеского престола в России. Дебаты обсуждения, мотивы «за» и «против» восстановления патриаршества продолжались вплоть до октября-ноября 1917г. 30 ноября 1917г. при незначительном большинстве 141 – «за», 111 «против» (42,3%) и 12 «воздержав-

шихся» (4,5%) Собор принял решение приступить к избранию Патриарха.

4 ноября 1917г., когда большевики заняли Московский Кремль, Поместный Собор РПЦ принял Определение о высшем управлении РПЦ, согласно которому восстанавливалось патриаршество в России и высшая власть принадлежала именно Поместному Собору, 21 ноября 1917г. Тихон (Белавин) был возведен в сан Всероссийского Патриарха.

В середине ноября 1917г. Собор обсуждал Определение «О правовом положении РПЦ». Выступая на пленарном заседании профессор МГУ Сергей Булгаков отметил «излишнюю тесную связь между церковью и государством, как она существовала в России в прошлом, когда церковь была окована цепями государства и в тело ее вьедалась ржавчина этих цепей – эта связь порвана. Бедствие для церкви было в том, что она была огосударствлена», – сказал С.Булгаков.

Члены Поместного Собора, полагая, что пришедшие к власти новые руководители продержаться не более 2-х месяцев, ориентировались на сохранение добрых «союзнических» отношений церкви с государством и укрепление ее особого положения и в новом государственном устройстве.

Документ был принят Собором 2 декабря 1917г. В этом документе церковь изложила свою официальную в отношении «церковной политики большевиков и предлагала обществу и государству свое видение «идеальной» модели взаимоотношений государства и церкви.

Среди 25 пунктов Определения «О правовом положении РПЦ» выделим наиболее важные и содержательные пункты:

- 1) обязательная принадлежность главы государства, министров исповеданий и народного просвещения и их заместителей к православному вероисповеданию;
- 2) признание православного календаря государственным, и православных праздников неприсутственными днями;
- 3) передача записи и учета актов гражданского состояния в руки церкви;
- 4) введение в государственных школах обязательного преподавания Закона Божьего (обязательный предмет в начальных и средних учебных заведениях царской России, знакомящий учащихся со структурой и содержанием. При советской власти был отменен);
- 5) сохранение института военного духовенства и прав юридического лица за православными «установлениями»;
- 6) неизбежность церковной собственности и льготное налогообложение;

7) выделение государственных субсидий на нужды церкви;

8) сохранение за церковью «первенствующего» положения.

Судя по основным положениям «Определения» церковь последовательно и настойчиво отстаивала традиционную для нее идею «христианского государства» России и неразрывного союза Православной Церкви и Российского государства.

Принимая такой документ уже после победы Октябрьской революции и установления власти Советов, члены Поместного Собора РПЦ не принимали в расчет происшедшие в России политические изменения, казавшиеся им «кратковременным» периодом в жизни российского общества, игнорировали правовые акты нового зарождавшегося государства.

Такое содержание главного документа РПЦ, разработанного в условиях свержения самодержавной власти, содержание его статей неизбежно обрекали церковь на противостояние с государством, обществом, другими религиями и их организациями и гражданами их поддерживающими. Было очевидно, что реализация всех требований и условий документа означала клерикализацию государства и общества, возвращение к институту православной религии, церкви, как государственной религии страны и ее монополии в духовной сфере.

Естественно для большевистской власти курс церкви, изложенный в «Определении» был неприемлем. Принятые Советской властью декреты: «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» упразднил сословия и сословные деления граждан, ограничения, организации и учреждения; Декрет «О земле» - передавал в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов все монастырские и церковные земли; декрет «Декларация прав народов России» и Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» отменяли всякие национальные и религиозные привилегии и ограничения, деление религий на «господствующие», «терпимые» и «нетерпимые».

Принятые Советом Народных Комиссаров РСФСР декреты «О расторжении брака», «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» лишали церковный брак юридической силы. По постановлению СНК РСФСР от 11 декабря 1917г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению»¹ во всех государственных учебных заведениях упразднились должности законоучите-

¹ Декреты советской власти. Т.1. (25 октября 1917г. – 16 марта 1918г.). М., 1957. С. 210, 211. (Далее: Декреты Советской власти...)

лей. Передаче также подлежали все церковно-приходские школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии, низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства, со штатами, финансами, движимым и недвижимым имуществом, с библиотеками, ценностями и т.д. было отмечено также, что «вопрос о церквях при этих учреждениях будет разрешен в декрете об отделении церкви от государства».

Этим же постановлением СНК РСФСР была образована комиссия для разработки декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», известный в исторической литературе как декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет был принят 23 января 1918г., где первым пунктом было записано, что «Церковь отделяется от государства», а девятым пунктом – «Школа отделяется от церкви». Под действие декрета попадали церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения всех наименований».

Важным моментом этого Декрета была запись, что «каждый гражданин может, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Это положение сохраняется и сейчас и оно включено во все Конституции: Российской Федерации, Республик Северного Кавказа.

Другим важным моментом был пункт, гласящий о том что «школа отделялась от церкви и преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподавались общеобразовательные предметы не допускалось». Это положение упрощено в новых Конституциях РФ и РД, где записано что «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст.14 Конституции РФ, ст. 17 Конституция РД).

После Октябрьской революции 1917. вплоть до созыва 1-го Вседагестанского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (декабрь 1921г.) в Дагестане не был решен вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви. В Конституции ДАССР, принятой I Вседагестанским Учредительным съездом Советов 5 декабря 1921г. в п.7 главы I было записано: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви. А свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».¹

¹ Революционные комитеты Дагестана (март 1920г. – декабрь 1921г.). Махачкала. 1960. С. 447, 448.

Вопросы государственно-конфессиональных отношений в Дагестане остро встали после ликвидации шариатских судов (1927г.) и решений февральского (1928г.) пленума Дагестанского обкома ВКП (б). Партийные и советские органы, проанализировав религиозную обстановку в республике, наметили пути борьбы с религиозностью населения, особенно среди молодого поколения (школьников, студентов вузов и техникумов). На эту борьбу была мобилизована вся интеллигенция Дагестана, особенно учителя и врачи. Важной формой борьбы с религией было признано распространение светских, естественно-научных знаний среди населения.

Кульминационным моментом проведения антирелигиозной работы было принятие ВЦИК и СНК РСФСР постановления от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях».

Согласно постановлению все религиозные объединения верующих граждан всех культов обязаны были регистрироваться в Совете министров автономной республики, в исполнительном комитете краевого, областного, городского (городов Москвы и Ленинграда) Совета депутатов трудящихся и только после этого они могли приступить к своей деятельности. Каждый гражданин, достигший 18 лет, мог состоять членом только одного религиозного объединения, состоящего не более чем из 20 человек. Религиозным объединениям запрещалось: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь¹.

В послеоктябрьский период, когда в стране происходили революционные преобразования, отношения к религии определялись как необходимость утверждения в общественной практике принципа свободы, что предполагало отделение церкви (мечети) от государства, объявление религии частным делом граждан и равенство их перед законом независимо от религиозной принадлежности.

Первые декреты Советской власти разорвали экономическую и политическую связь религии с государством, привилегированное положение одной религии над другой, что и должно было служить пра-

¹ Законодательство о религиозных культах. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е, доп. М., 1971. С.84, 87.

вовой гарантией для обеспечения свободы совести, декларировавшейся в документах партии и государства. Однако в жизни получилось иначе. В новую эпоху социально-политического переворота произошла кардинальная ломка не только духовной жизни, но и государственно-конфессиональных отношений. Принятый, 23 января 1918г., Декрет Советского Правительства «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», провозглашающий принцип свободы совести, был логическим развитием процесса революционной секуляризации, который в последующие годы осуществлялся в духе партийно-государственной идеологии того времени.

По мере утверждения идеологии одной партии усиливались формы и методы атеистического воспитания с элементами принуждения, а в некоторых случаях и репрессивными методами и способами. С другой стороны, отдельные религиозные течения оказывали скрытое сопротивление мероприятиям Советской власти.

Новое руководство страны стремились привлечь мусульманское духовенство на свою сторону на фоне свободного развития всех конфессий.

Первые декреты, постановления, законы Советского государства отменяли старые законы, ставившие в неравноправное положение людей в зависимости от их принадлежности к различным нациям, национальностям и религиям. В первую очередь в этом плане следует отметить, принятую в ноябре 1917г. «Декларация прав народов России», которая провозглашала равенство и суверенность всех народов страны, закрепляла за ними право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Декларация отменяла привилегии национального и религиозного характера, объявлялся отказ от политики разделения наций на «высшие» и «низшие», противопоставления народов на религиозно-национальной почве.

Среди других документов особо следует подчеркнуть принятое Советским правительством 20 ноября (3 декабря) 1917г. «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока». В «Обращении...» говорилось о том, что «отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения являются свободными и неприкосновенными..., ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».¹

¹ Декреты Советской власти. Т.1. С. 114.

Принятие первых основных законов Советских власти в отношении религии и религиозной деятельности в том числе декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» не вызвало у основной массы мусульманского духовенства недовольства или несогласия. Реакция была спокойной, взвешенной без каких-либо публичных высказываний. Служители культа, шейхи, муллы, кадии не располагали большими средствами и они не могли рассчитывать на государственную поддержку. Однако, когда началась реализация положений декрета в части ограничения религиозной деятельности, религиозной агитации и пропаганды это вызвало возмущение отдельных верующих.

В регионах традиционного распространения ислама, в том числе и в Дагестане представители Советской власти и Коммунистической партии высказывались в пользу сохранения устоявшихся традиций и образа жизни своих народов, покоившихся на догмах ислама. В частности, бюро мусульманской Коммунистической организации «Гуммет» во главе с Н.Наримановым в марте 1919г. приняло решение рекомендовать низовым ячейкам организации подходить к выполнению декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» избирательно, «осторожно, дабы не затрагивать религиозных чувств» населения.¹ О серьезности положения, возникшего в связи с проведением узаконения в области религии и церкви сообщал В.И.Ленину Киров С.М. с Северного Кавказа. Он считал, что партия допускает серьезные ошибки в религиозном вопросе, и такие меры как закрытие религиозных школ, отбирание вакуфных (мечетских) земель, упразднение шариатских судов, преследование духовенства, отпугивают верующих от Советских власти.²

В первые годы Советской власти под воздействием глубоких социальных перемен происходило разделение мусульманского духовенства на лояльных советской власти и на противников.

С целью проведения в жизнь декрета Советского государства от 23 января 1918г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» при ЦК ВКП (б) была создана специальная Комиссия. В апреле 1923г. указанная Комиссия рассматривала т.н. «мусульманский вопрос» и приняла следующее решение:

1. Признать необходимым начать подготовительную кампанию против реакционного мусульманского духовенства в периодической печати.

2. Запретить преподавание Корана и вообще религиозных вероучений в школах.

3. Делегировать ответработников на Северный Кавказ для изучения вопроса о взаимоотношениях мусульманского духовенства с властью в отношении вакуфов, шариатских судов и религиозных школ.

Серьезной проблемой для органов власти и управления Дагестана в первые годы Советской власти, как региона традиционного распространения ислама, являлось преподавание мусульманского вероучения. Административные меры, направленные на принудительные закрытие коранских и примечетских школ вызывало крайне негативную реакцию мусульманской части населения Дагестана. В этом вопросе органы власти и управления страны в течение нескольких лет принимали противоречивые и непоследовательные решения. Были выявлены факты преподавания мусульманского вероучения в советских школах Туркестана. В январе 1923г. по представлению председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР Я.Э.Рудзутака принял постановление ТурЦИК, отменяющее решение о введении преподавания вероучения в советских школах. В виде исключения и в качестве временной меры не воспрещалось преподавание вероучения в мусульманских школах узбекской части Туркестана.¹

В том же месяце 1932г. вышло постановление Наркомпроса РСФСР «О преподавании вероучения в мусульманских школах» и декрет ВЦИК о закрытии религиозных школ.²

В октябре 1923г. Бюро Секретариата ЦК ВКП (б) постановило «допустить» в отдельных частях Союза ССР (в том числе и в Дагестане) с наиболее отсталым и религиозным фанатичным населением изъятие из общего порядка организацию мусульманских духовных школ. В соответствии с данным постановлением Наркомпрос РСФСР разработал и утвердил Инструкцию № 446/72 от 21 августа 1925г. и с разрешения НКВД РСФСР были упорядочены вопросы, связанные с преподаванием мусульманского вероучения среди восточных народностей.

В этих документах органов государственной власти и управления предлагалось следующее:

1. Преподавание мусульманского вероучения может производиться только в мечетях с надлежащего, в каждом отдельном случае, разрешения уездного (кантонного) или губернского и областного исполкома и исключительным лицом: а) достигшим 14-летнего возраста

¹ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется. М., 1992. С.28.

² Киров С.М. Избранные статьи и речи. ОГИЗ. 1939. С. 148-150.

¹ Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань. 2002. С.81.

² Там же.

и представившим о том свидетельство или б) окончившим школу 1-й ступени и представившим о том соответствующее удостоверение.¹ Преподавание мусульманского вероучения в советской школе запрещалось, в том числе школах тюркских и восточных народностей. Обучение детей мусульманскому вероучению разрешалось на групповых занятиях примечетских школ, но только исключительно в свободные от школьных занятий дни.

27 апреля 1927г. Оргбюро ЦК ВКП (б) рассмотрело вопрос «О мусульманском религиозном движении» и постановило поручить антирелигиозной комиссии в отношении краев, областей и республик Северного Кавказа разработать дополнительные предложения, учитывающие особенности этих областей.

В мае 1928г. Политбюро ЦК ВКП (б) предложило Президиуму ЦИК СССР отменить закон ВЦИК о мусульманских религиозных школах, произведя эту отмену по предложению национальных республик. «Вскоре Президиум ЦИК СССР вынес постановление удовлетворить ходатайство автономных республик об отмене закона ВЦИК о мусульманских школах» от 9 и 28 июля 1924г.²

Вопросы мусульманской религии, религиозного образования были обсуждены на съезде мусульманского духовенства Дагестана в селении Кахиб Тлетль-Гидатлинского участка Гунибского округа 20 ноября 1923г., в третью годовщину провозглашения автономии Дагестана. На съезде присутствовали 76 шейхов, кадиев, мулл из Аварского, Андийского, Гунибского и Лакского округов. В повестку дня съезда были включены следующие вопросы: 1) Как относится Советская власть к мусульманской религии и духовенству и почему духовенство отделено от Советской власти?; 2) Как духовенство и широкие мусульманские массы должны относиться к существующей сейчас Советской власти?; 3) Должны ли мусульмане в чем-либо оказывать содействие Советской власти или нет?; 4) О светской науке и ее пользе для мусульман Дагестана; 5) О самозваном имаме Нажмутдине Гоцинском и о том, как должно относиться все население Дагестана к нему и к его деяниям?³

В резолюциях по первому вопросу говорилось, что «отныне мы будем помогать Советской власти окрепнуть, чтобы она могла улучшить положение бедноты, ибо Аллах и Пророк учили любить бедных, помогать им и тем, кто заботиться о них. По второму вопросу в резолюциях было отмечено, что все мусульмане должны от души подчи-

¹ Там же. С. 82, 83.

² Там же. С. 86, 87.

³ Красный Дагестан. 1923. 17 декабря № 283.

ниться существующей сейчас Советской власти и всеми силами помочь ей во всем и рука об руку с нею бороться против врагов Советской власти, т.е. против врагов мусульман не только Дагестана, но и всего мира, ибо Коран говорит, что подчинение существующей сейчас власти есть обязанность всех мусульман. По-третьему вопросу съезд принял резолюцию, говорящую о том, что «все мусульмане, как живущие в Дагестане, так и живущие в других странах, безусловно, должны оказывать полную и всестороннюю поддержку Советской власти. По-вопросу о науках съезд считал необходимым широко разъяснить дагестанской бедноте значение светских наук, которые дают человеку знание, а целым народностям силу и мощь как улучшить свое существование. «Мы будем помогать Советской власти, - говорится в резолюции съезда, - просвещать умы темной дагестанской бедноты, мы убедим население, не жалея ни сил, ни средств учиться и учить своих детей».¹

Жесткой была резолюция съезда, принятая в отношении Н.Гоцинского. В ней говорилось, что «за тяжелый период с начала 1918 года и до конца 1920 года мы убедились, что самозванный имам Нажмутдин Гоцинский – есть злой дух, который кроме несчастий, осиротения, овдовения и всяких других бедствий, ничего населению не дал. Мы видим, что сам Аллах проклял Нажмутдина Гоцинского, осыпал каждый шаг его неудачей и проклятиями безвинных жертв его работы».² Далее говорилось, что «Гоцинский заслуживает самых суровых мер, мы заявляем населению аят Корана, который говорит, что тот, кто проливает безвинную кровь, заслуживает сурового наказания распятием и набрасыванием камнями... мы объявляем Гоцинского врагом мусульман не только Дагестана, но и всего мира»³.

В дореволюционном Дагестане с населением менее одного миллиона человек насчитывалась 1720 мечетей, 356 Джума-мечетей, 22 православные церкви, 26 синагог и более 40 тыс. служителей культа. Большое распространение получили религиозные школы (766 – при мечетях, 84 – при православных церквях и 21 – при еврейских синагогах).⁴

Особенно велико было влияние мусульманского духовенства, которое пыталось использовать религию в своих политических целях. Духовенство было неоднородно. В его составе находились представи-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959. С. 14.

тели, как богатых, так средних и бедных слоев населения. Поэтому политические ориентации в связи с изменившейся политической обстановкой в стране у них были разные.

Значительная часть духовенства Дагестана, находясь на стороне контрреволюционных сил, поддерживала буржуазные партии и правительства, белогвардейских генералов Врангеля и Деникина иностранных интервентов Англии, Турции, Германии и Японии, выступала против мероприятий Советской власти внутри республики. Знаменем борьбы их было учение ислама и нормы шариата, нетерпимость к носителям других религиозных течений (православия и иудаизма). Положение еще осложнялось тяжелыми последствиями колонизаторской политики царизма в Дагестане в XIX и в начале XX вв., породившей не только ненависть к самодержавию, но и русскому православию.

После победы Советской власти в Дагестане мусульманское духовенство не могло смириться с мыслью о потере своих прежних позиций. Поэтому вся его борьба шла под лозунгом защиты религиозных устоев.

Царский генерал, военный диктатор Дагестана, один из известных представителей контрреволюции, противник Советской власти и большевистской партии генерал Михаил Халилов говорил следующее: «Желание дагестанского офицерства со мною во главе - это избавить наш родной край от той ужасной заразной болезни, которая называется большевизмом, от того чудовища, которое идет против Бога, против Пророка, против его религии».¹

Антисоветская деятельность значительной части мусульманского духовенства в Дагестане в 20-х годах выражалась в игнорировании всех мероприятий Советской власти, в проведении злобной антисоветской агитации в совершении террористических актов против партийно-советского актива республики. Задача партийных, советских и правоохранительных органов Дагестана в этот период заключалось в том, чтобы нейтрализовать реакционную часть духовенства от лояльной части – сторонников Советской власти. Сложность заключалась в том, что наряду с многонациональным составом населения, его культурной отсталостью под влиянием мусульманской религии находились почти все население республики.

Конечно же, руководство республики 20-х годов не рассчитывало на то, чтобы горцы веками находившиеся под влиянием религии ислама встретят Советскую власть благожелательно. Поэтому ЦК РКП

¹ Гаджиев С.М. Пути преодоления идеологии ислама. Махачкала. 1963. С. 31.

(б), В.И. Ленин в своих письмах и телеграммах руководителям республики при проведении политики Советской власти обращали особое внимание на особенности республики, требовали учитывать национальный состав населения, его религиозность. При этом предлагали соблюдать осторожность и проявлять максимум доброжелательности, мягкости и уступчивости к мусульманам, крестьянству и интеллигенции при вступлении в Дагестан «не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917-1921 годов»,¹ - указывал В.И. Ленин в известном письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики» от 14 апреля 1921 г.

Исходя из установок В.И. Ленина, Советского государства, в Дагестане вплоть до 1927 г., наряду с народными судами функционировали шариатские суды, рядом с советскими школами до 1924 г. соседствовали примечетские школы (мектебы), в собственности мечети оставались земли и огромное количество вакуфного имущества.

Органы власти и управления Дагестана принимали меры, рассчитанные на ослабление идейного влияния духовенства на население путем ограничения экономической базы, изъятия вакфов и передачи их кресткомам, проведения в жизнь декрета Советского государства «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г., укрепления органов государственной власти (ревкомсов, Советов), ликвидации шариатских судов и создания новых органов власти и управления на местах.

В Дагестане на начальном этапе строительства нового общества эти меры носили в основном ограниченный характер, направленный на отстранение представителей духовенства от участия в государственном строительстве, лишение их избирательных прав, обложение более высоким налогом, запрещение преподавания мусульманского вероучения в советских школах и т.д. Однако шейхи, муллы и кадии, сгруппировав вокруг себя враждебные к Советской власти элементы, мешали проведению в жизнь мероприятий новой власти. Самым действенным средством в руках мусульманского духовенства оставалось мусульманское вероучение – ислам. Поэтому в конце 20-х годов Советское государство, помимо проведения политических, социально-экономических и культурно-просветительских мероприятий с целью ослабления влияния ислама и других религий на умы населения, принимало административные меры в отношении религии, религиозных

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С.200.

организаций, а также в отношении отдельных служителей культа. Такие меры принимались в связи с заметным оживлением деятельности религиозных организаций в масштабе всей страны.

В связи с этим перед органами власти и управления Дагестана стояли задачи: 1) разоблачить реакционную деятельность части духовенства, 2) разъяснить трудящимся гор сущность религии, 3) использовать лояльную часть мусульманского духовенства в интересах Советской власти.

В первой половине 20-х годов XX в. в Дагестане наблюдалось оживление воинствующего религиозного течения мюридизма,¹ пронизанного идеей исламского теократического управления, лозунгом которой служил джихад (газават) – реакционная идея «священной войны» против «неверных», направленная на разжигание вражды по отношению ко всему русскому, способствовавшая нагнетанию религиозной нетерпимости в сознании и в поведении горцев-мусульман. Своей главной задачей идеологи мюридизма считали создание исламского государства на территории Северного Кавказа, к сожалению, до сих пор витающего в головах и умах определенной части мусульманского духовенства Северного Кавказа. Такую попытку создания Северо-Кавказского эмирата в 1919-1920 гг. сделал известный политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни Узун-Хаджи Салтинский. Такая же попытка создания объединенного исламского халифата на территории Дагестана и Чечни была сделана в августе-сентябре 1999 г. исламистами.

Антисоветскими проповедями в мечетях, при проведении мавлидов и зикров, а также в других местах совершения массовых религиозных обрядов, путем распространения клеветнических слухов о скорой войне и гибели Советского государства, намерении большевиков крестить всех мусульман путем создания кресткомов, шейхи, муллы, кадии провоцировали недовольство среди верующих, вызывали их к выступлениям против мероприятий Советской власти, организовали убийства партийных и советских работников, поджогов колхозного имущества.²

Такие методы деятельности реакционной части мусульманского духовенства представляли угрозу новой власти. Со дня установления Советской власти духовенство не только поддерживало контрреволюцию, интересы белогвардейцев, но и возглавило антисоветское восстание 1920-1921 гг. в горах Дагестана под руководством

Н. Гоцинского. С помощью переброшенных из Грузии отрядов вооруженных бандформирований дагестанская контрреволюция в сентябре 1920 г. подняла антисоветский мятеж в пограничных с Грузией районах Дагестана. По замыслам ее организаторов, мятеж должен был помочь созданию крупного антисоветского фронта с целью создания отдельной марионеточной (возможно и исламской) республики на Юге России, включая сюда Кубань, Дон, Крым и Юг Украины. Однако мятеж не удался. К маю 1921 г. банды Гоцинского были разгромлены красными партизанами и пришедшими на помощь частями Красной Армии при активной помощи народов Северного Кавказа и Закавказья.

В 1926 г. в Дагестане с целью подрыва экономической базы мусульманского духовенства органы Советской власти на местах начали кампанию по изъятию вакуфного имущества мечети и передаче ее в кресткомы. Эти мероприятия Советской власти встретили открытое сопротивление духовенства. Шейхи, муллы и кадии призывали население республики скрывать вакуфные земли и имущества. Мусульманское духовенство встретило эту кампанию массовыми выступлениями. В 1926-1927 гг. в аулах Дагестана органами ГПУ было зарегистрировано около 150 открытых массовых выступлений против изъятия вакуфов и закрытия мечетей.¹ Вместе с тем необходимо отметить, что партийные и советские органы на местах в вопросах изъятия вакуфов, закрытия религиозных школ и мечетей допускали искривления и перегибы партийной и советской линии, особенно по части закрытия мечетей без учета мнения населения, проживающего в данном населенном пункте, использование их под культурные учреждения, склады промышленности и продовольственных товаров.

По данным в 34 районах и 2 городах (Дербент и Махачкала) из одной тысячи закрытых мечетей на 1.1.1936. 250 были переоборудованы под культурно-просветительские учреждения (25,0%) и 244 были использованы под складские помещения (24,5%). В отчетном докладе Дагестанского обкома ВКП (б) VIII-й областной партийной конференции (март 1927 г.) отмечалось, что «в гражданской войне духовенство занимало лагерь контрреволюции. Правда часть духовенства имела связь и с революционным движением и принимала в нем участие, но потом постепенно от нее она отошла, так что мы должны ясно сознавать, что это есть наш враг, опасный тем, что он еще имеет...

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 4. Д. 1. Л. 11.

² Там же. Д. 35. Л. 95, 96.

¹ Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане 1921-1947 гг. (Узловые проблемы). М., Наука. 1975. С. 182.

значительное влияние на население: это враг, с которым придется выдержать серьезную борьбу».¹

22 мая 1928г. на заседании Агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП (б) был заслушан доклад заведующего аналогичным отделом Дагестанского обкома партии, где было отмечено ослабление влияния экономических позиций духовенства республики в результате изъятия вакуфов. В то же время ЦК подчеркнул значительную роль, которую продолжало играть духовенство, его стремление объединиться в борьбе против Советской власти с кулачеством республики и потребовал от обкома партии в антирелигиозной работе главный упор делать на разоблачение союза этих сил.²

Мусульманское духовенство выступало с призывами не только отказаться от участия в проводимых органами Советской власти мероприятиях: создание кресткомов, кооперативов, потребительских обществ, участие в строительстве больниц, школ, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, но и организовало террористические акты против представителей органов власти, руководителей колхозов, совхозов, сельсоветов, директоров и учителей школ, агитировали не обрабатывать вакуфы (земли), призывали не сдавать закяты в кресткомы, отказываться от получения имущества вакуфа.

С 13 по 20 февраля 1928г. состоялся объединенный пленум Дагестанского обкома партии и Дагестанской Контрольной Комиссии. Одним из важным вопросов, рассмотренных на пленуме был вопрос «О мусульманском духовенстве». Доклад на пленуме делал начальник Дагестанского отдела ОГПУ К.Г.Мамедбеков. В докладе было отмечено следующее: на начало 1928г. в республике «имелись до 600 кадиев, до 2000 мулл и свыше 2000 алимов, до 2000 мечетей, из них 33 новые, построенные в послереволюционный период. Шейхов насчитывается 17, а за ними тысячи мюридов».³

В докладе было отмечено, что в связи с проведением в Дагестане разоружения населения (1926 год) и изъятием у мечетей вакуфов (1927 год) влияние мусульманского духовенства в ауле несколько ослабло. Проведенные органами Советской власти вышеуказанные мероприятия духовенство республики встретило открытым сопротивлением, было зарегистрировано порядка 120 выступлений против создания советских школ.⁴

¹ Там же. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 827. Л. 43.

² Османов А.И. Ликвидация кулачества как класса в Дагестане. Махачкала. 1972. С. 47.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.9. Д.3. Л.18.

⁴ Там же. Д.9. Л.10.

В принятой пленумом резолюции говорилось, что «усиление ведущей роли социалистического сектора хозяйства в ауле (госпромшленность, торговля, кооперация потребительская, сельскохозяйственная и кустарная), рост на этой основе активности... крестьянства..., ряд государственных мероприятий, непосредственно направленных против мусульманского духовенства (лишение избирательных прав, упразднение шариатских судов, разоружение, изъятие вакуфов из ведения мечетей, [закрытие религиозных школ], заметно усилили роль органов Советской власти в ауле и ослабили влияние шейхизма и мусульманского духовенства. Несмотря на это влияние шейхизма и мусульманского духовенства все еще оставалось достаточно большим и сильным, чем объясняется значительной некультурностью крестьянских масс...».¹

После 1926 г. против Советской власти и ее мероприятий в Дагестане действовали шейх-уль-ислам Али-Хаджи Акушинский, шейхи Гасан Хахибский, Магомед Балахинский, Ибрагим Кучринский и другие. Своими проповедями в мечетях, на сходках джамаатов они дискредитировали Советскую власть, агитировали родителей не посылать детей в советскую школу, взрослых – в ликпункты, вели борьбу против коллективизации, закрытия мечетей и изъятия вакуфов. Поэтому участники объединенного пленума ДК и ДКК ВКП (б) рассматривали в целом мусульманское духовенство как антисоветская сила, стоящая в оппозиции к новой власти.²

Исходя из этого пленум обкома партии поставил следующие задачи:

1) к наиболее злостным участникам скрытого сопротивления против изъятия вакуфов из среды духовенства применять репрессивные меры судебно-административного порядка;

2) добиться полного изъятия вакуфного имущества в тех районах, где еще это мероприятия не закончено;

3) взять линию на изъятие закята как института вообще. В качестве переходной меры допустить его передачу в кресткомы;

4) признать необходимым ввести обложение подоходным налогом мусульманского духовенства как служителей религиозного культа.³

Политика властей в отношении мусульманского духовенства с конца 20-х годов и в 30-е годы определялась в следующих направлениях:

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 9. Д.3. Л. 2.

² Там же. Л.3.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.9. Д. 23. Л.3.

1) преследование духовенства как представителей кулачества и зажиточной части населения, а религиозного объединения – как политические организации;

2) подрыв экономических основ религиозной деятельности духовенства (изъятие вакуфов, высокое налоговое обложение и др. меры);

3) разоблачение идеологии ислама и признание за атеизмом статуса государственной теории в качестве важнейшей идеологии.

В результате завершения антирелигиозной пятилетки (1932-1937гг) из более, чем 2000 религиозных объединений (мечетей), церквей, синагог, существовавших к 1917 г. в Дагестане, к 1 января 1936 г. было закрыто более 50% всех религиозных (культурных) зданий.

Между тем в отдельных регионах страны с мусульманским составом населения молитвенные здания не только не уменьшились, но и несколько увеличились. Об этом говорилось в докладной записке начальника НКВД Узбекской ССР Загвоздина в январе 1936 г. «О мусульманском духовенстве», где сообщалось, что «общее количество действующих мечетей в 1935г. республике достигло до 2124 и только в 1935 г. вновь открыто и отреставрировано еще 51 мечеть и что мусульманское духовенство сохраняет влияние на население и имеет способность действовать организованно».¹

В годы советской власти (20-е годы) в Дагестане также были построены несколько мечетей. Политика органов власти и управления Дагестанской республики в 20-30-е годы в области религии заключалась в том, чтобы изменить религиозное сознание людей путем закрытия молитвенных зданий (церквей, мечетей, синагог), гонения и преследования верующих и служителей культа. Эти мероприятия Советской власти ожесточали людей, раскалывали общество, особенно в годы коллективизации и культурного строительства. Антирелигиозное наступление партийно-государственного аппарата на умы и настроения людей, в свою очередь открытые антисоветские настроения населения, их внутреннее ожесточение подпитывали друг друга. Несколько условно можно разделить религиозную политику власти в отношении мусульманского духовенства в республике:

1) период с 1917 по 1922 г. – т.н. период революционной секуляризации (постепенной переход в руки государства церковной (мечетской) собственности и освобождение науки и культуры от религиозной опеки).

2) период 1923-1927 гг. – усиление идейной борьбы с мусульманским духовенством, ликвидация религиозных школ и шариатских су-

дов, начало применения административных и репрессивных методов борьбы с религией.

3) период 1928-1933 гг. – репрессивные акты органов власти и управления против религии и религиозных деятелей.

4) 1934-1940 гг. - победа на религиозном фронте, полная ликвидация религиозных объединений.

Таким образом, распространение естественнонаучных знаний, ликвидация неграмотности среди населения позитивно влияли на развитие культуры и образования в республике. Однако идеализированный подход партийных органов в вопросах духовного развития общества ужесточил социально-психологическую атмосферу, проводил линию раздела людей на верующих и атеистов. Верующие и духовенство оказались в роли людей не способных принять новые порядки и законы государства.

Прямое отрицание религии оборачивалось расшатыванием духовно-нравственных устоев, моральной дезориентацией общества.

§ 2. Организация и деятельность шариатских судов и Союза воинствующих безбожников в Дагестане

В первые годы после установления Советской власти в Дагестане по требованию окружных, городских и участковых ревкомов республики были организованы шариатские суды. Такие суды по приказу № 2154 от 10 июня 1920г. отдела юстиции Дагестанского ревкома были созданы в 9-ти округах и в одном районе Дагестана: Темир-Хан-Шуринском, Самурском, Казикумухском, Даргинском, Андийском, Гунибском, Хасавюртовском, Кайтагско-Табасаранском, Кюринском округах и в Дербентском районе.¹ Создание их было обусловлено историческими обстоятельствами развития дагестанских народов, у которых шариат долгие годы оставался основным источником правовых норм, регулирующим отношения между людьми.

Дела в шариатских судах разбирал кади, который выносил приговоры на основании шариата и адата. В обязанности кадия входило наблюдение за вакуфами (удержание налога с имущества), опекунами делами, выполнение духовных завещаний и разделом имущества между наследниками.

Согласно приказу № 2154 отдела юстиции Дагестанского ревкома от 10 июня 1920г. для мусульманской части населения, проживающей в горо-

¹ Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань. 2002. С.94.

¹ ЦГА РД. Ф.Р-4. Оп. 2. Д. 51. Л. 87.

дах, были созданы городские народно-шариатские суды, а для других - народные суды. Кроме того, тогдашней столице республики г. Темир-Хан-Шуре был учрежден областной Кассационный народный суд, для подачи кассационных жалоб граждан.

Мелкие уголовные и гражданские иски ценой не свыше 100 тыс. рублей в каждом сельском обществе рассматривал сельский шариатский суд.

Бесплатную юридическую помощь населению оказывала юридическая консультация, организованная в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск).

В Кутур-Кюринском участке Кюринского округа 5 июля 1920 года из 40 сельских ревкомов в 14 были созданы народно-шариатские суды. Однако в окружной центр сел. Касумкент поступали многочисленные жалобы граждан о том, что сельские шариатские суды разбирают дела несправедливо как при старом режиме.¹ Такое же положение было и в других шариатских судах.

В Кайтаго-Табасаранском округе население жаловалось о том, что в шариатских судах судят не по шариату, а по личному усмотрению судьи: «берут взятки, потворствуют ворами». Поэтому население перестало доверять шариатским судам и предлагало передавать дела в народные суды».²

В составе шариатских судов во многих округах Дагестана оказались бывшие противники Советской власти, участники антисоветских выступлений. Сельская комячейка селения Чох Гунибского округа после доклада о деятельности шариатского суда потребовала удаления из суда участников контрреволюционного мятежа Н. Гоцинского, как не надежных и не пользующихся доверием народа, вредных и опасных лиц.³

После установления Советской власти на всей территории Дагестана было решено регистрацию всех гражданских браков осуществлять через органы ЗАГС (записи актов гражданского состояния). На основании разъяснения Наркома внутренних дел Дагестанской АССР от 23 мая 1921 г. за № 1193 кадрии мусульманских общин при городских, окружных и участковых ревкомх зачислялись сотрудниками местных ЗАГСов на должности делопроизводителей первого разряда.⁴

Им было разрешено приглашать на должность грамотного на арабском и русском языках заместителя с тем, чтобы в отсутствие ка-

¹ ЦГА РД. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 27. Л. 227.

² «Советский Юг». 1920. 12 октября. № 10.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 132. Л. 19.

⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 132. Л. 19.

дия по делам шариата в мечети могли замещать кадрия и заведующего местным ЗАГСом. Таким образом, регистрация браков происходила одновременно по шариату и по записи актов гражданского состояния, т.е. по новым советским законам. Это положение было изменено постановлением Наркомата внутренних дел ДАССР от 21 июня 1921 г., где предписывалось всем служителям религиозных культов в пределах городов республики не совершать религиозных браков прежде, чем брак не будет зарегистрирован в соответствующем отделе записей актов гражданского состояния. Не исполнение этого постановления рассматривалось, как подрыв основных законов Советской власти и нарушившие этот порядок подвергался наказанию по всей строгости советских законов.¹

В начале 20-х годов в Дагестане начала развиваться до необычных размеров преступность, воровство, самогонварение. Шариатские суды не справлялись с разборами указанных дел. Более того, были случаи оправдания многих преступлений в шариатских судах.

III съезд бедноты Аварского округа, состоявшийся 29 июня 1921 г. выразил недоверие шариатскому отделу Дагревкома, вследствие того, что переданные им для разбора судебные дела на воров, пьяниц и самогонщиков после их рассмотрения виновные не были наказаны, как это требовал шариат и преступники были выпущены на свободу. Выражая свое недовольство, съезд обратил внимание шариатского отдела Дагревкома, чтобы в будущем таких преступников судили по нормам шариата, а в случае нарушения этих норм съезд предложил, чтобы ведение таких дел брали на себя революционные народные суд Советской власти независимо от занимаемых должностей, в том числе и дела служащих советских учреждений.²

Революционный комитет Дагестана своим приказом № 134 от 20 октября 1921 года в целях пресечения дальнейшего развития уголовной преступности и действительной охраны жизни и имущества граждан республики постановил изъять из ведения шариатских судов все уголовные дела об убийствах, разбоях, грабежах, кражах и мошенничестве.

Председателям окружных и районных ревкомов, впредь до организации на всей территории ДАССР революционных народных судов предлагалось все дела на уголовных преступников, осужденных шариатским судом, вместе с произведенными следственными органами дознания и следствия, с мотивированными по ним заключениями на-

¹ ЦГА РД. Ф. Р-183. оп. 5. Д. 6. Л. 26.

² ЦГА РД. Ф. Р-41. Оп. 5. Д. 5. Л. 57-59.

правлять в г.Буйнакск (бывш. Темир-Хан-Шура) в распоряжение Главной милиции для их дальнейшего ведения. Все незаконченные производством в шариатских судах дела изымались из ведения судов и направлялись в Главную милицию для дальнейшей передачи их в административные и судебные органы. Изъятие этих дел должно было быть проведено в недельный срок заведующими шариатскими отделами округов, районов и участков совместно с окружной, районной и участковой милицией. Исполнение данного приказа было возложено на начальника Главной милиции, председателей окружных и районных ревкомов, заведующих внутренними управлениями, на начальника центрального розыска, на начальников окружных и районных уголовно-розыскных отделов. Невыполнение же должностными лицами приказа влекло за собой ответственность виновных лиц. Приказ был подписан председателем Дагревкома и членом ВЦИК Д. Коркмазовым и Наркомом внутренних дел ДАССР Н.Самурским.¹

Издание данного приказа значительно сузило возможности шариатских судов. Поэтому в некоторых районах Дагестана духовные лица проявляли неприязнь к органам Советской власти, распуская слухи о том, что Советская власть отнимает у них шариат.

Противоречивая обстановка, сложившаяся впервые годы Советской власти в Дагестане, требовала особого подхода к духовенству. С одной стороны, духовенство, особенно его реакционная часть, выступила против мероприятий Советской власти. С другой стороны, в силу огромного влияния представителей мусульманского духовенства на массы, ее лояльная часть, Советская власть приглашала сотрудничать в органах управления. В частности, в состав Дагревкома был введен шейх-уль-ислам Дагестана Али-Хаджи Акушинский, впоследствии возглавивший шариатский отдел Наркомата юстиции.²

Первые руководители советского государства очень осторожно и терпеливо относились к мусульманскому духовенству, религии ислам и шариату.

Выступая на съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. в г.Темир-Хан-Шуре с Декларацией об объявлении Советской Автономии Дагестана нарком по делам национальностей РСФСР И.В.Сталин заявил: «Нам сообщают, что среди дагестанских народов шариат имеет серьезное значение. До нашего сведения также дошло, что враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат.

¹ ЦГА РД. Ф. р-4. Оп.3. Д.21. Л.144.

² Магомедов М.З. Социализм и судьбы горцев. Махачкала. 1976. С. 82, 83.

Я здесь от имени Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики уполномочен заявить, что эти слухи неверны. Правительство России предоставляет каждому народу полное право управлять на основе законов и обычаев.

Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию.

Если дагестанский народ желает сохранить свои законы и обычаи, то они должны быть сохранены».¹

Руководствуясь этим актом Советского правительства, первая Дагестанская областная партийная конференция, состоявшаяся 30 ноября 1921г. в резолюции «Об отделении церкви от государства» заявила, что «мы охотно пошли на то, чтобы был даже шариатский суд...и далее мы говорим, что каждый мусульманин может молиться как ему угодно и где угодно ...они могут учиться своим религиозным обрядам сколько угодно, но лишь за свой собственный счет»².

Как уже отмечалось, Дагревком в июле 1920г. создал и действовали одновременно народные и народно-шариатские суды: а) в городах Темир-Хан-Шуре и Дербенте - народные суды, действовавшие согласно декрета ВЦИК «О народном суде РСФСР» и б) на остальной территории республики -народно-шариатские суды, руководствовались положениями шариата, причем шариатские суды действовали в составе председателя и двух членов. Председателей сельских шариатских судов обязательно избирали из числа кадиев, отвечающих следующим требованиям: а) что он имеет право избирать или быть избранным и б) что он должен знать досконально законы шариата. Помимо прочего указывалось, что «шариатским судам не предоставляется право на лишение жизни, членовредительство, телесные наказания и все это должно быть подтверждено под присягой во время вступления в должность председателя шариатского суда».³

30 мая 1921 г. Президиум Дагестанского областного комитета РКП (б) принял постановление о необходимости создания параллельно с шариатскими судами и народных судов. Такое положение позволяло любому гражданину, по выбору обратиться по уголовному и гражданскому делу в любой суд. Эта мера была направлена на то,

¹ Сталин И.В. Соч. Т.4 С. 362.

² ЦГА РД. 1-п. Оп. 2, Д.8. Л. 95.

³ Магомедов М.А., Гаджиев М.М. Шариат и его распространение в Дагестане. М., 1996. С. 161; ЦГА РД. Ф. Р-182. Оп.1. Д.2.Л.2.

чтобы постепенно и целенаправленно вести работу по ликвидации шариатских судов и ведение антирелигиозной пропаганды.

Партийные и советские органы республики, к сожалению, допускали серьезные промахи в проведении антирелигиозной пропаганды, нарушали установки съездов партии, в частности решения XIII съезда РКП (б) от 21-31 мая 1924г. «О работе в деревне», где говорилось о том, что «необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, мечетей, синагог, молитвенных домов, костелов и т.д. Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкиваются крестьяне. Разъяснение происхождения града, грозы, засухи, появления вредителей, свойства почвы, действие удобрения и т.п. является наилучшим видом антирелигиозной пропаганды... Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на год и десятки лет рассчитанной работой просвещения. Такое осторожное отношение особенно необходимо в восточных республиках и областях.¹ Это относилось в первую очередь к Дагестанской республике.

30 июля 1922 года ЦИК и СНК ДАССР утвердили новое «Положение о шариатских судах в Дагестане», в котором отмечалось, что: 1) шариатские суды в Дагестанской республике снимаются с государственного снабжения и переходят исключительно на содержание тех обществ, которые выразят желание взять и содержать таковые; 2) шариатские суды разбирают гражданские дела между мусульманами в случае особого соглашения на это истца и ответчика. Если одна из сторон пожелает разработать дело в шариатском суде, а другая в народном суде, дело подсудное только последнему. Это «Положение...» резко изменило характер деятельности шариатских судов, лишило их экономической основы существования.

В качестве примера можно привести такие данные. Если в 1923 году окружными шариатскими судами было рассмотрено 1413 гражданских и 211 бракоразводных дел, то в 1924 году 788 и 137, т.е. в первом случае снижение на 44,2%, а во втором - на 35%.² Это при том, что в республике функционировали 870 шариатских судов, находящихся почти в каждом селении с числом дворов не менее 50.

Уменьшение рассмотрения гражданских бракоразводных дел в шариатских судах было отмечено как положительное явление и на II объединенном пленуме Дагестанского обкома партии и Дагестанской Контрольной ремиссии 24 июня 1927 года.

21 декабря 1926 года состоялось заседание бюро Дагестанского областного комитета партии, где рассматривался вопрос «О состоянии судебно-следственного аппарата республики». В постановлении бюро обкома партии отмечалось, что «в связи с постоянным внедрением в сознание широких масс трудящихся понятия о революционной законности, расширения сети судебно-следственных органов, доверия к ним населения, окружные шариатские суды фактически ликвидировались, а аульские впадают в жалкое существование в связи с массовым отказом аульских обществ дать средства на их содержание. Исходя из сказанного, бюро ДК признает необходимым в ближайшее время ликвидацию шариатских судов».¹

В одном из пунктов резолюции конференции Юго-Восточной краевой партийной организации говорилось: «Существующие шариатские суды среди горцев не могут быть уничтожены, как и арабские школы, путем административных нажимов и декретного законодательства. Шариатские суды нужно рассматривать как логическое следствие экономической и культурной отсталости горцев, при наличии религиозного фанатизма мусульманских горских массах. Правильная и серьезная организация губернских и народных судов, с хорошим подбором честных и преданных работников, быстрым и справедливым разбором дел может, завоевывая симпатии, доверие горских масс... ликвидировать шариатские суды».²

28 апреля 1927 года в газете «Красный Дагестан» было опубликовано постановление ЦИК и СНК ДАССР «Об упразднении окружных шариатских судов».³ В постановлении отмечалось, что «окружные шариатские суды на территории ДАССР со дня опубликования настоящего постановления считать упраздненными». Было отменено «Положение о шариатских судах в ДАССР», утвержденное ЦИК ДАССР от 30 июля 1922 г. и постановлением ЦИК ДАССР от 24 сентября 1924 г. об изменении ст.5 этого «Положения ...». Лица продолжающие, после опубликования постановления осуществлять функции окружных шариатских судов, подлежали привлечению к уголовной ответственности.

¹ ЦГАРД.Ф. 1-п. Оп.1. Д.19.Л.71.

² РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 94. Л. 59-61.

³ «Красный Дагестан», 1927. 28 апреля. № 96.

¹ КПСС в результатах... Т.3. изд-е 9-е доп. и испр. М., Политиздат. 1984. С.249

² Там же.

Таким образом, через 6 лет после установления Советской власти в Дагестане постепенно были отменены шариатские суды и закрыты духовные школы. Одновременно были изъяты и вакуфные (примечетские) земли, сбор от закята стал поступать кресткомам. Это подорвало экономические и политические позиции мусульманского духовенства в Дагестане.

По мере строительства социалистического общества борьба с религией усиливалась. При ЦК РКП (б) еще с 1922г. существовала специальная антирелигиозная комиссия по проведению в жизнь декрета Советской власти от 23 января 1918г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», известный в исторических исследованиях как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Комиссия просуществовала вплоть до 1929г. Антирелигиозная комиссия жестко контролировала религиозные организации, действовавшие на территории советского государства. Руководил комиссией Ярославский Е.М. (Губельман М.И.). После 1929г., в связи с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях (апрель 1929г.)» вопросы религиозной политики рассматривались, как правило, на заседании Секретариата ЦК ВКП (б).

В нашей стране перестройка религиозного сознания крестьянских масс и всего населения в условиях свертывания новой экономической политики была задачей первостепенной государственной важности. На XV съезде партии (декабрь 1927г.) И.В.Сталин говорил об ослаблении антирелигиозной работы, на необходимость связать антирелигиозную кампанию с борьбой за социализм. Проводимая коллективизация сельского хозяйства в стране означала антиклерикализацию деревни и в целом усиление антирелигиозной борьбы. В начале 1929г. партийным органам был разослан циркуляр ЦИК СССР «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В циркуляре борьба с религией приравнивалась к классово-политической, борьбой за социализм.

Вскоре после принятия вышеуказанного постановления ЦИК СССР решением ЦК ВКП (б) в 1929г. был создан Союз воинствующих безбожников. Организация имела свой Центральный Совет, куда входили известные деятели большевистской партии: Красиков П.А., Скворцов-Степанов И.И., Смидович П.Г. Председателем Совета был избран Ярославский Емельян Михайлович. С конца 1922 года начали выходить газета «Безбожник» (1922-1941) и журналы «Антирелигиозник» (1926-1932), «Атеист» (1923-1930).

Воинствующую роль в антирелигиозной пропаганде сыграло, созданное в начале 1925г. Дагестанское отделение Всероссийского Союза воинствующих безбожников (СВБ).

Аналогичные отделения создавались и при районных комитетах партии республики. Председателем Дагестанского отдела СВБ был избран Ибрагим Алиев и его секретарем Поташман. На 20 мая 1929 г. в республике числилось 10000 членов СВБ.

Союзы Безбожников действовали в основном в крупных городах и районных центрах. Например, в Буйнакской организации, действовавшей с мая 1929 г. числилось около 1000 членов. Союз безбожников кроме своей основной деятельности - проведения антирелигиозной работы, проводил и кампанию по закрытию мечетей, церквей, синагог, при этом Союз зачастую превышал свои полномочия. Тот же Буйнакский СВБ проводил кампанию по закрытию русского собора, при чем подписи за закрытие собирали среди мусульманской части населения, горских евреев, устанавливали контрольные цифры вербовки членов и т.д.

В первых числах мая 1927г. состоялся первый Вседагестанский съезд безбожников с повесткой дня: «Социальные корни и классовая сущность ислама».

Основная задача съезда заключалась в том, чтобы в процессе антирелигиозной пропаганды разоблачить сущность религиозной морали, вести активную борьбу с родовыми пережитками. Антирелигиозная пропаганда, по замыслу организаторов съезда, должна была стать важнейшим средством вытеснения из сознания трудящихся ложных мистических взглядов путем распространения материалистических взглядов о мире, человеке и человеческом обществе.

Вместе с тем, на съезде отмечалась необходимость проявления гибкости в своей работе применительно к религиозной обстановке в республике. В ряде мест со стороны партийных организаций допускалась подмена антирелигиозной пропаганды административными мероприятиями: запрещение совершения религиозных обрядов, закрытие мечетей административным путем, без соответствующей подготовки населения и возможностей использования культовых зданий.

На съезде были избраны делегаты на Всесоюзный съезд Воинствующих Безбожников в составе Поташмана, Осипова и Махмудова, причем делегат Махмудов был включен по просьбе съезда, который обратился в адрес Центрального Совета.

В СВБ активно работали научные силы республики, преподаватели техникумов и школ, агрономы и медицинские работники, служащие советских учреждений, порвавшие с религией.

Пленум Дагестанского обкома ВКП (б), состоявшийся в феврале 1928г. был переломным в области религиозной политики в Дагестане. Именно с этого пленума активно начал функционировать Дагестанское отделение «Союза воинствующих безбожников», его районные и сельские ячейки.

Основными лозунгами Союза были: «Через безбожие к коммунизму» и «Борьба с религией - это борьба за социализм».

Со второй половины 20-х годов XXв. антирелигиозная пропаганда велась в рамках Союза безбожников. Апогеем стал II съезд Союза, о проходивший в июне 1929г. в г.Москве, где присутствовало 1200 делегатов, представлявших около 500 тыс. членов, в том числе 3 делегата из Дагестана, представлявших около 10 тыс. членов.

По докладу председателя Союза Ярославского Е.М. «Об антирелигиозной работе на Востоке» был принят ряд резолюций: 1) О проведении декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви; 2) о коммунистах, совершающих религиозные обряды; 3) о росте членов Союза; 4) вопросы закрытия культовых зданий; 5) о переносе центра тяжести антирелигиозной работы из города в деревню; 6) о подготовке кадров Союза по линии партийного просвещения и народного образования; 7) об участии комсомола и профсоюза в деятельности Союза безбожников. По всем этим вопросам были приняты соответствующие резолюции, которые стали установками для работы в региональных отделениях Союза.

В частности, по первому пункту было отмечено, что в большинстве национальных республиках декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви проводится недостаточно. Указывалось, что при проведении этого декрета в жизнь в каждой отдельной республике не учитывались их особые бытовые условия. По линии партийных органов было принято решение «считать несовместимым пребывание в партии лиц с религиозным убеждениями, в особенности лица, соблюдающие религиозные обряды». Съезд в своей резолюции признал нецелесообразным концентрацию антирелигиозной работы вокруг закрытия молитвенных домов, ибо их закрытие должно происходить в результате, хорошо поставленный антирелигиозной работы, когда большинство населения будет стоять за их закрытие.

Одновременно в резолюции съезда предлагалось перенести антирелигиозную работу из города в деревню, подготовить кадры для местных отделений Союза воинствующих безбожников через системы партийного просвещения и народного образования.¹

¹ ЦГА РД. Ф 1-п. Оп.1. Д. 1241. Л. 29.

5 февраля 1930г. между организациями СВБ Дагестана и Татарии сроком на 1 год был заключен договор на социалистическое соревнование по антирелигиозной работе в целях максимального развития организаций СВБ обеих республик.¹

По договору организации обеих республик обязывались в своей агитационно-пропагандистской работе в первую очередь разоблачать политическую роль религии, вскрывать контрреволюционную деятельность всех религиозных организаций на территории своих республик, оказывать помощь партийным и советским органам проводить все мероприятия в интересах рабочего класса, крестьянства и бедноты.

В этих целях в договоре был записан пункт о необходимости вести решительную борьбу с религией путем организации массовых культпоходов безбожников (атеистов) в аулы, города, поселки городского типа с целью вовлечения в организации СВБ в Дагестане не менее 10 тыс. членов, а в Татарстане 20 тысяч.

Во всех колхозах, совхозах, аулах, перешедших на сплошную коллективизацию, предлагалось организовать кружки по ликвидации агрономической неграмотности, включив в программу и занятия антирелигиозного содержания.

Для реализации всех мероприятий в договоре предлагалось организовать ячейки СВБ во всех предприятиях, кооперативах, учреждениях, школах, больницах, колхозах, совхозах, артелях, военных частях, в красных уголках, избах-читальнях, в селах и аулах, школах 1-й и 2-й ступени, в семилетках, в пионерских отрядах, привлекая для этой цели учительство и учащихся средних школ и специальных учебных заведений.

В результате проведения всех этих мероприятий предполагалось увеличить число организаций СВБ в обеих республиках на 250%. В составе организаций процент рабочих, колхозников, батраков должен был быть не ниже 50%, а процент женщин для Дагестана - 15%, а для Татарстана - 30%. Процент юных безбожников (пионеров и школьников) для двух республик предлагалось довести до 20 тыс.

Больше внимание в договоре было уделено посещаемости собраний ячеек СВБ. Она должна была обеспечена не менее 75% от общего числа членов, обязательным была вербовка каждым членом СВБ одного члена в организацию, одного подписчика на газету «Безбожник» - органа Центрального Совета СВБ.

¹ Там же. Д. 1260. Л. 18.

В результате всей проведенной работы стороны обязывались в течение одного года охват населения организациями СВБ в республиках достичь до 525 тыс. человек, из них в Дагестане - до 175 тыс. человек, в Татарстане - до 350 тыс. При этом договор предусматривал организацию в Дагестане не менее 150 кружков с числом членов до 3750 и до 300 кружков в Татарстане с числом членов 7500 человек. В среднем в каждом кружке по 25 человек. Кроме того, в 16 районах Дагестана предусматривалась организация семинаров: а) организаторов ячеек СВБ; б) по работе среди женщин; в) среди молодежи; г) среди кустарей; д) среди избачей; ж) среди - врачей, агрономов, инженеров, а также создание 48 семинаров по изучению отдельных сект и религий, доведя в них актив для Дагестана до 750 чел., а для Татарстана - до 1500 чел.

По договору предусматривалась организация изучения различных сект мусульманского духовенства, как в Дагестане, так и в Татарии.

Важнейшей задачей деятельности организаций СВБ в республиках считалось добиться хотя бы в одном районе каждой республики массового выхода верующих из религиозных общин, отказа поддержки мечетей, церквей, служителей культа и от религиозных обрядов. Особо ставилась задача изжития из сознания людей старых обрядов, традиций, праздников: обрезание детей, религиозного бракосочетания, калым, Ураза-Байрам, Курбан-Байрам.

В договоре предусматривалось издание массовой антирелигиозной литературы на всех 6 языках Дагестана и на татарском языке, собрать средства на постройку трактора «Дагестанский Безбожник» в сумме 1500 руб. и танка «Воинствующий Безбожник» в Татарии в сумме 1000 руб.

Создать уголки безбожников, библиотеки, кинопередвижки, радиоустановки.

Договор подписали зам.председателя Дагестанского СВБ Поташман и 10 членов Президиума II съезда воинствующих безбожников Татарии.

В первых числах мая 1929г. состоялся Первый Вседагестанский съезд безбожников с повесткой дня: «Социальные корни и классовая сущность ислама». На съезде были избраны 2 представителя от Дагестана на II-й Всесоюзный съезд, который состоялся в середине июня 1929г.

Решением I Вседагестанского съезда Воинствующих безбожников и II Всесоюзного съезда перед Дагестанским отделением была поставлена задача довести организацию безбожников до 25 тыс., одно-

временно создав к 1 марта 1930г. общество друзей «Юных безбожников» с количеством членов 10 тыс. человек.

Для реализации этих решений не хватало финансовых средств и поэтому вопросы финансирования деятельности «Союза безбожников» решались непосредственно через областной комитет ВКП (б).

Центральный Совет Воинствующих Безбожников поставил задачу превратить Дагестанскую организацию СВБ в массовую организацию. В пятилетнем плане Дагестанского отделения СВБ был предусмотрен рост организации к концу 1933г. до 140 тыс. человек. На октябрь 1929г. их насчитывалось 25 тыс. человек. В состав Дагестанского отделения СВБ входили: Шовкринский Ю., Алиев И., Гереев Ю., Дубанов П., Иванова, Поташман, Оболенцев, 2 представителя рабочего класса и один научный сотрудник Института нацкультуры.

С целью реализации этих планов, в республике действовали антирелигиозные курсы с контингентом 32 человека, где после окончания более 50% выпускников работали только по линии СВБ. Помимо курсов в Махачкале работали ускоренные курсы. Такие же курсы работали в других городах и окружных центрах республики: Буйнакске, Дербенте, Маджалисе, Касумкенте, Гунибе, Ботлихе, Хунзахе, Левашах, Кумухе, Ахтах с охватом обучающихся более 150 человек.

Значительные успехи на фронте социалистического строительства в ДАССР, рост промышленного производства, проведение коллективизации сельского хозяйства, рост материального и культурного уровня трудящихся масс определил значительный рост воинствующего безбожия населения, сделав его движением всех трудящихся Дагестана. С каждым днем увеличивалось число, порывающих с религией, вступающих в ряды СВБ, численность которых по республике увеличивалась более чем на 25 тыс.чел. В республике в массовом порядке закрывались мечети, церкви, синагоги.

Наряду с этим, в ряде районов отмечались случаи и факты грубого нарушения и искривления партийной линии и директив ЦС СВБ, выразившиеся в применении административных методов при закрытии мечетей, церквей, синагог, сжигание Корана и другой религиозной литературы. Это сыграло отрицательную роль в поднятии авторитета Советской власти в глазах трудящихся масс республики и было на руку кулачеству и духовенству.

Вместо исправления допущенных ошибок, избавления от административных подходов в проведении антирелигиозной пропаганды, в ряде районных организаций СВБ, а также в органах народного образования, в кооперативных организациях, в работе профсоюзных, комсомольских организаций, наблюдалась пассивность и растерянность,

а в некоторых и отказ от проведения антирелигиозной работы под влиянием мусульманского духовенства и религии ислам.

Успехи, достигнутые республикой в промышленности, переделки сельского хозяйства на социалистической основе, ликвидация кулачества, рост культурного уровня населения, сопровождались сопротивлением отдельных групп людей, в том числе и религиозных деятелей. В их числе был и шейх-уль-ислам Али-Хаджи Акушинский, в период гражданской войны сотрудничавший с Советской властью. Поэтому во главу угла в деятельности Даготделения СВБ была поставлена задача проведения антирелигиозной работы на научной основе, оказания всемирной помощи партийным и советским органам в переустройстве быта села, выполнении планов колхозов и совхозов, проведении земельно-водной реформы, всеобщего охвата обучения детей в советской школе, критике роли религии и мусульманского духовенства по отношению к новой власти.

С этой целью, для проведения антирелигиозной пропаганды Даготделением СВБ использовались курсанты воинских частей, студенты вузов и техникумов в период их отпусков и каникул, создав сеть, кружков по антирелигиозной работе с их помощью. Вопросы антирелигиозной работы включались в программы курсов трактористов, комбайнеров, зав. изб-читальни и клубов.

В соответствии с решениями пленума Дагестанского отделения СВБ (июнь 1929г) в Ачикулакском, Буйнакском, Кизлярском и Шелковском районах в период весенней посевной кампании силами членов районных отделений СВБ с привлечением заведующих земельных отделов, кооперативных организаций были засеяны т.н. «Безбожные гектары», а в случае удачного опыта и высоких урожаев предлагался аналогичный опыт распространить и на другие плоскостные районы республики.

Почувствовав ослабление влияния мусульманского духовенства среди трудящихся республики, особенно среди колхозников и рабочих совхозов, главное внимание духовенство стало уделять на женщину-горянку, чтобы через нее влиять и на семью. Для этой цели духовенство использовало зачастую ряд методов, запрещенных Кораном и законами шариата, как то: допуск женщин в мечеть, избрание женщин муллами (такой факт был в сел. Губден Коркмаскалинского района). Все эти меры были направлены против мероприятий партии и Советской власти, что ярко было продемонстрировано во время антиколхозного движения в начале 30-х годов, когда женщины становились главными зачинщиками выступлений в отдельных районах Дагестана.

В связи с этим, Дагестанский Совет СВБ усилил антирелигиозную пропаганду среди женщин-горянок, включив в программу делегатских собраний по 3 беседы на тему: а) классовая сущность религии; б) ислам и современный Восток; в) женщина (шариат и адат).

Совет рекомендовал организовать ячейки СВБ при всех делегатских собраниях женщин, семинаров по подготовке руководителей антирелигиозных кружков женщин-атеистов. По линии Наркомпроса и профсоюза работников просвещения в 1930/31 учебном году были организованы 2-х годичные антирелигиозные курсы и антирелигиозное отделение при рабочем университете на 70 человек. Планировалось создание Дагестанского антирелигиозного музея.

В связи с тем, что в рядах Дагестанского отделения СВБ имелся большой процент неграмотных членов, президиум Дагсовета и районные советы безбожников на 1930/31 учебный год включили в сметы расходов средства на создание 15 ликпунктов для ликвидации неграмотности среди 600 женщин-членов СВБ в порядке общественной нагрузки, прикрепив их к грамотным членам СВБ.

Имея среди молодежи значительное количество верующих, прошедших обучение в религиозных школах вплоть до 1921 т. Дагсовет СВБ попросил Дагестанский обком ВКП (б): а) мобилизовать 100 лучших активистов-комсомольцев для антирелигиозной работы, освободив их от других нагрузок, б) включить антирелигиозную пропаганду в систему культурно-просветительной работы; в) обязать всех членов ВЛКСМ состоять членами организации СВБ, г) организовать ячейки СВБ в школах и в пионерских отрядах, путем создания групп «Юных безбожников».

В июне 1929г. на Всесоюзном совещании по антирелигиозной работе на Востоке с докладом выступил председатель комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по антирелигиозной работе Е.Ярославский. В принятом постановлении совещания говорилось о невозможности пребывания в партии лиц с религиозными убеждениями, использующих какие бы то ни было религиозные обряды. При приеме в партию предлагалось ставить обязательным условием осознанный отказ от религии и религиозных обрядов, участие в проведении антирелигиозной пропаганды.

Что же касается концентрирование антирелигиозной работы вокруг закрытия молитвенных домов, то совещание признало нецелесообразным, тем более под административным нажимом проводить эти мероприятия, так как их закрытие должно было явиться прямым следствием хорошо поставленной антирелигиозной работы, когда большинство населения дадут, добро на их закрытие, а при закрытий

церквей, мечетей, синагог, дацанов, хуралов должна была обеспечена возможность использования этих зданий под культурно-просветительные учреждения.

Совещание предложило разработать план подготовки антирелигиозных работников, включив в программы и учебные планы вузов и техникумов антирелигиозные семинарии.

Одновременно совещание поставило задачу сделать школы очагами антирелигиозного воспитания, включив, начиная в 1929/30 учебного года, в школьную программу элементы антирелигиозной тематики.

Для подготовки высококвалифицированных специалистов-антирелигиозников совещание предложило, начиная с 1929/30 учебного года, открыть годичные курсы на 50-60 человек при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) с привлечением в качестве преподавателей квалифицированных кадров - специалистов в области религии, истории православия, ислама и др.

Совещание обратило особое внимание на необходимость участия комсомола и профсоюзов в антирелигиозной пропаганде по линии ячеек Союза Воинствующих Безбожников. Особо подчеркивалось дальнейшее усиление работы по раскрепощению женщин, необходимость их привлечения по проведению в жизнь законодательства в отношении женщины, в борьбе с затворничеством, многоженством, калымом, похищением девушек.

Дагсовет СВБ в 1930/31 учебном году развернул сеть антирелигиозных кружков среди новых своих членов, организовал семинары заочного обучения по радио, снабдив эти школы и семинары учебниками, литературой и обеспечив их руководителями. Подписка на газету «Безбожник» была доведена до 500 экз., а на журнал «Антирелигиозник» - до 250 экз.

В июне 1931 г. в Дагестане работали две бригады Центрального Совета Союза воинствующих безбожников во главе с Кибецким и Подольским.

С докладом «О состоянии антирелигиозной работы в Дагестане» на совещании работников агитационно-массового отдела Дагестанского обкома партии выступил руководитель бригады Кибецкий.

Он отметил, что успехи социалистического строительства в Дагестане, перелом в культурной жизни его народов, создание новых отраслей промышленности (химической, лесной, рудной и др.), рост посевных площадей, особенно технических культур, создание колхозов и совхозов протекают в республике в условиях обострения отношений кулачества и мусульманского духовенства с Советской вла-

стью, причем религиозные организации в этой схватке играют активную роль, как идеологически обосновывая контрреволюционную работу, так и принимая непосредственное организационное участие в ней.

В докладе были отмечены успехи Дагестанского отделения Союза воинствующих безбожников, где количество членов достигло до 25 тыс., на 75% состоящей из горцев 16-ти национальностей.¹ В связи с этим была отмечена необходимость глубокого и осторожного подхода к антирелигиозной работе, приспособления содержания форм и методов работы к отдельным представителям национальных групп населения, к горным и плоскостным районам, к малограмотным и неграмотным слоям трудящихся.

Подчеркивая успехи, достигнутые в 1930г., особенно в области коммунистического роста организации, в том числе и районных, обеспечение их подготовленными кадрами, создание солидной материальной базы, успешное проведение кампании по сбору средств на трактор «Дагестанский Безбожник» для вручения лучшему колхозу республики, проведение детской V конференции «Юных безбожников» докладчик - руководитель бригады ЦСВБ обратил особое внимание на слабую работу организаций СВБ районах республики.

Было также отмечено, что, несмотря на указания Дагобкома партии, районные партийные комитеты, сельские ячейки ВКП (б) не уделяют достаточного внимания антирелигиозной работе, не заслушивают их на заседаниях пленумов, бюро и на собраниях комячеек. Даже в некоторых местах (Кизляр, Хасавюрт), оказались закрытыми отделения СВБ из-за отсутствия помещений.

Очень слабо принимали участие в антирелигиозной пропаганде, как было отмечено в докладе, профсоюзные органы, учреждения народного образования, административные органы.

Исходя из условий Дагестана, где освобождение населения от религиозного сознания является важной задачей культурной революции, а антирелигиозная работа важной политической задачей - бригады Центрального Совета воинствующих безбожников наметили важнейшим и первоочередным, проведение в республике следующих мероприятий:

а) организационное укрепление всех существующих организаций СВБ, их дальнейший рост с охватом членов колхозов и совхозов, рабочих предприятий;

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.1. Д.1241. Л. 34-39.

б) организация и выпуск газеты и массовой литературы на 6-ти национальных языках;

в) организация двухгодичных курсов, начиная с 1931/32 учебного года;

г) с помощью средств Наркомпроса, профсоюзов, открытие антирелигиозного отделения при Рабочем Университете;

д) включить в штат Наркомпроса освобожденного инспектора-антирелигиозника, а в районах эту работу возложить на инспекторов района.

На XVII партийной конференции ВКП (б) (январь-февраль 1932г) одной из главных задач партии было определено «преодоление пережитков капитализма в' экономике и сознании людей, превратив все трудящееся население страны в отдельных и активных строителей бесклассового социалистического общества».¹ Данная резолюция партийной конференции означало, что сознательными и активными строителями нового общества не могут быть носителями религиозных идей, т.е. верующие. В связи с этим усиливалась антирелигиозная деятельность, в том числе таких организаций как Союз воинствующих безбожников и его областных отделений. В этом отношении характерным является и тот факт, число членов организации по Союзу к началу 1932г. вырос почти на 5 млн. человек по сравнению с 1926 годом.² Соответственно выросло и Дагестанское отделение с 10 тыс. до 25 тыс.³

Выросла издательская деятельность организации. Тираж газеты «Безбожник» вырос 500 тыс. экземпляров, а журнал с таким же названием до 200 тыс.

В соответствии с решениями XVII партконференции члены Антирелигиозной комиссии при ЦК партии, с участием профессора Савельева С.Н. разработали т.н. «антирелигиозный пятилетний план» изжития религии из жизни общества на 1932-1937гг. На первом этапе (1932-1933гг) по плану должны были закрыться все церкви, молитвенные дома, синагоги и мечети, к 1933-1934гг. - исчезнуть все религиозные представления, к 1934-1935 гг. - всю страну, особенно молодежь, предлагалось охватить тотальной антирелигиозной пропагандой, к 1935-1936гг - должны были исчезнуть последние молитвенные дома и все священнослужители и духовные лица, а к 1936-1937гг.

¹ КПСС в резолюциях... Т.5. изд. 9-е. М. 1984. С. 393.

² См. Независимая газета. НГ. Религии. 2002. 30 октября. С.7.

³ ЦГАРД. Ф. 1-п. Д. 1241. Л. 35.

предлагалось изгнать религию из сознания всего населения СССР и перейти к полной его атеизации.

Для достижения этой цели по всей стране начали создаваться безбожные ударные бригады на предприятиях, безбожные ударные цеха заводов, безбожные колхозы и совхозы. В отдельных колхозах появились засеянные безбожные поля, урожаем которых потом рекламировался как очень высокий.

К концу 1932г. планировалось увеличить количество взрослых членов -безбожников до 8 млн. человек, а детей, юных атеистов до 10 млн. Не получилось. Превзойти 5 млн отметку Союзу не удалось, не удалось достичь цифру 10 млн. юных членов. Более того, весной 1936г. организационные структуры юных безбожников вообще были упразднены.

С 28 по 30 марта 1932г. состоялось заседание исполнительного бюро Центрального Совета СВБ СССР, где обсуждались вопросы антирелигиозной пропаганды, связанные с решениями XVII партконференции ВКП (б). Было отмечено, что решения конференции «по существу означают развернутую программу работы безбожной общественности».¹ Таким образом, специальной программы по линии СВБ не разрабатывалась и Совет руководствовался решениями центральных органов партии. Это означало, что специальная антирелигиозная работа становилась менее, и менее актуальной. Инициатива все больше переходила в руки карательных органов, разоблачавших не только «врагов народа» и «контрреволюционеров», но и религиозных деятелей. По этой причине наблюдалось резкое падение богоборческого энтузиазма в среде активистов Совета Воинствующих безбожников. Исполнительное бюро практически перестало существовать с 1934г., а в конце 1936г. Совет национальностей ЦИК СССР констатировал почти полное прекращение работы Союза во всех регионах страны, в том числе и в Дагестане.

В начале 1937г. была предпринята очередная попытка возрождения Союза воинствующих безбожников.

В феврале-марте 1937г. готовился проект постановления ЦК ВКП (б) по антирелигиозному вопросу. Готовясь к заседанию Оргбюро ЦК, на котором предполагалось посмотреть антирелигиозный вопрос, Е.М.Ярославский (Союз воинствующих безбожников), А.И.Ангаров, Е.М.Тамаркин (культпропотдел ЦК), А.И.Стецкий и В.Г.Кнорин (Агитпропотдел ЦК) подали докладные записки, где указывалось, что «религиозные организации агитируют против колхозов,

¹ Независимая газета. НГ-религия. 2002. 30 октября. С.7.

спекулируют на военной опасности и распространяют всякого рода провокационные слухи. Наиболее активными являются вернувшиеся из ссылки попы, кулаки и всякого рода бывшие люди». Е.Ярославский призвал к наступлению широким фронтом против религии с помощью активизации партийных, комсомольских, советских организаций всех уровней. Для этой цели созвать третий съезд Союза безбожников осенью 1937г. и пересмотреть законодательство о религиозных объединениях.¹

Руководители Агитпропа А.И.Стецкий и В.Г.Кнорин в записке Оргбюро ЦК «О состоянии антирелигиозной пропаганды» (апрель 1937г.) использовали материалы обследования ряда областей и республик Российской Федерации, в том числе Дагестанской АССР, где показывался заметный рост активности религиозников, принимающей местами «политический, антисоветский характер». В качестве предложения предлагалось «восстановить антирелигиозную пропаганду» и обязать крайкомы, обкомы и ЦК национальных компартий руководить ею.² Руководители Культпропотдела ЦК А.И.Ангаров и Е.М.Тамаркин в своей записке ЦК отмечали картину развала работы советских и партийных органов в антирелигиозной сфере и роста активности церковников.

На основе всех этих записок Агитпропотдел ЦК ВКП (б) подготовил проект постановления ЦК ВКП (б) «Об антирелигиозной пропаганде», датированный 27 апреля 1937. Однако на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) от 29 апреля 1937г. было решено не торопиться с изданием антирелигиозного постановления и вместо него учредили Комиссию во главе с Я.А.Яковлевым, которой было поручено разработать закрытое письмо ЦК к местным партийным организациям и наметить мероприятия: а) по внедрению антирелигиозной пропаганды в различных ее формах в школах; б) об антирелигиозной работе комсомола и профсоюзов; в) по изданию антирелигиозной литературы; г) по использованию кино и радио для антирелигиозной работы.

В Комиссию вошли видные руководители партии и государства: генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ С.В.Косарев, зав. Агитпропом ЦК ВКП (б) А.И.Стецкий, нарком просвещения РСФСР А.С.Бубнов, председатель комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК СССР П.А.Красиков, начальник Главного управления кинопромышленности Б.З.Шумяцкий, зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП (б) Б.М.Галь, зам.наркома просвещения Н.К.Крупская, начальник ЦУХ-

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 114. Д. 805. Л. 31-35.

² Там же. Л. 15-23.

НУ И.А.Кроваль, специалист по национальному вопросу, директор Партиздата Г.И.Бройдо, секретарь ВЦСПС К.И.Николаева, первый секретарь Воронежского обкома комсомола, член ЦК ВЛКСМ А.М.Шаширин, первый заместитель наркома финансов СССР В.Н.Мальцев и др. — всего 16 человек.¹

Комиссия оказалась мертворожденной. В условиях проведения массовых репрессий в отношении партийных и советских кадров летом и осенью 1937г. уже некому было готовить решения и тем более проводить их в жизнь. Из 16 членов Комиссии 11 были репрессированы (68,7%).

Таким образом, с осени 1937г. происходит заметное охлаждение властей к деятельности Союза воинствующих безбожников, растерявшему в ходе чисток значительную часть своих членов.

Провал попыток возрождения в стране систематической антирелигиозной пропаганды в 1937г. был обусловлен окончательным выбором руководство страны в пользу физической ликвидации духовенства и всего религиозного актива разных религий в ходе массовых репрессивных операций.

§ 3. Религиозная и антирелигиозная пропаганда и агитация в Дагестане в 20-30-х гг. XX

После установления Советской власти в Дагестане вопросы воспитания нового поколения людей, подъема культуры взрослого населения, подготовки новых кадров в советских школах, постепенная ликвидация религиозных школ оказались в центре внимания партийных и советских органов республики.

В числе первых актов Советского правительства был Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Положение «Об объединенной трудовой школе», постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств».

Одной из сложных задач для республики было преодоление тяжелого наследия массовой неграмотности, приверженности большинства населения мусульманскому вероучению. В связи с этим и учитывая, что новая власть рассматривала «религию как опиум для народа», предстояло вести антирелигиозную пропаганду и агитацию с целью постепенной ликвидации медресе, религиозных школ при мечетях,

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д.626. Л.2.

открывать советские школы, подготовить новые педагогические кадры для новых школ, издавать учебники и учебные пособия и др.

Первая Дагестанская областная конференция, состоявшаяся 28-30 ноября 1921 года, одобрила декрет Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и поручила Совнаркому ДАССР подготовить аналогичный документ и для Дагестана.

В отчетном докладе партийной организации республики к V областной партийной конференции, состоявшейся 20-24 апреля 1924 года, отмечалось «плохое состояние просвещения в республике, когда большинство детей горцев зубрят по указке муллы суры Корана». В мае-июне того же года в отчете ЦК партии также было отмечено, слабая постановка светского образования в Дагестане, что светские школы в округах находились в худшем состоянии, чем примечетские школы, количество детей, обучающихся в них значительно превышало количество детей в светских школах.

Формирование новой светской школы проходило в сложных условиях. С одной стороны мусульманское духовенство всячески добивалось преподавания в них мусульманского вероучения, с другой стороны, отдельные работники органов народного образования, учительство, предлагали советизировать духовные (мечетские) школы. В 1925-1926 учебном году в духовных школах Дагестана, а их было более 500, занимались 11 тыс. детей.¹

Дагестанский областной комитет партии 26 октября 1926 года утвердил Инструкцию Наркомпроса ДАССР «О регулировании преподавания мусульманского вероучения», где было регламентировано обучение детей в мусульманских школах. Изучение Корана допускалось только в медресе (среднее духовное учебное заведение) и примечетских школах, которые подлежали регистрации в органах Советской власти в округах. Детей в эти школы зачисляли только достигших 12 лет, т.е. по существу учеников 5 класса светской образовательной школы, причем на преподавателей таких школ накладывался и специальный налог за их профессиональную деятельность. Эти мероприятия Советской власти были направлены на подрыв материальной базы мусульманского духовенства, на постепенное изживание из жизни дагестанского общества влияния религии и религиозных деятелей.

Вследствие проводимой политики, число духовных школ (медресе) с 500 в 1925 году к 1929 году сократилось до 25, т.е. за 4 года были ликвидированы 475 духовных школ (медресе), число примечет-

ских школ с 766 в 1913 году сократилось 84 в 1929 году, т.е. за 15 лет количество сократилось на 682 школы.¹

В 1920 году в Дагестане функционировали 900 школ с количеством 3200 учащихся и в них работали учителями 3000 человек.

Однако концу 1924 года, т.е. за 5 лет, количество школ сократилось до 151, учителей в них до 364, количество учащихся до 10721 или 66,5%.

Нижеприведенная таблица показывает все эти изменения².

№	Годы	кол-во школ	в проц. %	Кол-во учителей	в проц. %	К-во учащихся	в проц. %
1	1920	900	100,0	3000	100,0	32000	100,0
2	1921	493	54,7	2498	83,2	26202	81,9
3	1922	300	33,3	1000	33,3	20000	62,5
4	1923	250	27,7	500	16,6	15000	46,9
5	1924	151	16,7	364	12,1	10721	33,5

Рост советских школ в первые годы Советской власти был продиктован необходимостью как можно больше привлечь детей в советскую школу, оторвать их от посещения религиозных школ (медресе, мектеб).

В Дагестане проводилось ряд мероприятий, подрывающих экономическую и политическую мощь мусульманского духовенства. Постановлением ЦИК ДАССР от 23 июня 1924 года вся земля и имущество (вакуфы), принадлежавшие духовенству передавались в ведение крестьянских комитетов (кресткомов). Это постановление лишало мусульманское духовенство экономической базы в ауле и подрывало его авторитет. В этом же году из Дагестана было выселено 59 помещичьих хозяйств, из них с конфискацией земли и инвентаря 51 хозяйство. Конфискованные земли и инвентарь были розданы беднякам.³

23 января 1924 года было принято совместное постановление ДагЦИКа и Совнаркома ДАССР «Об изъятии вакуфного имущества на территории ДАССР».

Выполняя указанное постановление Буйнакский райисполком в конце 1924 года издал распоряжение по всем сельсоветам, запрещающее духовенству расходовать вакуфное имущество без ведома

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1100. Л. 28.

² Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала. 1971. С. 59, 60.

³ Очерки истории Дагестана. Т.2. Махачкала. 1957. С. 158

¹ История Дагестана. Т.3. М. 1968. С. 192.

органов Советской власти, что вызвало сопротивление мусульманского духовенства данному мероприятию.

По 23 ауламу района было выявлено вакуфное имущество: деньгами - 1941 руб. 25 коп., пахотной земли - 599 десятин, сенокосной земли - 335 десятин, пшеницы - 3870 пудов, муки пшеничной - 73 пуда, кукурузы - 2675 пудов, ячменя - 47 пудов и 30 фунтов, крупного рогатого скота - 17 голов, мелкого рогатого скота - 2169 голов, мяса 19 пудов, масла 14 пудов, фруктовых садов - 15 десятин, 2 дома, 1 мельница с двумя установками.¹ Работа по изъятию вакуфного имущества в округах проходила не всегда гладко. Так, в Гунибском округе значительная часть населения выражала недовольство проводимым мероприятиям и предлагала оставить вакуф в прежнем состоянии, т.е. при мечетях. Здесь были выявлены факты сокрытия объектов вакуфа. Отказа представителями духовенства представления книг записей вакуфа органам власти и участия в проведении учета в комиссиях.²

Характерным в этом отношении являются данные, приведенные в отчете Дагестанского отдела ОГПУ за 1933 год, сведения изъятых переданного и находящегося в ведении кресткомов вакуфного имущества по 12 наиболее подверженных в религиозном отношении районов за период с 1927 по 1932 гг.: Ботлихского, Гумбетовского, Гунибского, Казбековского, Кайтагского, Касумкентского, Кахибского, Коркмаскалинского, Курахского, Табасаранского, Цумадинского, Чародинского. В совокупности в этих районах было изъято следующее вакуфное имущество: пахотной земли - 12059 десятин, денежных средств - 165809 руб., крупный рогатый скот - 612 голов, лошадей - 8 голов, домов - 151, сенокосной земли - 4020 дес, мельниц - 143, коров - 2124 голов, зерна - 15218,5 мерок.³

К сожалению, в деятельности кресткомов допускались большие растраты и хищения. Так, в кресткомах Кахибского района были растратены деньгами 1939 руб., похищены 15 голов крупного рогатого скота, 22 голов мелкого скота, 137 кг масла, 351 мерка зерна. В Табасаранском районе - в 1932 г. было расхищено 6550 руб. 50 коп., в Тляротинском районе находящихся в кресткомах 830 голов баранов в 1933 году были переданы в колхоз сел. Тлярата, а в колхозе были распределены между хозяйствами селения.⁴

Такое положение в работе кресткомов подрывало его авторитет в глазах беднейших масс, давало пищу кулацким элементам и мусульманскому духовенству для подрыва авторитета Советской власти.

¹ «Красный Дагестан». 1927. 14 апреля. №86.

² ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп. 2. Д.9. Л. 158.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 108.

Между тем коммунисты многих партийных организаций продолжали посещать мечети и молитвенные дома. Во время партийного собрания в Буйнакской ячейке ВКП (б) 4 марта 1927 года, (это была пятница - священный день для мусульман) группа членов партии в количестве 9 человек заявила о том, что настал час молитвы и что им нужно пойти молиться, а потому попросила секретаря ячейки отпустить их с собрания, а секретарь попросил их остаться до конца собрания и закончить обсуждение вопросов повестки дня. Они согласились с этим, однако по окончании собрания все отправились в мечеть молиться.¹

В октябре 1927 года в республике работала пропгруппа ЦК ВКП (б). На состоявшемся 7 октября 1924 года объединенном пленуме ДК и ДКК ВКП (б) выступил ее представитель Пьянков. В выступлении было отмечено, что около 90% партийного состава молятся Богу. С такими мнениями не согласились многие члены пленума, в частности нарком земледелия Ахундов Мирзабек. Он считал, что цифра сильно преувеличена. Тем не менее, в постановлении пленума отмечалось необходимость в работе партийных органов, политшкол, кружков в вопросах антирелигиозной пропаганды учитывать национальные и религиозные особенности республики, особенно вопросам улучшения быта, просвещения и санитарной гигиены населения.²

Религиозные верования, религиозные обряды, религиозность самого населения республики в значительной степени сохранились в аулах, особенно среди взрослой части населения. Значительная часть партийцев, посещающих молитвенные дома, мечети делали это не столько из-за желания выполнить обязанности мусульманина, сколько из-за боязни противопоставить себя джамаату аула.

Проводимая органами власти антирелигиозная пропаганда давала свои плоды.

В начале августа 1927 года в Верхне-Табасаранском участке на могиле шейха «Шур», где присутствовало около 300 крестьян селения Гурик шейх Рамалданов Гаджи-Юсуп обратился к присутствующим с речью следующего содержания: «Советская власть стремиться к улучшению положения населения через различные свои организации, как-то: сельхозкооперацию, кресткомы, потребительские общества, артели и т.д., а по сему и призываю граждан вступить членами в эти организации. При царском правительстве мы не могли учиться и оставались неграмотными и некультурными, а поэтому теперь надо побольше детей посылать в советские школы, надо также закятые передавать в крестком». Он также сказал, что по его совету общества Гурик

¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.1. Д.846.Л. 130.

² Там же. Ф. Р - 800. Оп. 2. Д.9. Л. 150.

передавало вакуфы и закят в кресткомы и много детей ходят в советские школы».

Выступивший вслед за ним мулла села Гурик Мазаганов заявил о том, что «шеих Гаджи-Юсуп является гяуром, подкупленный коммунистами с целью обмануть население села, что шариат запрещает отнятие вакуфов у мечетей и посылать детей в советские школы». Однако, выступавшие члены общества Гурик не поддержали муллу Мазаганова, заявив, что наш шейх Гаджи-Юсуп знает больше, чем 100 таких как мулла Магазай и мы должны слушать и исполнять слова сказанные шейхом Гаджи-Юсупом».

Такие же процессы происходили и в других округах. Например, в Лакском округе из 35 учеников медресе сел.Кумух 27 начали посещать пункты по ликвидации неграмотности.¹

Религиозные школы (медресе и мектеб) органами Советской власти рассматривались, как «пункты классовых врагов на селе».²

Выступая на открытии VI-го Вседагестанского съезда Советов 10 апреля 1927 года, председатель ЦИК ДАССР Н.Самурский заявил: «Мы не можем примириться контрреволюционной агитацией некоторой части реакционно-настроенного духовенства. Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство. Нам нужно вырвать у духовенства последние зубы, чтобы оно не могло произвести ни звука».

Данное выступление председателя ДагЦИКа представителями мусульманского духовенства Дагестана было оценено по-разному. Наиболее агрессивная часть духовенства притаилась и не давала никаких оценок, другая часть, менее реакционная стала высказывать мнение на необходимость отхода от открытого служения религии.

Так, например к проживающему в г.Махачкала мулле Хаджи-Кади Ханмурзаеву приходили около 20 мулл, где сообщали ему о том, что они намерены отказаться от своих санов и посвятить себя исключительно земледельческому труду.³

В сел. Костек Хасавюртовского округа сельский кадий Идрис-Хаджи Раджаков, муллы Хасав-Биймурад, Абсалютдин Абусаламов. Халмусов Абид, Иса-Хаджи Цухгаров, обсудив выступление председателя ДагЦИКа Н.Самурского на VI Вседагестанском съезде, направленное против мусульманского духовенства, приняли решение ничего не высказывать и ничего не предпринимать, ибо это может послужить основанием для арестов представителей духовенства. Сам кадий по этому поводу заявил, что «если органы власти им запрещают

молиться, то они готовы этому подчиниться, ибо грех в этом случае падет не на нас, так как Аллах видит, что это не по нашей воле».¹ Это решение было передано и в другие селения округа.

В противовес антирелигиозной пропаганде и агитации, проводимой органами Советской власти на местах, представители мусульманского духовенства, известные религиозные деятели проводили свою религиозную пропаганду среди населения.

Известный религиозный деятель Дагестана шейху-уль-ислам-Али-Хаджи Акушинский, отошедший к этому времени от сотрудничества с органами Советской власти, 27 апреля 1927 года, в конце празднования Международного дня солидарности трудящихся - 1 Мая собрал в сел.Акуша около 200 женщин и потребовал, чтобы они своих детей не пускали на митинг, посвященный празднику, мотивируя это тем, что Советская власть с каждым годом угнетает женщин и обучает детей не верить в Аллаха и мусульманской религии. В конце праздника он дал указание сел. Акуша Касум-Хаджи и Али-Хаджи, чтобы они вели агитацию среди мужчин, направленную к недопущению участвовать в первомайских торжествах. Такой же наказ получил и родственник Али-Хаджи Акушинского, член сельсовета с.Акуша Ибрагимов Зайнутдин-Хаджи. Во время прохождения первомайской демонстрации он заставлял учеников медресе бросать камни в демонстрантов в момент пения Интернационала.²

В целях религиозной пропаганды и агитации было использовано и пребывание на лечении на горячих источниках сел.Каякент Али-Хаджи Акушинского в мае 1928 года. Побывавшие у шейха как его мюриды, так и простые крестьяне, после свидания с ним и возвращения в родные аулы, в частности представители духовенства сел.Джеланкент Кайтагско-Табасаранского округа проводили агитацию, используя слова шейха о том, что Советская власть скоро падет, что детей не следует обучать русскому языку, что земли будут возвращены их старым владельцам и т.д.

Общественный кадий гор. Буйнакска Бадави Алиханов в день «Ураза-Байрам» (май 1927г.) в главной мечети, обращаясь к собравшимся, потребовал, чтобы каждый мусульманин стал членом защиты веры Ислам, как это требует шариат, а кто откажется, пригрозил, что они будут считать не мусульманами и никакие обряды в отношении них не будут соблюдаться при захоронении умерших или венчании молодых как мусульман. Все присутствующие поддержали обращение общественного кадия.³

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.9. Л.31.

² Очерки истории Дагестана. Т.2. Махачкала. 1957. С. 135.

³ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп. 2. Д.9. Л.136.

¹ Там же. Л.206.

² Там же. Л. 166

³ Там же. Л. 178.

Были и резкие высказывания служителей культа. Общественный кадий сел.Игали Аварского округа Абдулхалик, уроженец сел.Ашильта после пятничной молитвы, выйдя из мечети перед прихожанами с Кораном в руках, в один из дней февраля 1928 года заявил: «Мы единоверцы-мусульмане в такой тяжелой и трудный момент, когда происходит борьба большевиков против религии, мы должны подчиниться этому Корану и выполнить все его требования, не обращая внимания, что говорят чуждые и не желательные нам коммунисты. Теперь каждый мусульманин строго должен молиться и соблюдать в точности религию Ислам. Тех же, кто не будет подчиняться шариату, надо убивать», - сказал он.¹

Агитация мусульманского духовенства, религиозных деятелей против мероприятий Советской власти, против создания кресткомов, потребительских обществ, советских школ, изъятие вакуфного имущества были характерны в Даргинском, Лакском, Самурском, Буйнакском и Кюринском округах.

Значительно усилилась религиозная агитация в Самурском округе в связи с проведением религиозного праздника «Ураза-Байрам» (апрель 1929г.) Праздник проходил под знаком укрепления религии и проведения агитации против сдачи вакуфов и закятв в кресткомы. В результате проведенной работы в сел.Ахты посещаемость населения мечети увеличилась с 50 до 160 человек.²

Ячейка ВКП(б) сел.Ахты с согласия секретаря Самурского окружкома партии приняла необдуманное решение по поводу празднования мусульманского праздника «Ураза-Байрам». Постановление ячейки ВКП (б), принятое на собрании, запрещало членам партии, их родным и близким праздновать этот праздник, подавать руку верующим во время праздника и поздравлять их с праздником. Этим самым решение ячейки ВКП (б) вызвало озлобление среди населения, которое восприняло подобное действие, как поход против мусульманской религии. Секретарем Самурского окружкома партии работал Святенко, незнающий обычаи и традиции горцев, каноны ислама. Эти действия окружкома партии и самой ячейки резко осудил окружной и Дагестанский областной комитет партии, ибо такие действия создавали превратное представление о работе партийных органов и органов Советской власти, усиливали влияние мусульманского духовенства на массы.³

В целях предупреждения подходов к религиозным вопросам, озлобляющих население против Компартии и Советской власти и за-

прещающих влияние духовенства на широкие народные массы Дагестанским обкомом партии был рекомендован Самурскому окружному комитету, чтобы аульские ячейки ВКП (б) к вопросам, связанным с мусульманской религией, относились более осторожно и антирелигиозную пропаганду вели умело.¹

Общественный кадий сел.Сумбатль Кази-Кумухского округа Рамазанов, открытый противник Советской власти, в день «Ураза-Байрам» (май 1928г.) созвал сход крестьян села и произнес следующую агитационную речь: «300 лет, как дом Романовых царствовал на Руси. Тогда правительство не вмешивалось в нашу религию и религиозные праздники..., а коммунисты, которые царствуют каких-нибудь 3-4 года уже намерены уничтожить всю нашу веру и праздники. Мы, мусульмане, не должны допустить этого. У нас в ауле открыты совшкола, ликпункт. Наши женщины и мужчины ходят туда учиться. Все мусульмане должны знать, что туда ходят только «гяуры», т.к. в другом смысле это русская церковь, а вы молитесь там на портреты»... Население села такой агитации прислушивалось. Если до выступления кадия посещали ликпункт 35 женщин и 30 мужчин, после его агитации ликпункт стали посещать 10-12 человек.²

После проведения районирования Дагестана и приближения партийных органов и органов советской власти к населению, значительно усилилось сопротивление духовенства мероприятиям Советской власти. Так, в сел.Уркарах Дахадаевского района на сходе бедноты и батрачества в августе 1929 года было принято решение организовать сельскохозяйственную артель и тут же записалось в артель 15 человек. Через 3 дня после проведенной скрытой агитации со стороны духовенства 12 человек отказались войти в артель. Только после усиленной агитации партийного комитета удалось вовлечь в артель всего 10 человек. В сел.Кубачи того же района велась агитация против постройки новой школы и сбора сельскохозяйственного налога.³

В декабре 1928 года Дагестанским отделением ОГПУ в Даргинском округе были проведены оперативные мероприятия по изъятию т.н. членов «контрреволюционной» организации, якобы возглавляемой шейхом Али-Хаджи Акушинским. Были арестованы 66 человек, из которых 22 человека в апреле 1929 года были приговорены к расстрелу.⁴ (Об этом более подробно сказано в специальном параграфе раздела).

¹ Там же.

² Там же.Л.131, 132.

³ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.15. Л.221.

⁴ Али-Хаджи Акушинский - шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Документы и материалы. Махачкала. 1998. С.16, 17.

¹ Там же. Д.12. Л.47.

² Там же. Л. 110.

³ Там же.

После арестов представителей духовенства округа, в основном мужчин, ставка на проведение религиозных мероприятий и агитации делалась на женщин, мотивируя тем, что женщин не будут арестовывать. Так, в сел. Куппа этого же округа, проведение всех религиозных мероприятий взяли на себя женщины, которые имели солидный авторитет среди населения. В этом селении женщины внушали всему населению необходимость совершения всех религиозных обрядов, пускались слухи о скором конце советской власти, агитировали женщин отказываться от посещения ликпунктов. Вследствие такой агитации, открытый начале 1932г. женский ликпункт прекратил свое существование.

Проведение оперативных мероприятий Советской властью в Даргинском округе способствовало снижению религиозной активности мусульманского духовенства в других округах. В Кюринском округе среди духовников наблюдалось оставление религиозной службы в таких селениях, как Юхари-Сталь, Кутуркент, Хаперкент, Сипал и др. Главной причиной оставления религиозных должностей мулл, кадиев, была передача вакуфов и закятв кресткомов и арест духовных деятелей в Даргинском округе.¹

В 1933г. из-за боязни ареста и репрессий из 636 кадиев по 23 районам республики отказались участвовать в решении семейных и наследственных споров, в совершении религиозных обрядов 552 кадиев или 86,8%, из 1469 мулл от проповедей отказались 941 человек, или 64,1%.

В таких районах, как Чародинский, Дербентский, Коркмаскалинский, Рутульский, Казбековский, Цумадинский, Кахибский, Левашинский, Касумкентский, Гунибский, Бабаюртовский исполнять службу отказались все кадии.²

Религиозная деятельность духовенства, их активизация, каждый год усиливалась в период наступления мусульманского месяца рамадан и наступления поста «Ураза» причем эта активизация выражалась в упорной и систематической работе мусульманского духовенства по подъему религиозных настроений масс с целью привлечения к посту «Ураза» максимального количества населения, одновременно сопровождая свою деятельность антисоветской агитацией, направленную против проводимых хозяйственно-политических мероприятий органов власти на селе. Так было в дни празднования «Ураза-Байрам» в марте 1931г.. Нужно сказать, что эта работа мусульманского духовенства имела определенный успех, выразившийся в усилении притока масс и особенно молодежи в мечеть для совершения религиозных об-

рядов, в увеличении количества людей, соблюдавших пост, отказа во время «Уразы» от посещения школ и ликпунктов.

Об активизации деятельности мусульманского духовенства и пропаганде религии ислам свидетельствует и такой факт, как распространение листовок и прокламаций антисоветского содержания.

В Лакском районе сел.Кунди на очаре в конце февраля 1932г. была обнаружена прокламация на лакском языке, призывающая всех граждан села не отказываться от религии, поддерживать духовенство и бороться против власти и партии. В нем, в частности, говорилось, что «никогда нельзя верить им, т.е. коммунистам, нельзя бросать свою религию... Масса должна поддерживать духовенство и религию... Мы должны бороться до смерти против власти, за дело ислама и религии».¹

Общественный кадий сел. Тлярата Тляратинского района, выступая перед собравшимися в мечети в канун праздника «Ураза-Байрам» в середине февраля 1931г. представителям кресткомов говорил о том, чтобы «никто не вступал в колхозы, не пускали детей в советские школы».²

По данным органов власти сел. Изани, Цолода Ботлихского района пост «Уразы» держали до 80-85% населения. Наплыв верующих в мечети был весьма велик и намного превышал число посещающих мечеть по сравнению с 1930г., а в районном центре сел.Ботлих в праздновании «Ураза-Байрам» приняли участие председатель РИК, заведующий отделом райкома партии и секретарь райкома ВЛКСМ.³

Для дискредитации партийных и советских органов, агитации против советской власти на местах, мусульманское духовенство использовало недостаток предметов первой необходимости: керосина, соли, спичек и др. Сказывалось отсутствие должного внимания со стороны органов власти на работу потребительских обществ, действовавших почти во всех крупных селениях республики. Помимо религиозных праздников «Ураза-Байрам» и «Курбан-Байрам» в Дагестане широко отмечался и шиитский праздник «Шахсей-Вахсей». Основная часть мусульман-шиитов проживала в городах Дербенте, Махачкале, Хасавюрте. Это выходцы в основном из Ирана. Празднование «Шахсей-Вахсей», особенно в г.Дербенте предшествовала огромная подготовительная работа: шитье белых халатов, подготовка орудий истязаний (кинжалы, цепи и т.д.).

В отличие от суннитских праздников, шиитский праздник «Шахсей-Вахсей» не отличался особой антисоветской направлен-

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д. 15. Л. 23.

² Там же. Д.49. Л.76.

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп. 2. Д. 35. Л. 84.

² Там же. Л.84.

³ Там же. Л. 85, 87.

стью, хотя он продолжался значительно дольше (10 дней) и по количеству верующих превосходил праздники «Ураза-Байрам» и «Курбан-Байрам». Так, праздник «Шахсей-Вахсей» в 1935 году продолжался с 3 по 14 апреля, и в ней в Дербентской большой мечети участвовало до 900 человек, а во всех трех шиитских мечетях города их было 1500 человек. Однако и здесь без религиозной агитации не обходилось. Приглашенный из Баку мулла Абдула-оглы Селим-Заде, возглавивший празднование «Шахсей-Вахсей» в апреле 1935 года после молитвы в большой мечети призывал правоверных мусульман на необходимость религиозного воспитания детей, не забывать Бога и жить по шариату.¹

Антирелигиозная агитация органов власти сильно усилилась в конце 30-х годов. Районные руководители начали соревноваться по количеству закрытых мечетей.

Решением Президиума Верховного Совета ДАССР по ходатайству президиумов районных исполнительных комитетов в 1938г. были закрыты 136 мечетей, в 1939г.-125, 1940г.-33, в 1942г.-8.²

Наибольшее количество закрытых мечетей падает на период с октября 1938 г. по июнь 1939г. Их было 103.³

Религиозная агитация мусульманского духовенства усилилась в связи с военной обстановкой весной 1942 года в Европе и возможной военной интервенции фашисткой Германии против Советского Союза. Под видом сохранения и усиления религии, духовенство распространяло провокационные слухи в отношении Советского Союза и существующего государственного строя, тем самым оказывало солидную услугу странам Запада и в первую очередь Турции, которая должна была выступать на стороне Германии. В беседе с представителями власти 29 марта 1941 года в городе Буйнакске, ученый-арабист, бывший кадий Абдулпатахов Гаджи-Кади заявил: «Если будет война с Турцией, мы должны помочь турецкому народу. Они наши братья по религии и языку».⁴

На случай войны одним из методов борьбы с Советской властью в Дагестане выдвигался вопрос о поднятии в горах вооруженного восстания.

Однако в связи с началом Великой Отечественной войны отношение Советской власти к мусульманскому духовенству несколько изменилось. Изменилась и позиция самого духовенства к власти под

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д. 74. Л. 86.

² Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала. 2001. С.67.

³ Подсчитано по постановлениям Президиума Верховного Совета ДАССР (ЦГА РД. Ф. Р-356. Оп. 2. Д. 10.)

⁴ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.89. Л.207.

влиянием многих религиозных деятелей различных конфессий Советского Союза, особенно Русской православной церкви, которая заняла патриотическую позицию, поддержала борьбу советского народа против фашистской агрессии, оказывала помощь Красной Армии. В связи с этим советское руководство пошло на некоторые шаги по улучшению религиозной деятельности духовенства, отказалась от преследований верующих.

§ 4. Репрессивные акты Советской власти против мусульманского духовенства в Дагестане

После утверждения Советской власти впервые в истории многонационального государства, каким является Российская Федерация, был создан специальный орган в составе Правительства РСФСР - народный Комиссариат по делам национальностей. С февраля 1918 г. при Наркомнаце начал функционировать Комиссариат по делам внутренней России. При исполкомах советов открывались мусульманские подотделы.¹ Всем народам Кавказа была предоставлена возможность создавать органы местной власти с учетом национальных и религиозных особенностей.

Проведение в жизнь национальной политики Советской власти республиках с мусульманским составом населения, где господствовал ислам, как религия, проходила под сильным противодействием на проводимые экономические и политические преобразования под влиянием идеологического противостояния.

В экономической области это влияние выражалось в том, что духовенство распоряжалось вакуфными землями и имуществом, поступающим от закята. В 1923-1924 гг. мусульманское духовенство, возглавляемое шейхом Али-Хаджи Акушинским, собрало в горном Дагестане (Даргинском, Кази-Кумухском, Кайтаго-Табасаранском округах) налога больше, чем Дагестанское правительство по всему Дагестану. Доход закятных и вакуфов в Дагестане за 1925-1926 гг. составлял 1500000 рублей.²

В политической области - в руках мусульманского духовенства находились шариатские суды, через которые разрешались граждан-

¹ Грошев И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М. «Мысль», 1967. С 112, 113.

² Магомедов М.З. Некоторые особенности национальной политики КПСС в республиках Советского Востока//Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Махачкала. 1973. С. 218.

ские и бракоразводные дела, под их влиянием находились сельские общины.

В области духовной жизни среди мусульман господствовала идеология ислама, его нормы морали, поведения и т.д. В руках духовенства находилось просвещение: мектебы, медресе.

Комиссия ЦК ВКП (б), работавшая в Дагестане в 1927 году под руководством его инспектора Синельникова отметила, что в Дагестане все еще преобладают примечетские, мусульманские школы и количество учащихся в них значительно превышает количество учащихся в советских школах.

В этом отношении наглядным примером является социально-экономическая и духовная жизнь аула Нижней-Дженгутай Буйнакского района. В 1924 г. в ауле с населением 2,5 тыс. жителей было: 1 Джума-мечеть, 20 квартальных мечетей, 7 арабских школ (медресе) и 1 высшее духовное училище. Каждая мечеть владела 25-30 десятинами земли, а Джума-мечеть владела 80 десятинами. Всего у духовенства было около 500 десятин земли. В ауле насчитывалось более 50 представителей духовенства. Такое положение было почти во всех крупных населенных пунктах Нагорного Дагестана.

23 февраля 1927 года ЦИК и СНК ДАССР приняли совместное постановление об изъятии у духовенства вакуфного имущества (земли, дома, мастерские и др.) Изъятые имущество передавалось кресткомам. К концу 1930 г. всего по Дагестану насчитывалось 764 кресткома и самое большое количество их находилось в Касумкентском районе - 70, Лакском - 64, Хунзахском - 63, Левашинском - 62 и Ахтынском и Дахадаевском по 40.¹ Только за время с октября 1926 г. по апрель 1927 г. у мечетей было изъято: 6416 дес. земли, 101 дес. садов, 1111 дес. пастбищ, 962,5 дес. сенокосов, 8222 головы овец, 308 голов крупного рогатого скота, 37 голов рабочего скота, 42 мельницы, 103 дома и т.д.²

22 мая 1928г. в ЦК ВКП (б) был заслушан доклад Агитационно-пропагандистского отдела Дагестанского обкома партии. В принятом постановлении была отмечена значительная роль мусульманского духовенства, которую оно играло в дагестанском обществе в борьбе с Советской властью.³

Духовенство Дагестана, пользуясь своим авторитетом и влиянием, ссылаясь на законы шариата, выступила против изъятия вакуфов, против передачи мечетского имущества кресткомам.

За агитацию против передачи вакуфного имущества кресткомам в сел. Наскент Даргинского округа было арестовано 14 человек.

Во многих районах республики без соответствующей подготовки и разъяснительной работы среди населения и верующих закрывались мечети, церкви, синагоги, молитвенные дома. Здания использовались под культурно-бытовые учреждения, в основном клубы, библиотеки, избы-читальни. В одном только Касумкентском районе с 1929 по февраль 1930 г. были закрыты 48 мечетей. Из них под склады потребительского общества были использованы 7, под красные уголки - 18, а остальные 23 частью были разрушены, а частью вообще были непригодны для использования.¹

Эти и другие ошибки и перегибы, допущенные партийно-советскими органами городов и районов были использованы мусульманским духовенством для открытых выступлений против Советской власти. Только в 1928 г. таких выступлений было более 15.

Самое ожесточенное выступление мусульманского духовенства против Советской власти было в Касумкентском районе под руководством шейха Штульского в апреле 1930 года. Основной причиной восстания было искривление политической линии партии в районе в вопросе создания колхозов и закрытия мечетей. Основными требованиями восставших были: 1) не затрагивать основы религии; 2) отказаться от обобществления личного имущества и скота; 3) отказаться от массовых арестов и лишения избирательных прав граждан.²

В заявлении шейха Штульского указывались и другие требования, в частности: а) восстановление шариатских судов и духовных школ с преподаванием Корана, б) введение системы гражданских браков по шариату, взамен ЗАГСов, в) ликвидация сельских советов и восстановление института старшин села, г) возвращение отобранных мечетей и прекращение гонений на религию; д) освобождение служителей культа от налогов и их избирательных прав, е) прекращение арестов невинных людей.

Органами ОГПУ Северного Кавказа и его Дагестанского отдела в конце апреля в начале мая 1930 года были проведены оперативные мероприятия по локализации восставших. Восстание было подавлено. К ответственности были привлечены 316 человек, из них 104 осужде-

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.49. Л. 105, 106.

² Османов А.Н. Ликвидация кулачества как класса в Дагестане. Махачкала. 1972. С.46.

³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп.9. Д. 164. Л.43.

¹ Там же, Оп.1. Д.1358. Л.15.

² Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-е годы. Махачкала. 1997. С.41.

ны на различные сроки. Руководители восстания - всего 10 человек, в их числе шейх Штульский были расстреляны.¹

В декабре 1928г. Дагестанским отделением ОГПУ в Даргинском округе была раскрыта «контрреволюционная» группа (66 человек) возглавляемая шейх-уль-исламом Али-Хаджи Акушинским и его старшим сыном Магомедом. Все участники группы были арестованы. Среди них: 20 человек из сел. Акуша, 7 - из Хаджалмахи, 8 - из Усиша, 11 - из Бутри, 7 - из Муги, 6 - из Параула. Среди арестованных находились: шейхов - 2, мулл - 10, кадиев - 7, ученых-арабистов - 21, 1- будун, 1 - муталиб, 3 старейшины и др.²

Постановлением коллегии ОГПУ Дагестана от 30 апреля 1929 года были приговорены к высшей мере наказания - расстрелу, осуждены к различным срокам лишения свободы (от 5 до 10 лет) 62 жителя Даргинского округа. Из общего числа арестованных 29 человек были приговорены к расстрелу, 27 человек были сосланы на каторгу в Соловки, 3 человека - в Калугу и 3 человека в г.Орел.

Приговоренному расстрелу сыну Акушинского Магомеду, решением коллегии ОГПУ от 8 января 1931 г. расстрел был заменен заключением в концлагерь сроком на 10 лет с конфискацией имущества и высылкой семьи.³ Вскоре после ареста детей и членов семьи 8 апреля 1930 г. Али-Хаджи Акушинский скончался. В течение 5 дней с 8 по 12 апреля могилу шейха не засыпали землей в надежде на то, что сыновья шейха будут отпущены (в сопровождении конвоя) хотя бы протиснуться с отцом. Однако дети не были отпущены.

Всего по неточным данным с начала 1930 по октябрь 1933 г. в Дагестане было репрессировано 1212 человек представителей духовенства, из них: шейхов - 9, шейхствующих лиц - 5, общественных кадиев - 91, мулл - 405, мюридов - 702, причем 50% из них старшие мюриды.⁴

В результате проведенных репрессивных мероприятий Советской власти резко сократилось число мечетей. К концу 30-х годов из 1725 действующих мечетей в 23 районах республики осталось только 910 (52,7%), были закрыты 15 (8,7%) мечетей, не действовали 616 (35,7%) из-за отсутствия духовных лиц - служителей культа в результате репрессий, полностью были разрушены 48 мечетей (2,9%). Начали отказываться от сана муллы, кадия во многих селах в районах рес-

¹ Там же.

² Там же.

³ Али-Хаджи Акушинский-шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Документы и материалы. Махачкала, 1998. С. 16.

⁴ ЦГА РД. Ф. р-800. Оп.2. Д. 49. Л. 58.

публики, резко снизилась посещаемость мечетей даже в дни мусульманских праздников «Ураза-Байрам» и «Курбан-Байрам».

Например, в сел.Леваши Левашинского района в дни «Ураза-Байрам» если в 1931 году посещали мечеть 700 человек, то в 1932 г. их было всего 50.

Наибольшее количество закрытых на 1 октября 1933 г. мечетей числилось в следующих районах: в Коркмаскалинском из 89 действующих были закрыты 83 (93,2%), в Дербентском из 56 не действовали 46 (82,1%), в Курахском из 79 не действовали 51 (64,5%), в Буйнакском из 181 - 107 (59,1%), в Рутульском из 75 - 36 (48,0%), в Кайтагском из 38 - 18 (47,4%) и т.д.

Одной из главных причин закрытия мечетей было отсутствие в них служителей культа, репрессии в отношении духовных лиц, лишение избирательных прав и т.д.

Как было сказано выше из-за боязни репрессий из 636 кадиев отказались исполнять службу 552 (86,8%), из 1469 мулл службу бросили 941 (64,1%).¹

Между тем в отдельных районах наблюдалась и другая картина. В дни мусульманских праздников открывались ранее закрытые мечети. Например: в Кайтагском районе в дни «Ураза-Байрам» в 1933 г. были открыты все 18 ранее закрытых мечетей, в Буйнакском районе - 4 и др.

В Левашинском районе, за счет средств кресткомов и сельсоветов в 1933 г. проводились достройка крупной мечети. Было предусмотрено открытие в этой мечети медресе, преподавание канонов ислама в мечети было поручено Юсупову Якубу, ученому-арабисту. В связи с этим посещаемость в светские школы понизилась до 50%.

Открытие закрытой мечети и медресе, постройка новой мечети поднимало религиозность населения села. Молодежь поголовно держала «Уразу», совершала намаз, выполняла все религиозные обряды.

Все это стало достоянием партийных и советских органов и органов ОГПУ и 7 января 1933 г. при участии новых органов власти и партизан было арестовано и изъято только по Хаджал-Махинскому сельсовету 31 человек. Среди них: кулаков - 24, ученых-арабистов - 6, зажиточных крестьян - середняков - 1. В числе арестованных находились Магомедов Гамид - заведующий райфинотделом и Толев Курбан - председатель Хаджал-Махинского сельсовета.²

¹ ЦГА РД. Ф.Р-800. Оп.2. Д.49. Л. 69, 72,76.

² Там же. Д.51. Л.12,14.

В большинстве случаев должности пока еще действующих кадиев и мулл исполняли старики и инвалиды, не способные к физическому труду. Для них это было единственным источником дохода, поступающей от зажиточной части населения, отдельных групп верующих, а также за счет всего сельского общества.

Необходимо отметить, что значительное сокращение основных служителей религии ислам происходило не потому, что население от них отказывалось, а основными причинами были закрытие мечетей, боязнь лишения избирательных прав, налогообложения и боязнь преследования за религиозную деятельность.

Между тем большая часть мулл и кадиев оставались на службе и неофициально, скрыто. Отказавшиеся от религиозной деятельности, представители духовенства шли в советские учреждения и организации: колхозы, совхозы, потребительские общества, сельсоветы, кредиткомы, кооперации и др. В этих организациях бывшие муллы и кадии продолжали свои проповеди (большой частью открыто), совершали религиозные обряды, обучали детей и молодежь Корану, молитвам и т.д. и тем самым не давали возможность органам Советской власти полностью ликвидировать мусульманскую религию. Одновременно от учеников, желающих получить первоначальное религиозное образование, муллы и кадии получали соответствующую плату, приобретая таким образом дополнительный источник существования. По анализу советских и правоохранительных органов только единицы кадиев и мулл, отказывались от активной религиозной деятельности и приобщались к общественно-полезному труду.

В республике Советская власть, закрывая в спешном порядке огромное количество мечетей, не могла своевременно их приспособить под хозяйственные и культурные нужды и этим моментом также пользовались кадии и муллы, проявляли свою активность, особенно в период, мусульманских праздников «Ураза-Байрам» и «Курбан-Байрам». Они обращались в партийные и советские органы с просьбой разрешить вновь открыть закрытые мечети. И это им удавалось.

Органы Советской власти на местах в самом же процессе закрытия мечетей допускали серьезные нарушения законов, в частности постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Преобладали административные методы работы. без согласия с джамаатом села по решению сельского совета закрывались церкви, мечети, синагоги. Так, в Буйнакском районе в 1933 году 49 мечетей из 50 были закрыты решением сельских советов.¹ Факти-

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.49. Л.79.

чески это означало силовое давление органов Советской власти на религию и религиозные организации, и вмешательство власти в дела религии, притеснение религиозных деятелей. По этому поводу жители населенных пунктов Нижний Дженгутай, Кака-Шура, Параул выразили резкий протест в Буйнакский райисполком по поводу закрытия мечети. В протесте указывалось, что Советская власть говорит, что не притесняет религию, а на самом деле не так.¹

Отдельным жителям населенных пунктов, под давлением духовенства, удавалось вновь открывать ранее закрытые мечети. Так, по распоряжению председателя Левашинского райисполкома Андиева Магомеда в сентябре 1933 г. в сел. Акуша по жалобе представителей духовенства была открыта большая мечеть, закрытый решением сельсовета.

В конце 1933 года в плоскостных районах Дагестана в результате утверждения колхозов, советских обрядов было значительно ослаблено влияние власти мусульманского духовенства на население. В предгорных районах, подвергшихся в прошлом влиянию с таких религиозных авторитетов, как Гоцинский, Штульский, Акушинский и ряда других наблюдалось значительно меньшее ослабление религиозной активности населения. А вот в горных районах при значительном сокращении действующих мечетей и служителей культа несколько раз больше, чем в других районах республики наблюдалось посещение мечети на пятничную молитву даже с участием партийно-советско-комсомольского актива.

Хотя значительно снизилось количество действующих мечетей, но их влияние на религиозную обстановку в республике оставалось высокой. В действующих мечетях шла агитация мулл и кадиев против советской власти и проводимых им мероприятий. В этих мечетях после проведения религиозных обрядов проводились подпольные собрания, где обсуждались текущие вопросы политики Советской власти и влиятельную силу в них имели представители мусульманского духовенства. С другой стороны, органы советской власти, правоохранительные органы, органы НКВД организация и проведение мавлидов, чтение с участием сотни и более людей рассматривали как совещание и собрание контрреволюционеров, кулацких элементов, мусульманского духовенства, направленные на свержение существующего строя путем подготовки вооруженного восстания. Все это становилось достаточным основанием для ареста духовных лиц того или иного района, села.

¹ Там же.

Пользуясь отсталостью населения, слабостью сельских, районных партийно-советских организаций мусульманское духовенство совместно с кулачеством проводили большую работу с целью сохранения религиозных устоев, поднятия религиозной активности населения. При этом главное внимание уделялось на наиболее отсталые участки: районные центры, отдаленные аулы, где еще оставались кадры мусульманского духовенства.

Так, например, бывший общественный кадий сел. Дзилебеки Дахадаевского района Ахмедов Рабадан Кадиевич отец, которого работал председателем сельсовета во вторник 9 августа 1933 года после окончания намаза - выдвинул перед сельским обществом идею постройки зияра, т.е. мавзолея святых лиц духовенства и начать сборы средств для этого мероприятия. Сельское общество пошло навстречу и вынесло решение продать общественную землю (ранее принадлежащую вакуфу) и на эти средства построить зияра. Земля была продана за 1 быка, 6 голов мелкого скота (баранов) и 50 фунтов масла.

Такие мероприятия духовенства были направлены на то, чтобы сохранить среди населения аулов религию ислам, мусульманских обрядов. Именно зияра была местом совершения религиозных мероприятий дни рождения известных религиозных людей. В этот день посещали их могилы или прикасались к надгробию и вешали лоскутки тканей в надежде излечиться от болезней, забеременеть, просили помощи у Аллаха и т.д.

Активизация религиозной деятельности в начале 30-х годов наблюдалась во многих районах. Особенно это было характерно в горных районах: в Левашинском, Лакском, Чарадинском и др.

Духовенство аула Хаджал-Махи Левашинского района, взяв под свое влияние население всего аула, в 1932-1933 годах добилась больших результатов. Значительно увеличилось количество людей посещающих мечеть, до 80% членов сельсовета, комсомольцы, колхозные активисты, красные партизаны посещали мечеть и держали «Уразу».¹

Такая же картина наблюдалась в сел. Чукна Лакского района. Большое влияние на сохранение религии и религиозных обрядов среди молодежи оказывали родители, которые сами выполняли эти обряды и заставляли выполнять их детей. В этом селении почти все школьники держали Уразу, чтобы это проверить учитель школы давал им пить воду, а те отказывались, признавая, что держат Уразу. Мечеть в этом селении не была закрыта и числилась действующей в

числе 42 мечетей района из 125.¹ Религиозные обряды соблюдали здесь не только все население села, но и местные партийно-советские работники.

В эти же годы значительно увеличилось количество людей, посещающих мечети в Чарадинском районе. В дни празднования «Ураза-Байрам» благодаря агитации, проведенной духовенством в селениях Арчи, Ириб в 1933 году в два раза увеличилось количество посещающих мечеть.²

В связи с изъятием органами ОГПУ в ряде районов республики представителей мусульманского духовенства в 30-х годах, особенно мужской ее части особую ставку на религиозном фронте в борьбе с хозяйственно-политическими мероприятиями Советской власти делалось на женщин под лозунгом «вас, женщин, не тронут». Для этой цели открывались специальные молитвенные дома, из числа женщин, в большинстве случаев старшего возраста, создавались специальные группы и их прикрепляли к остальным группам женщин. В вопросах религии и религиозной деятельности женщины проявляли больше активности, чем мужчины.

В селении Хаджал-Махи, после ареста мулл - мужчин, руководить одной из мечетей доверили женщине-мулле Никамагомедовой Патимат. Плохо работающая мечеть, начиная с 1932г. работала беспрерывно. Во время празднования «Ураза-Байрам» в 1933 году мечеть не вмещала всех желающих, в связи с этим дополнительно были открыты еще несколько женских мечетей. Муллами женских мечетей работали Гаджиева Заза, Османова Патимат (мать арестованного Османова Магомеда, брата известного ученого-арабиста, наркома шариата ДАССР Османова Османа), жена Тау Абдурахманова и Абдул-Вагабова Изги. В мечетях, для наибольшего привлечения женщин в религиозную деятельность, раздавались садака, т.е. продукты, подготовленные для раздачи зажиточной частью мусульманского духовенства и крестьянства. Консультации по религиозным вопросам Никамагомедова Патимат получала от Умаханова Далгата мюрида шейха Шарапутдина, проживающего в Турции, впоследствии осужденного по уголовному делу «Неугомонные», а также Кайтуева Курбана.

В ауле Кикунь Гунибского района также были открыты 3 молитвенных дома, в которых религиозные обряды совершали исключительно муллы-женщины. В ауле проводилась агитация против колхозного строительства.

¹ ЦГА РД, Ф. Р-800. Оп. Д.49. Л.83

¹ Там же. С. 74, 84.

² ЦГА РД, Ф. Р-800. Оп.2. Д. 49. С.85.

На собраниях звучали такие слова: «скоро будут организовывать колхозы. Кто не будет вступать добровольно, тех будут ссылать в Сибирь, а имущество конфисковывать».¹

В сел. Старый Черкей Буйнакского района по инициативе сельского руководства были закрыты все мечети. 3 сентября 1933 г. в селении были созваны квартальные собрания по инициативе кулацких и середняцких элементов. На одном из собраний было принято решение об организации субботника по ремонту мечетей. После окончания ремонта было устроено моление по случаю долгого отсутствия дождя в районе. Во время моления выступила мулла Мамаева Фатима, которая сказала: «Мы должны отремонтировать мечети, иначе все будете гореть в аду. Мы должны верить в бога и привести все мечети в порядок. Советская власть, если мы будем слушать ее, она нас организует в сплошной колхоз, а мечети превратит в клубы. Не надо подчиняться Советской власти. Если это будет делать мужчины - их арестуют, а если сделаем мы - женщины, то нас не тронут». После моления всем обществом Старого Черкея было совершено шествие на зияра, на могилу умершего религиозного авторитета Магомед Гаджи, расположенного за аулом, где было совершено моление и жертвоприношение по поводу долгого отсутствия дождя.

Упорное сопротивление женщины оказывали органам власти при организации и проведении новых обрядов, новых начинаний. В апреле 1933 г. в сел. Дуранги Буйнакского района группа женщин в количестве 50 человек остановили похоронную процессию, шедшую на кладбище с красными флажками партийную ячейку, чтобы похоронить умершего члена партии Ахмедова Гасана, отобрали труп, разорвали красные флажки и заставили похоронить по шариату с чтением молитвы. Женщины этого села отличались своим упорным сопротивлением мероприятиям Советской власти. В августе месяце того же года около 60-ти женщин села организовали поход в г. Буйнакск к районным организациям с требованием об отмене хлебопоставок. Поход тщательно готовился. Женщины - активисты ходили по дворам и предупреждали о том, чтобы во время похода все были одеты в оборванные платья, пришли с детьми и без единого куска хлеба.

Несмотря на то, что к середине 30-х годов было закрыто значительное количество мечетей, органы Советской власти с опаской следили за работой еще действующих мечетей, ибо в этих мечетях собирались представители мусульманского духовенства все еще не порвавшие с религией. Действующие мечети оставались религиозной

¹ Там же. С.86.

трибуной мусульманского духовенства Дагестана, где происходила помимо религиозной и политической обработка населения. Они становились местом для проведения не только религиозных мероприятий, но и обсуждения насущных проблем района, села. Так, например, из 12 мечетей, действовавших в сел. Кубачи Дахадаевского района до революции, к середине 30-х годов действующей оставалась лишь одна «Джума-мечеть». В этом огромном селении из числа духовенства оставался один мулла и то лишенный избирательных прав (Магомед-Гаджиев Ислам), один ученый-арабист (Абдулхаликов Гаджиабдулла) и 12 мюридов шейха Али-Хаджи Акушинского (Араев Гаджи, Кубацов Магомед, Магомедов Нур, Тиккаев Гаджи, Катикаев Абдулмеджид, Маммагаджиев Гаджиабакар, Какабеков Абдулжалил, Никагаджиев Гаджиабрагим и Алиев Магомед). Все эти 14 человек по пятницам посещали «Джума-мечеть» и после совершения «Джума-намаза» и ухода всех верующих долго оставались в мечети, где обсуждались вопросы не религиозного характера, в частности, организация колхозов, хлебозаготовительные кампании, мясозаготовки, шерстезаготовки, голод в России, обстановка в соседнем Азербайджане и Чечне и т.д., т.е. обсуждались вопросы политического характера.¹

Органами Советской власти проведение мавлидов, чтение зикр, с участием огромного количества верующих, задержка духовных лиц в мечети после совершения религиозных обрядов, по пятницам, рассматривались как совещания антисоветских элементов, где высказывались недовольства проводимый партийными и советскими органами мероприятий.

После смерти Али-Хаджи Акушинского (8 апреля 1930г) в Дагестане оставались действующими 4 шейха; Гасан Кахибский, Татакай Гаджи, Ханбаба Ханбаба (он же Ибрагимов) и Амиралли Алмаксат. Наиболее авторитетным являлся шейх Гасан Кахибский. Из числа бывших старших мюридов 6 женщин объявили себя шейхствующими лицами. Все 14 считающих себя шейхами проводили тарикат и являлись последователями умерших шейхов. Что же касается 36-ти шейхствующих лиц, то они имели незначительное количество мюридов.

Четыре вышеуказанных шейха в Буйнакском, Гунибском, Казбековском, Кахибском, Тляратинском и Хунзахском районах имели 3039 мюридов, а остальные все 14 шейхов в 14 районах Дагестана имели всего 1004 мюридов, приверженцев шейхов Шарапутдина Кичунинского, Ибрагима Кучринского, Тагира Черкейского, Умара-

¹ Там же. С.90-92.

Гаджи Хунзахского, Дибера-Хаджи Инхоевского, Али-Хаджи Акушинского, Магомед-Хаджи Штутельского, Хуттадинского, Зубаира Гимринского и Магомеда-Хаджи. Умершие шейхи как Али-Хаджи Акушинский, так и Хизри-Хаджи Мугринский имели большое влияние на религиозную обстановку в Даргинском округе. Оставшиеся в живых их старшие мюриды, такие как Кадиабдуллаев Шанаваз Утамьшский, Магомед-Усатр Кичи-Гамринский и другие считали себя их преемниками и среди населения объявляли, что и Али-Хаджи Акушинский и Хизри-Хаджи Мугринский еще при жизни давали им свою память и знания доверили и поручили продолжить их дело.

Значительное влияние на религиозную обстановку в республике в середине 30-х годов оказывали 4 религиозные секты. Наиболее авторитетной была секта Гасана Кахибского, растущая количественно и качественно. Большую роль в секте стали играть женщины, среди которых активно работали шейхствующие лица, переводя секту почти на нелегальное положение. Этому способствовали и высказывания самого шейха Гасана Кахибского, который говорил, что он 1919-1921 гг. помогал большевикам, не допускал своих мюридов и односельчан идти против Советской власти. Об этом подтверждали известные люди Дагестана, руководители партизанских движений Атаев, Кара Караев, Абашилов, Лапин и др. Выступал против антисоветского выступления Н.Гоцинского, говорил ему, чтобы он не жертвовал беднотой ради сохранения своей баранты, доказывал ему, что согласно Корану «подчинение Богу, Пророку и существующей власти обязательно».

Все эти люди пользовались в селении большим авторитетом. Секта, выступала против хозяйственно-политических мероприятий Советской власти.

В марте 1933 г. отделение секты Али-Гаджи Акушинского было выявлено и в селении Карабудахкент. В задачу отделения входило проведение мероприятий против организации колхозов, обобществления скота и кампании хлебозаготовок.

Третья секта, умершего в 1930 г. в Доме предварительного заключения Дагестанского отдела ОГПУ шейха Хуштадинского, находилась в высокогорном Дагестане, на границе с Грузией и Чечней - в Цумадинском и Цунтинском районах. Секта была наиболее реакционной и фанатичной, ее действия были направлены против всех мероприятий Советской власти. В составе секты находились бывшие участники восстания Гоцинского, Ахвахского и Дидоевского участков.

Четвертая секта - это секта шейха Шарафутдина Кикунинского, находящегося за рубежом (в Турции), которая работала на Дагестан. Выступала против Советской власти. Приверженец секты Шарафут-

дина Курбанова Хабибат находилась в Нижнем-Дженгутае Буйнакского района, которая имела раньше большое количество мюридов и мюридок. Ее возраст 50 лет, проповедовала тарикат, сидела в халвате (уединении).

Подводя итоги можно сделать выводы о том, что к середине 30-х годов в республике были выявлены 11 группировок в количестве 133 человека, действовавшие в различных районах Дагестана, ставившие своей целью сопротивление мероприятиям Советской власти, колхозному строительству, преследованию религии и религиозной деятельности. Из них в Буйнакском районе (сел.Н.Дженгутай - 10 чел., Дургели - 10 чел., Верхний Каранай - 12 чел., Нижний Каранай - 12 чел.) - всего 44 человека; в Рутульском районе в сел.Лучек - 15 чел.: в Кайтагском районе (сел. Карацан - 6 чел.; сел. Джирбачи - 24 чел.) всего - 30 чел.; в Коргмаскалинском районе (сел.Губден -14 чел., Мугра - 11 чел.) всего 25 человек, в Курахском районе в сел. Ашир - 13 человек.

В связи с началом Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) под влиянием многих факторов, в том числе поддержки религиозными деятелями Советского Союза, Красной Армии, пропаганды патриотизма и дружбы народов, органы Советской власти вынуждены были пойти на некоторые уступки религии. Были открыты несколько мечетей, учреждены муфтиаты, допущена была контролируемая религиозная деятельность населения.

На весь Дагестан было открыто 28 мечетей и они оставались действующими вплоть до 1991 года.¹

§ 5. Государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в 40-50-е годы XXв.

С начала Великой Отечественной войны 1941-1945гг. выявилась несправедность и пагубность политики Советского государства по отношению к религии. Начатый еще в 30-е годы XXв. процесс массового закрытия церквей, мечетей и синагог продолжался и в первые месяцы войны. С началом войны рассеивались иллюзии о грядущей победе над религией. Так называемая «Безбожная пятилетка» (1932-1936гг.) была провалена. Созданный еще в конце 20-х годов XXв. «Союз воинствующих безбожников» с началом войны практически

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д.51. Л.12, 14; Блокнот агитатора и политинформатора. 1978. № 11-12. С.19.

прекратил свое существование. Значительное количество представителей духовенства было репрессировано. Как было сказано выше, только за период с 1932 по 1933 гг. в Дагестане (по неточным данным) было репрессировано 1212 представителей мусульманского духовенства.¹

С арестом представителей духовенства и закрытием культовых зданий не исчезла потребность граждан страны в религии. Религиозность населения, несмотря на запреты и гонения, оставалась высокой. Хотя почти во всех населенных пунктах страны были ликвидированы церкви, мечети, синагоги, особенно в сельской местности, Всесоюзная перепись населения, проведенная в январе 1937 г. показала, что 70% населения страны считали себя верующими в Бога.²

С началом Великой Отечественной войны Русская православная церковь (РПЦ) развернула активную патриотическую деятельность, взяв на себя обязанности по оказанию помощи (деньгами, ценностями) советскому государству, проявив заботу о бойцах и командирах Красной Армии, в укреплении ее военной мощи, участием представителей духовенства в партизанском движении, работой в тылу страны. Патриотическую деятельность церкви завоевала признание и уважение не только среди верующих, но и светской интеллигенции, отрицавших религию. Письма и телеграммы, поступающие от верующих в адрес руководителей партии и государства потребовала существенного изменения взаимоотношений с церковью. Было разрешено Московской патриархии возобновить издательскую деятельность, верующим не чинились препятствия массовым богослужениям и общецерковным сборам в патриотические фонды, снимались ограничения на внекультовую деятельность, постепенно стали открываться также закрытые церкви и мечети.

За годы Великой Отечественной войны представители всех конфессий Дагестана неоднократно организовывали сбор средств в помощь бойцам и командирам, лечавшимся в госпиталях Махачкалы, Буйнакска и Дербента, детским домам, семьям фронтовиков и семьям погибших. На средства верующих строились танковые колонны, эскадрильи боевых самолетов, а сами верующие сражались на фронтах Отечественной войны.

Весной 1943 г. в связи с улучшением военно-политической обстановки на фронтах Отечественной войны высшее руководство страны во главе с Сталиным начали разработку послевоенного устройства

Европы и мира в целом. В политике СССР в отношении с христианскими государствами Европы важное место занимало ее отношение с Русской православной церковью внутри страны. Изменение церковной политики государства, смягчение отношений с ней, способствовали повышению авторитета СССР перед христианской Европой, что позволяло укреплению своего влияния на внутреннюю политику этих государств.

Изменилась и политика государства по отношению к мусульманской религии. Политбюро ЦК ВКП (б) 10 июня 1943 г. приняло постановление: «Разрешить организацию Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана». Вскоре, 31 июля 1943г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление:

1. Удовлетворить ходатайство группы мусульманского духовенства Средней Азии и разрешить организацию в г.Ташкенте Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстане.

2. Разрешить для указанных целей съезд в г.Ташкенте съезда представителей мусульманского духовенства и верующих Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской и Киргизской ССР.¹

Инициатива принятия таких решений принадлежала министру НКГБ В.Меркулову, поскольку иностранные разведывательные органы, прежде всего германской, делали попытки использовать мусульманское духовенство против Советской власти путем распространения патриотических обращений и выпуска антисоветской литературы.

В документе, представленной ведомством В.Меркулова в ЦК ВКП (б) в феврале 1944г. под названием «О специальных мероприятиях по Духовному управлению мусульман Средней Азии и Казахстана» предлагалось:

1. Разрешить издание ежемесячного мусульманского журнала объемом 2 п.л. тиражом 5 тыс. экземпляров, из которых на узбекском языке – 1500 экз., на Казахском - 1400 экз.

2. Разрешить выпуск на 1944г. мусульманского календаря тиражом 5 тыс. экземпляров на пяти вышеуказанных языках.

3. Открыть духовные училища (медресе) в городе Ташкенте на 60 человек и в городе Бухаре на 40 человек для подготовки специалистов из числа мусульманского духовенства, причем не менее 50% приема включались из числа агентуры НКГБ в целях использования в последующем выпускников в интересах советского государства.²

¹ ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп.2. Д. 49. Л. 58.

² Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется. М. 1992. С.331.

¹ Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань. 2002. С.99.

² Там же. С. 100.

Продолжая тематику о состоянии мусульманского духовенства в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что Политбюро ЦК ВКП (б) 6 марта 1944г. приняло постановление, предусматривающее организацию:

1. Духовного управления мусульман Северного Кавказа (суннитского учения) в г.Буйнаксе Дагестанской АССР.

2. Духовного управления мусульман Закавказья (объединяющего мусульман шиитского и суннитского учения) в г.Баку Азербайджанской ССР¹.

В разгар Отечественной войны еще в сентябре 1943г. Советское правительство во главе с И.В.Сталиным организовало встречу в Кремле с иерархами Русской православной церкви для обсуждения ряда вопросов, касающихся деятельности РПЦ и для разрешения вопроса об избрании патриарха Московского и всея Руси. Единственным претендентом на этот пост был митрополит Сергей (Страгородский). На Архиерейском соборе РПЦ 8 сентября 1943 г. он был избран патриархом Московским и всея Руси и на этом же соборе был создан Священный Синод при патриархе.

Установлению тесных отношений между государством и церковью в годы войны способствовали поздравительные телеграммы И.В.Сталина РПЦ за ее участие в сборе средств в фонд Красной Армии. Такая же телеграмма была получена председателем Центрального Духовного управления мусульман России Г.Расуловым с благодарностью мусульманам Центральной России, участвовавшим в сборе средств на постройку танковой колонны.

С 1943 г. начало функционировать медресе «Мир-Араб» в Бухаре, в Дагестане и в других регионах с мусульманским составом населения начали открываться мечети, восстановлены многие святые места, из тюрем и лагерей было выпущено значительное количество служителей культа.

Следует отметить, что впервые за много лет застойных явлений в организации Хаджа с 1944г. мусульманским религиозным организациям был разрешен выезд на паломничество к святым местам Саудовской Аравии, что способствовало снятию некоторых ограничений выезда мусульман на Хадж и снятию многолетней изоляции мусульманских государств от внешнего мира.

Снятие таких ограничений способствовали укреплению социально-политической стабильности в стране в условиях военного времени, создавалась возможность использования религиозных органи-

заций и общин, всех верующих для их мобилизации против фашистских поработителей. Эти мероприятия Советского государства с другой стороны также способствовали укреплению антигитлеровской коалиции, участию представителей духовенства всех конфессий во всех военных операциях на стороне Красной Армии. По данным генерала армии М.А.Гараева несколько десятков тысяч представителей мусульманских народов получили ордена и медали за «ратные подвиги на фронтах Великой Отечественной войны».

Между тем, Советское государство продолжало проявлять определенное недовольство по отношению к народам Северного Кавказа. К концу войны (1944г.) насильственно были депортированы в Казахстан и в Среднюю Азию мусульманские народы Северного Кавказа: карачаевцы, балкары, ингуши, чеченцы, а также крымские татары, турки, курды.

В свою очередь немецкое командование активно старалось расколоть северокавказские народы, настроить их против Советской власти и командования Красной Армии. С этой целью оно объявляло себя приверженцем мусульманских обычаев и традиций. Командующий 1-й танковой армией Гитлера генерал Макензен объявил себя мусульманином, приняв ислам, а Гитлера возвел в ранг «имама всего Кавказа».¹ На оккупированной территории Северного Кавказа в г.Ставрополе немецкое командование построили радиостанцию «Голос Кавказа», которая вела активную пропаганду против Советской власти и большевистской партии почти на всех языках народов Северного Кавказа, распространяли фашистскую пропаганду о больших успехах немецких войск на Северном Кавказе, о дружественных чувствах оккупационных войск к горцам-мусульманам.

В 1942г. немецкое командование после провала плана «блицкрига» начало формирование военных подразделений из военнопленных Красной Армии, в том числе выходцев из республик Северного Кавказа. Было сформировано несколько военных формирований. По данным немецкого исследователя И.Хофмана, к лету 1943г. в рядах гитлеровского вермахта насчитывалось 12 легионов, состоящих из 90 пехотных батальонов, в том числе 9 батальонов из числа военнопленных с Северного Кавказа (15 тыс. человек). В военных операциях в ходе битвы за Кавказ на стороне гитлеровцев участвовало 3 северокавказских батальона.²

¹ Дагестанская правда. 1943. 21 марта.

² Бабаев А-М.Б. Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XXв. Махачкала. 2007. С.204, 205.

¹ Там же.

Среди военнопленных из Северного Кавказа, особенно среди мусульманской части солдат на каждые 100 человек назначался мулла. В оккупированных населенных пунктах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии немцы восстановили мечети, были введены должности с денежным довольствием, их привлекали к карательной операции против партизан и бойцов сопротивления, участвовали в массовых расстрелах мирных граждан. В годы войны бывшие белоэмигранты, выходцы из республик Северного Кавказа, активно сотрудничали с командованием немецкой армии. Так, уроженец Дагестана, полковник царской армии, белоэмигрант Осман Губе в 1942г. перешел на сторону немцев, находился на территории Чечено-Ингушской республики, где вел диверсионно-террористическую работу, установил «связь с религиозно-националистической повстанческой организацией в горной части Дагестана, с так называемой «национал-социалистической партией кавказских братьев». В результате его деятельности в нескольких районах Дагестана, Чечено-Ингушетии и в горной части Грузии осенью 1942г. антисоветские элементы подняли вооруженное восстание против органов Советской власти, партийных органов, частей Красной Армии, дислоцированных на Кавказе.¹

Для реализации новой церковной политики в разгар войны (1943г.), был образован Совет по делам Русской православной церкви, а в 1944г. Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. На местах были созданы аппараты уполномоченных Совета, которые должны были ежеквартально представлять отчеты о своей деятельности.

Деятельность Совета по делам РПЦ и его уполномоченных на местах сыграли положительную роль в деле защиты интересов верующих, открытии церквей, мечетей, синагог (хотя и в малом количестве).

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг. была возобновлена издательская деятельность Московской патриархии. Впервые была выпущена объемная книга «Правда о религии в России» (1942г.), сборник документов «РПЦ и Великая Отечественная войны» (1943г.), выпускалась и другая религиозная литература (молитвы, календари) и т.д. В годы войны были приняты ряд мероприятий, направленные на укрепление материального положения религиозных организаций (передача религиозным организациям предметов рели-

¹ Алискеров И.Ш. Влияние религиозных и этнических факторов на военно-политическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) // Региональные организации Советского Союза в годы ВОВ (1941-1945гг). М., 1995. С.90.

гиозного культа, открытия в Госбанке СССР текущего счета, разрешение на приобретение автотранспортных средств, производство предметов религиозного культа и их продажа, строительство домов, налоговое послабление).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг. религиозные объединения значительно окрепли. Были открыты значительное количество церквей, мечетей, синагог. В дни больших религиозных праздников в них собирались большое количество верующих. Росли доходы всех религиозных объединений. Несмотря на некоторое послабление в области религиозной политики государства, в стране продолжало действовать «Положение о религиозных объединениях», принятое ВЦИК и СНК РСФСР еще в апреле 1929г., ограничивающие права и обязанности верующих, способствующее сохранению старых государственно-конфессиональных отношений.

С окончанием войны закончился и период послабления в религиозной сфере. В конце 1948г. был издан циркуляр Совета по религиозным культам при СМ РСФСР, в котором предупреждались все уполномоченные Совета в регионах о прекращении удовлетворения ходатайств о регистрации культовых зданий и религиозных обществ. Подъем религиозности населения, увеличение числа верующих и посещающих церкви, мечети, синагоги и другие не стало не замеченным в руководящих кругах партии и государства. В стране прокатилась волна антирелигиозной агитации и пропаганды.

В 1947г. было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, т.н. общество «Знание», которое развернуло большую лекционную пропаганду и издательскую деятельность по пропаганде научных и политических знаний на промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, в высших учебных заведениях. Оно было создано с целью изменения у населения религиозных представлений и пропаганды научно-атеистических знаний. На 1 мая 1949г. в обществе «Знание» состояло 34 тыс. действительных членов и 16,2 тыс. членов слушателей. Численность Дагестанского отделения общества «Знание» с 1760 чел. в 1950г. возросла до более 8000 тыс. в 1965г., т.е. организация выросла в 3,5 раза.¹ 20 мая 1949г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний».²

¹ История Дагестана. Т.4. М. 1969. С. 187.

² Там же. С. 193-197.

В постановлении было отмечено, что правление Всесоюзного общества, его отделения на местах ограничивают лекционную пропаганду организацией лекций главным образом в областных и республиканских центрах и совершенно не читаются лекции на предприятиях, в колхозах и совхозах, МТС с участием необходимого количества слушателей.

ЦК ВКП (б) обязал правление Всесоюзного общества повысить активность его членов, превратить общество в массовую добровольную организацию советской интеллигенции, призванную вести широкую пропаганду политических и научных знаний среди населения, особенно в республиках, краях, областях Советского Союза, подверженных религиозному влиянию. Особое внимание обращалось на чтение лекций по вопросам материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни.

В августе 1949г. бюро Дагестанского обкома партии вслед за ЦК ВКП (б) приняло постановление «О задачах партийных организаций республики по усилению массово-политической и культурно-просветительной работы в связи с фактами оживления религиозности среди части населения республики».¹ В нем отмечалось, что в республике у части населения, в том числе коммунистов, хранится религиозная литература, отдельные верующие, в том числе представители интеллигенции, участвуют неофициально (подпольно) в религиозных праздниках. Здесь же говорилось о необходимости принятия должных мер по борьбе с религиозностью населения, особенно в тех городах и в отдельных населенных пунктах районов республики, где население подвержено религиозности.

В 1950-1955гг. продолжался поток ходатайств об открытии церквей, мечетей, молитвенных зданий и восстановлении в правах религиозных общин. Однако эти ходатайства со стороны органов власти оставались без ответа. По существу регистрация религиозных общин была прекращена, что означало отмену правительственного курса на либерализацию религиозной политики в стране.

В 50-е годы XX в. аресты и наказания в отношении духовенства, как это было в 30-е годы, не применялись. Произошли разительные перемены во взаимоотношениях органов власти Советского государства в отношении религии: от судебных процессов 30-х годов, до признания важной роли духовенства в годы Великой Отечественной войны, а также установления личных контактов И.В. Сталина с Русской православной церковью и приема им церковных иерархов в Кремле в 1944г.

Тем не менее, основные принципы государства в отношении религии, его отделении от государства, не менялись. Религия и религиозные организации оставались чуждыми для Советской власти институтами.

Через год после смерти И.В. Сталина, в марте 1954г. газета «Правда» писала, что «в редакцию поступают многочисленные письма и донесения корреспондентов, свидетельствующие о серьезной активизации церковных деятелей и различного рода сектантов, о явном неблагополучии с научно-атеистической пропагандой. «В настоящее время, - писала газета, - в СССР имеется 18,609 действующих церквей, костелов, мечетей, синагог и молитвенных домов, более 18 тыс. зарегистрированных служителей культа, или в четыре раза больше, чем до войны. Вокруг церкви объединяются около 400 тыс. активистов, состоящих в церковных советах».¹

Это был симптом для пересмотра сложившихся государственно-религиозных отношений в годы войны и послевоенный период.

Вскоре, 7 июля 1954г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»,² в котором констатировалось, что «церковь и различные религиозные секты значительно оживили свою деятельность, укрепили свои кадры и, гибко приспосабливаясь к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию среди отсталых слоев населения... Широко используют свою печать, проповедническую и благотворительную деятельность, ведут индивидуальную работу граждан... В результате активизации деятельности церкви наблюдается увеличение количества граждан, соблюдающих религиозные праздники и справляющих религиозные обряды, оживляется папомничество к так называемым «святым местам».³

Далее, констатируя активизацию деятельности религиозных организаций и роста влияния религии на население страны, ЦК КПСС потребовал от партийных организаций организовать крупномасштабную научно-атеистическую пропаганду в целях преодоления религии, «религиозных предрассудков и суеверий, отравляющих сознание значительной части советских людей, мешающей их сознательному и активному участию в строительстве коммунизма».⁴

ЦК партии предложил ЦК компартиям союзных республик, крайкомам и обкомам партии «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать реакционную сущность рели-

¹ «Правда». 1954. 5 марта.

² КПСС в резолюциях... изд. 9-е испр. Т.9. М. Политгиздат. 1985. С. 428-432.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 429.

гии... В основу антирелигиозной работы положить методы убеждения «индивидуального подхода к верующим, внедрения широкой пропаганды естественнонаучных знаний, популярное разъяснение вопросов строения вселенной, явлений природы, происхождения жизни».¹

Для реализации данного постановления были вовлечены партийные и советские органы, особенно это касалось республик, краев и областей с мусульманским составом населения.

Таким образом, впервые после войны, была запущена мощная агитационно-пропагандистская машина, работавшая практически в духе 30-х годов, что приводило к оскорблениям чувств верующих, административному вмешательству в деятельность религиозных объединений и групп, а порой и грубому отношению к представителям духовенства. По существу речь шла о свертывании диалога между органами власти Советского государства и религиозными организациями, шел процесс отката ко временам жесткого наступления на религию и религиозных деятелей.

Новое наступление на религию, на религиозную деятельность и духовенство вызвало глубокое недовольство со стороны миллионов верующих страны, представителей духовенства всех конфессий. Стал складываться острый кризис в государственно-религиозных отношениях внутри страны, за ее пределами. Новое руководство страны, пришедшее к власти после смерти И.В. Сталина, в сложившейся ситуации вынуждено было маневрировать и искать пути выхода из кризиса.

Результатом такой политики явилось принятие в спешном порядке нового постановления (через 4 месяца после выхода первого) ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954г.²

В постановлении говорилось о том, что «с ликвидацией социально-классовой базы религии в СССР борьба против религиозных предрассудков рассматривается партией как идеологическая борьба научного, материалистического мировоззрения против антинаучных, религиозных взглядов. Партия исходила из того, что научно-атеистическую пропаганду необходимо строить на принципах убеждения, настойчивой популяризации естественнонаучных знаний в целях освобождения верующих от религиозных предрассудков».³

ЦК известил партийные органы о том, что в центральных и местных органах печати «допускаются оскорбительные выпады против

духовенства верующих, отправляющих религиозные обряды..., верующие изображаются людьми, не заслуживающими политического доверия».¹

ЦК обязал обкомы, крайкомы КПСС, ЦК компартий союзных республик решительно устранить ошибки в атеистической пропаганде, не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность церкви, что противоречит Конституции СССР, представляющей советским гражданам свободу совести.

«После победы Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны, - говорилось в постановлении, - многие религиозные организации, группы духовенства держали себя враждебно по отношению к Советской власти... и потому отдельные служители культов привлеклись государством к ответственности не за религиозную, а за антиправительственную деятельность, направленную против интересов советского народа... В настоящее же время в результате победы социализма и ликвидации эксплуататорских классов в СССР подорваны социальные корни религии, уничтожена база, на которую опиралась церковь. Служители церкви в своём большинстве... занимают теперь лояльные позиции по отношению к Советской власти. Поэтому борьба против религиозных предрассудков в настоящее время должна рассматриваться как идеологическая борьба научного материалистического мировоззрения против антинаучного, религиозного мировоззрения».²

Однако и это постановление не стало заслоном на пути новых гонителей религии и религиозной деятельности. Особенно эти явления усилились после XX съезда (1956) и июльского (1957) Пленума ЦК КПСС и прихода к власти Н.С. Хрущёва и упрочения его власти во всех сферах общества. Борьба с религией была поставлена на новый уровень государственной политики.

На рубеже 50-60 годов XX в. органы власти страны перешли в открытое наступление на религию, обосновывая идеологию Коммунистической партии о завершении строительства социализма в стране и постепенном переходе к коммунизму. В этих условиях религия как форма общественного сознания значительной части советских людей не вписывалась в идеологию новой «Коммунистической формации», мешала к продвижению страны вперёд. Характерно, что формы и ме-

¹ Там же.

² Там же. С. 446-450.

³ Там же. С. 446.

¹ Там же.

² Там же. С. 448.

тоды борьбы с религией, верующими и их наставниками были заимствованы из арсенала 20-30-х годов XX в.

КПСС в своих документах того периода заявила о недопустимости никаких компромиссов в идеологической борьбе с религией. В принимаемых постановлениях нагнетала антирелигиозная истерия. 4 октября 1958 г. ЦК КПСС рассматривал вопрос «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам», «О недостатках научно-атеистической пропаганды», где рекомендовалось партийным органам республик, краёв и областей усилить атеистическую пропаганду. В принятом постановлении особую роль отводилась государственным органам, в первую очередь осуществление целых ряд административных мер, направленных на ограничение прав церквей, религиозных организаций, что, по сути, противоречило действующему законодательству о религиозных культах».¹

21 октября 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О работе с кадрами в партийной организации Киргизии», где указывалось «недостатки партийных организаций республики в массово-политической работе среди населения, проведение научно-атеистической пропаганды без учёта многонационального состава и отдельных групп населения, обычаев и традиций».²

В этих и других документах партийных органов, принятые в центре и согласно им на местах в конце 50-х и начало 60-х годов XX в. всё ярче вырисовывалась картина гонения на церковь, на религиозных деятелей, оскорбления религиозных чувств верующих, глумление и осквернение зданий и сооружений религиозного культа. По административным решениям органов советской власти были закрыты значительное количество храмов, религиозных общин, приходов, монастырей, духовных школ всех конфессий. Между тем принимаемые меры не способствовали сокращению числа верующих и религиозно настроенных людей, совершающих различные религиозные обряды.

На заседаниях бюро обкомов, горкомов и райкомов партии не исчезали вопросы, связанные с совершением религиозного обряда-совершение обряда обрезания детей должностными лицами, особенно коммунистами. Им выносились строгие партийные взыскания с отстранением от должности.

Становилось обычным явлением грубое и нетактичное обращение с духовенством, религиозными деятелями, административные ограничения конфессиональной деятельности. Местные партийные и

¹ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется. М. 1992. С. 222.

² КПСС в резолюциях... Т.9. С. 267.

советские руководители, уверенные идеей полной ликвидации религии в сознании людей в период коммунистического строительства, обращались в ЦК партии, в местные партийные органы с просьбой усилить наступление на религию методами административного насилия, большего налогообложения духовенства и запрета на религиозную деятельность и отменить законодательные акты, допускающие уступки религии.

16 января 1961 г. было принято постановление Совета Министров СССР, по которому органами государственной власти и управления была проведена коренная перестройка церкви и церковного управления: духовенство было отстранено от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях; были перекрыты все каналы благотворительной деятельности церкви; ликвидированы льготы для церковнослужителей; прекращено государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви; распущены и ликвидированы профсоюзные организации в религиозных организациях; прекращено привлечение детей и подростков в церковные хоры; переведены служители культа на твердые оклады, независимо от совершённых ими количества богослужений и обрядов.¹

Особенно унижительным и оскорбительным были запреты для мусульман посещение в так называемые «святые места». В соответствии с постановлением ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам» (1959г.) были приняты меры административного порядка в регионах традиционного распространения ислама, в том числе и в Дагестане, запрещающие посещать указанные места. В перечне мероприятий были предусмотрены и осуществлены надругательства над «святыми местами» мусульман, развернута широкая массово-политическая и научно-атеистическая пропаганда, издано значительное количество литературы, разоблачающей «святость» мест паломничества. Осуществление таких мер способствовало сокращению количества паломников, посещающих «святые» места во всех мусульманских регионах в пространстве СССР.

Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и его уполномоченные на местах были не только органами, регулирующими государственно-церковные отношения, но и активными проводниками антирелигиозной политики. В первую очередь они

¹ Набиев Р.А. Указ.соч. С. 107.

принимали меры по прекращению паломничества к так называемым «святым» местам, следили за деятельностью духовных лиц, разрабатывали рекомендации и предложения для органов государственной власти по вопросам религиозной политики. Это предложения и рекомендации направлялись в органы Министерства внутренних дел, Верховного суда и Прокуратуры СССР.

Таким образом, Совет по делам религиозных культов по существу превратился в орган, ограничивающий и контролирующий деятельность религиозных объединений.

В этих условиях и религия переживала глубокий кризис, который охватил все её институты. Кризисное состояние религиозной жизни Совет по делам религии при Совете Министров СССР, образованный 8 декабря 1965г., связывал с достижениями науки, социалистическим образом жизни и атеистической деятельностью партийных и советских органов, которая вынуждала духовенство приспособляться и к настроениям верующих, и к политике властей. Приспособленчество выражалось, прежде всего, с одной стороны и лояльностью духовенства к советскому образу жизни и его активной борьбы за мир- с другой. Налицо было взаимное соглашательство с обеих сторон. Религиозные деятели довольствовались существующими «свободами», а власти терпели тот уровень религиозности, который сохранился в стране к этому времени. В последующие годы, как уже мы отмечаем, это равновесие закончилось не в пользу религии.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Реабилитация жертв политических репрессий 20-30-х годов XX в. (Вместо заключения)

В начале 30-х годов XXв. советский народ добился значительных успехов в построении нового социалистического общества в одной отдельно взятой стране. В годы первых довоенных пятилеток в Советском Союзе была создана мощная индустрия. Под народное хозяйство страны была подведена материально-техническая база, обеспечившая завершение технической реконструкции всех его отраслей на основе новой техники. В деревне прочно утвердился колхозный строй, социалистический сектор промышленности и в сельском хозяйстве стал господствующим.

В процессе коллективизации был ликвидирован основной класс крестьянства – кулачество. Колхозное крестьянство, колхозная система стала прочной опорой Советской власти. В 30-е годы значительно вырос авторитет Советского Союза на международной арене, укрепилась его экономическая независимость от капиталистического мира. Поднялась оборонная мощь государства.

Успехи индустриализации и колхозного строительства явились результатом организаторской и политической работы всех партийных и советских органов снизу и доверху, самоотверженного труда рабочего класса, бедняцко-средняцких масс крестьянства и советской интеллигенции. В период строительства социализма руководство партии и государства вело острую борьбу против различных групп и течений, жестоко сопротивлявшихся курсу партии построению социализма в СССР. После смерти В.И.Ленина оппозиция открыто выступала против возможности строительства социализма в нашей стране. Они устраивали тайные сборища, нелегально печатали и распространяли свои оппозиционные издания, открыто выступали со своей программой на партийных собраниях, на собраниях рабочих коллективов, устраивали уличные шествия и демонстрации.

К 1930 году партия покончила со всеми оппозиционными группировками в партийных рядах. На XV съезде она разгромила троцкистско-зиновьевский блок, в 1929г. Л.Д.Троцкого выслала за границу. В конце 1929г. партия разгромила Бухаринскую группу (Бухарин, Томский, Рыков). На XVI съезде (1930г) по-существу не осталась ни одна оппозиционная группа внутри партии.

Надо отметить, что успехи борьбы с оппозиционными блоками и группировками внутри партии способствовали признанию ошибочности троцкистской платформы и правильности генеральной линии партии в вопросах строительства социализма в СССР. Это признали и

Зиновьев и Каменев, что дало им возможность в дальнейшем восстановиться в партии и участвовать в социалистическом строительстве.

Восстановленные в рядах партии бывшие оппозиционеры постоянно находились в поле зрения партийных организаций. За наиболее активными из них органами государственной безопасности велось систематическое агентурное наблюдение.

На XVII съезде партии (январь 1934г.) бывшие лидеры разбитых оппозиционных фракций и уклонов – Бухарин, Рыков, Томский, Зиновьев и Каменев выступили с осуждением своих обанкротившихся программ, однако, как заметил в своем выступлении на съезде С.М.Киров «в их речах не было искренности. Просидев решающие годы напряженнейшей борьбы партии «в обозе», они, когда в строительстве социализма одержаны крупнейшие победы, пытались «вклиниться в это общее торжество...».¹

Процесс над Зиновьевым и Каменевым, начался 19 августа 1936г., обвиненные якобы в совершенном ими «контрреволюционном преступлении», а 24 августа они были расстреляны.²

К XVII съезду ВКП (б) по существу сложился культ личности И.В.Сталина. с его именем стали связывать все успехи в строительстве социализма в нашей стране. В связи с этим складывалась ненормальная обстановка в партии и в государстве. Отрицательно сказывалось на состоянии советского общества его высказывание о том, что «рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление остатков умирающих классов»..., что «они могут ожить и зашевелиться...», все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв».³

В наиболее уродливой форме культ личности сказался на состоянии законности и правопорядка в стране. Создавшаяся с культом личности Сталина обстановка в стране породила грубейшие нарушения законности и необоснованные массовые репрессии. Они привели к гибели большого числа ни в чем не повинных людей.

О масштабах репрессий периода наибольшего апогея культа личности говорят следующие цифры по стране:

В 1934 – 1952гг. было арестовано 2 828 649 человек, из них расстреляно – 748 156 человек (26,5%).⁴

¹ XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 253.

² Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М., 1992. С. 436-437.

³ Сталин. И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. ОГИЗ. 1947. С. 466.

⁴ Данные взяты из статьи (без автора) «Массовые репрессии оправданы быть не могут» // Источник. Документы русской истории. Вестник архива Президента РФ. 1995. №1. С.120.

В период расцвета культа личности органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ Сталин, пренебрегая интересами партии «государства», вывел их из-под контроля партии и государства, превратил их в свою основную опору и использовал для укрепления личной власти путем расправы с негодными ему людьми, устрашения и проведения в стране массового террора. Характерным является и тот факт, используя органы безопасности в своих личных интересах, жестоко расправлялся и с негодными кадрами НКВД. По неполным данным только с октября 1936г. по июль 1938 года было репрессировано 7 298 работников НКВД по обвинению «заговорах», «шпионаже», «террористической» деятельности.¹

Проводимые в стране массовые, необоснованные репрессии отвлекали органы НКВД от выполнения прямых функций по обеспечению государственной безопасности, применяемые в 30-е годы, упрощенные методы следствия не способствовали выявлению и разоблачению действительных врагов советского государства.

После XX-го и последующих съездов КПСС, разоблачивших культ личности и его последствий, в стране была проведена большая работа по укреплению социалистической законности и правопорядка, ликвидировано «Особое совещание», различные «тройки», практика направления в ссылку лиц, ранее отбывших наказания за политические преступления, восстановлен прокурорский надзор за законностью. Органы НКВД были очищены от лиц, не внушавших доверия, карьеристов, провокаторов, доносчиков, деятельность этих органов была поставлена под строгий контроль партии, в стране была начата работа по пересмотру судебных дел и реабилитации невинно осужденных, из мест заключения были освобождены тысячи советских граждан. Процесс реабилитации начавшийся еще в 1956г., продолжался и в 60-е годы XXв. За это время было реабилитировано 721 538 человек, многие посмертно.²

Политбюро ЦК КПСС своим постановлением от 28 сентября 1987г. образовало Комиссию по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов XX в. В состав Комиссии входили А.Яковлев (председатель) и члены: В.Медведев, В.Чебриков, А.Лукиянов, Г.Разумовский, Б.Пуго, В.Крючков, В.Болдин и Г.Смирнов.

Комиссия констатировала, что в период 30-40-х и начала 50-х годов имело место антиконституционная практика, носившая орга-

¹ Там же. С. 121.

² Там же.

низационный характер. В этот период стали проводиться массовые репрессии, произвол, депортации народов. Репрессиям было подвергнуто 3 778 234 человека, из них 786 098 (20,8%) расстреляно, 2 300 000 человек (60,8%) депортировано, 692 136 человек (18,3%) осуждены на различный срок ИТЛ.¹

Такая практика имела пагубное воздействие на общественно-политическое и экономическое развитие государства, способствовала разложению кадров, ставила многих граждан страны в положение преследуемых за инакомыслие, самостоятельность. Она принесла советскому обществу большой урон. Поэтому вопросы восстановления исторической справедливости придавалось как исключительно важное политическое и общественное мероприятия. Полная реабилитация всех невинно пострадавших, увековечение их памяти имело большое значение.

ЦК КПСС вынес на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР предложенное законодательным актом признать противоречащими Конституции СССР, нормам морали «тройки», «двойки», «особые совещания», утвержденные расстрельные списки, ущемляющие права граждан и уничтожающие их достоинство – не имеющими юридической силы. Предлагалось признать реабилитированными всех пострадавших от указанных актов.

16 января 1989г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов»,² осужденные внесудебном порядке в период сталинизма. Согласно Указу были признаны антиконституционными, действовавшие в 30-40-х и начала 50-х годов «тройки» НКВД-УНКВД, коллегии ОГПУ и «особые совещания» НКВД – МГБ – МВД СССР и отменены вынесенные ими внесудебные решения по отношению всех граждан, репрессированные указанными решениями, включая лиц, осужденные впоследствии за побег из мест заключения.

13 августа 1990г. был издан Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов».³

В Указе отмечалось, что «специальной комиссией по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, реабилитированы тысячи безвинно осужденных; отменены незаконные акты против народов, подвергшихся переселению из родных мест, признаны незаконными принятые решения органами ОГПУ-НКВД-МГБ в

30-50-е годы по политическим делам; приняты и другие акты по восстановлению в правах жертв произвола».

«Однако, - отмечается в Указе, - и сегодня не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнуты заключению, высланных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы. Должны быть реабилитированы представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам».

Согласно Указу были признаны незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20-50-х годах и полностью восстановлены права этих граждан.

Начиная с 2005г. в отделе по изучению и публикации исторических источников Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН ведется подготовка и издание документов и материалов по реабилитации жертв политических репрессий 20-50х годов XXв. в Дагестане. К настоящему времени изданы 2 тома типа историко-мемуриального памятника жертвам политических репрессий в республике.¹

В книгах, кроме официальных изданий (Законов и Указов) по реабилитации, использованы документы и материалы, хранящиеся в ЦГА РД о реабилитации жертв политических репрессий 20-50-х годов XXв. В них помещены списки тех, кто безвинно пострадал в те годы, а также документы, извлеченные из архивных уголовных дел.

В первый том включены списки (по алфавиту) 722 фамилий, во второй том – 1094. Таким образом, в 2-х томах числится 1816 фамилий реабилитированных. По данным УФСБ по РД на конец 2005г. в Дагестане реабилитировано 15 673 человека.

Во втором вышеуказанном издании в списках реабилитированных дают очень краткие сведения реабилитированного лица (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, время ареста, статья УК РСФСР, действующего в то время судимость и дата реабилитации).

¹ Там же. С. 130.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. №3. Ст. 19.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. №34.

¹ См. Сулейманов С.И. Реабилитация жертв политических репрессий 20-50х годов XX века в Дагестане. (Документы и материалы). Т.1. Махачкала. 2007; Т.2. Махачкала. 2009.

Значительное количество уголовных дел было прекращено в процессе судебного разбирательства. Указанные лица также включены в списки как реабилитированные.

Проводимая политика по реабилитации жертв политических репрессий в стране в 50-е и последующие годы XXв на основе принятых законодательных актов и многочисленных архивных документов свидетельствуют о том, что в 20-50-е годы при применении статей УК РСФСР осужденным по политическим мотивам допускались факты беззакония, издевательства, репрессии в отношении советских граждан. Массовые репрессии, допущенные органами НКВД, официально были признаны и высшим руководством страны, в принятых решениях съездов партии, Указов Верховного Совета СССР и президентов СССР и Российской Федерации.

Приложение

(Документы)

**Перечень
приложенных документов к монографии**

1. Список подписантов политической части доклада ДК РКП (б) в ЦК «О значении районирования Югвосткрая для национальных объединений Северного Кавказа, известное как письмо «Платформа – 43-х» 24 сентября 1924.
2. Из постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929г.
3. Шифртелеграмма первого секретаря ДК ВКП (б) А.И.Муравьева и председателя СНК ДАССР Д.Э.Коркмасова И.В.Сталину. 7 апреля 1930г.
4. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О Дидоевском районе» [Дагестана]. 10 апреля 1930г.
5. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об устройстве кулацких поселков в Казахстане. 25 февраля 1931г.
6. Из отчетного доклада Даготдела ОГПУ о деятельности мусульманского духовенства, шейхизма и мюридизма и учет опыта этой работы за время 1932-1933гг. 9 октября 1933г.
7. Шифровка первого секретаря Дагобкома ВКП (б) Н.Самурского в ЦК ВКП (б) Сталину об увеличении лимита на репрессии в Дагестане. 26 сентября 1937г. с приложением ксерокопии документа.
8. Справка Дагобкома ВКП (б) в ЦК ВКП (б) об авторах, подписавших «антипартийный» документ в 1924г. («Платформа-43-х») и об их местонахождении. 11 декабря 1937г.
9. Из оперативного приказа Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. 30 июля 1937г.
10. Протоколы заседаний особой тройки НКВД ДАССР за период с 29 августа 1937г. по 10 марта 1938г.
11. Из показаний наркома Внутренних дел ДАССР Ломоносова В.Г. на судебном заседании в январе 1939г.
12. Из сводки 1 спецотдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г. Не ранее 1 июля 1938г.

№1

Список подписантов политической части доклада ДК РКП (б) в ЦК «О значении районирования Югвосткрая для национальных объединений Северного Кавказа, известное как письмо «Платформа – 43-х» 24 сентября 1924.

Политическая часть доклада Д.К. в ЦК РКП (б),[®] 24 сентября 1924г. значение районирования Югвосткрая для национальных объединений Северного Кавказа.

На запрос Орг.Бюро ЦК РКП (б) от 6 июля 1924 года по вопросу о выделении Дагестана из Юго-Восточной области, пленум ДК сообщает, что он остается на своей прежней, уже многократно выраженной точке зрения о необходимости выделения Дагестана из Юго-Восточной области при предполагаемой районировании. Свое решение Дагком основывает на следующих мотивах: (Доклад не публикуется)

1. Н.А.Насидзе	23. А.Тахо-Годи
2. Хан-Магомедов Х-М.	24. М.Абакаров
3. Ибрагим Алиев	25. Д.Коркмасов
4. АбуМуслим Атаев	26. Магомедбеков
5. Темирбек Темирбеков	27. Ходак
6. Н. Ефуни	28. Д.Саидов
7. Гадис Гаджиев	29. М.Далгат
8. К.Полин	30. Халидов Б.
9. Н.Колесов	31. А.Матвеев
10. Т.Хавриенко	32. М.Мамаев
11. Д.Исмаилов	33. А.Агжигитов
12. Дж.Атаев	34. С.Габиев
13. Астемиров Б.	35. Багаутдин Гаджиев
14. М.К.Кюринский	36. Амиров Т.
15. Троицкий	37. Эмирбеков Х.
16. Н.Самурский	38. Петренко Г.
17. М.Б.Ахундов	39. Гарун Меджидов – нет в I списке
18. М.Х.Эльдаров	40. Сердобинцев Петр
19. Погодин	41. А.Мурсалов
20. Жмулин	42. Ю.Кабукаев
21. Г.Г.Магомедов	43. К.Мамедбеков – нет в I списке
22. С.Носов	

ЦГА РД, Ф. 1-п. Оп.1. Д. 490. Л. 2-8. Типографский экз. (1927г.)

[®] Доклад готовился А.Тахо-Годи, Н.Самурским, Д.Коркмасовым. С докладом на пленуме обкома партии 24 сентября 1924г. выступил А.Тахо-Годи.

Первоначальный порядок расположения фамилий в списке (1924г.)

1. Н. Самурский	22. Носов С.
2. Д. Коркмасов	23. Ефуни Н.
3. Хан-Магомедов Х-М.	24. Хавриенко Т.
4. Атаев Д.	25. Мамаев М.
5. Эмирбеков Х.	26. Атаев М.
6. Колесов Н.	27. Мурсалов А.
7. Гаджиев Г.	28. Жмулин М.
8. Исмаилов Д.	29. Кюринский М.
9. Астемиров Б.	30. Абрисимов – нет в тип.экз.
10. Абакаров М.	31. Гаджиев Б.
11. Саидов Д.	32. Халидов Б.
12. Далгат М.	33. Матвеев А.
13. Габиев С.	34. Петренко Г.
14. Тахо-Годи А.	35. Магомедов Г.Г.
15. Темирбеков Т.	36. Агжигитов А.
16. Кабукаев Ю.	37. Сердобинцев П.
17. Амиров Т.	38. Погодин А.
18. Алиев И.	39. Ахундов М.
19. Носидзе Н.	40. Ходак В.
20. Троицкий Б.	41. Магомедбеков
21. Полин К.	42. М.Х. Эльдаров

№2

Из постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 8 апреля 1929г.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют:

1. Под действием декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 23 января 1918 года об отделении церкви от государства и школы от церкви (Собр. Узак, 1918 г. №18, ст. 263) подходят церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения всех наименований.

2. Религиозные объединения верующих граждан всех культов регистрируются в виде религиозных обществ или групп верующих.

Каждый гражданин может быть членом только одного религиозно-культового объединения (общества или группы).

3. Религиозное общество есть местное объединение верующих граждан, достигших 18-летнего возраста, одного и того же культа, ве-

роисповедания, направления или толка, в количестве не менее 20 лиц, объединившихся для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей.

Верующим гражданам, которые в силу своей малочисленности не могут образовать религиозного общества, предоставляется право образовать группу верующих.

Религиозные общества и группы верующих не пользуются правом юридического лица...

5. Для регистрации религиозного общества учредители его в количестве не менее 20 человек направляют ходатайство о регистрации религиозного общества и об открытии молитвенного здания (церкви, костела, кирхи, мечети, синагоги и т.д.) в исполнительный комитет районного, городского Совета депутатов трудящихся.

17. Религиозным объединениям воспрещается:

а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

б) оказывать материальную поддержку своим членам;

в) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению, религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать, санатории и лечебную помощь.

В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа.

18. Не допускается преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в учебных заведениях. Преподавание религиозных вероучений может быть допущено исключительно в духовных учебных заведениях открываемых в установленном порядке.

19. Район деятельности служителей культа, религиозных проповедников, наставников и т.п. ограничивается местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения.

Деятельность служителей культа, религиозных проповедников и наставников, обслуживающих постоянно два или несколько религиозных объединений, ограничивается территорией, на которой постоянно проживают верующие, входящие в указанные религиозные объединения.

20. Религиозные общества и группы верующих могут созывать религиозные съезды и совещания только по разрешению в каждом отдельном случае соответственно Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

27. Молитвенные здания и культовое имущество передаются в пользование верующих, составивших религиозное общество, на условиях и в порядке, предусмотренных договором, заключаемым религиозным обществом с исполнительным комитетом районного городского Совета депутатов трудящихся.

28. Здание культа и находящиеся в нем имущество принимаются по договору от представителя исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся не менее, чем двадцатью членами религиозного общества для предоставления названного имущества в пользование всех верующих.

40. При ликвидации молитвенного здания культовое имущество распределяется следующим образом:

а) все предметы из платины, золота, серебра и парчи, а также драгоценные камни подлежат зачислению в государственный фонд и передаются в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов Министерства культуры РСФСР, если эти предметы состояли на их учете;

б) все предметы исторической, художественной, музейной ценности передаются органам Министерства культуры РСФСР;

в) остальные предметы (иконы, облачения, хоругви, покровы и т.п.), имеющие специальное значение при отправлении культа, передаются верующим для переноса в другие молитвенные здания того же культа; эти предметы заносятся в опись культового имущества на общих основаниях;

г) предметы обиходные (колокола, мебель, ковры, люстры и т.п.) подлежат зачислению в государственный фонд и передаются в распоряжение местных финансовых органов или в распоряжение органов Министерства культуры РСФСР, если они состояли на учете последних;

д) так называемое переходящее имущество деньги, а также ладан, свечи, масло, вино, воск, дрова и уголь, имеющие определенное целевое назначение для выполнения условий договора или для совершения религиозных обрядов культа, в случае сохранения существования общества после ликвидации молитвенного здания, изъятию не подлежат;

41. Подлежащие ликвидации молитвенные здания, не находящиеся под государственной охраной как памятники культуры, могут быть использованы и переоборудованы для других целей или снесены лишь по решению Совета Министров автономной республики, исполнительного комитета краевого, областного (г.г. Москвы и Ленинграда) Совета депутатов трудящихся, согласованному соответственно с Советом по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

43. Религиозные объединения могут быть сняты с регистрации в случае нарушения ими законодательства о культах.

45. Строительство новых молитвенных зданий силами и средствами верующих допускается в отдельных случаях по просьбе религиозных обществ с разрешения соответственно Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

46. Если молитвенное здание в силу своей ветхости угрожает полностью или частично обвалом, то исполнительному комитету районного, городского или сельского Совета депутатов трудящихся предоставляется право предложить исполнительному органу религиозного объединения или представителю группы верующих временно, впредь до осмотра здания специальной технической комиссией, прекратить в нем устройство богослужений и собраний верующих.

Если здание, культа, имеющее историческое художественное или археологическое значение, подлежит охране, как памятник культуры, предложение о закрытии молитвенного здания направляется соответствующему органу Министерства культуры РСФСР.

54. Члены групп верующих и религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования в молитвенном здании среди членов данного религиозного объединения и только на цели связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных органов.

55. Всякое культовое имущество, как пожертвованное, так и приобретенное на добровольные пожертвования, подлежит обязательному занесению в инвентарную опись культового имущества.

Добровольные приношения (пожертвования), сделанные в целях украшения пожертвованным предметом молитвенного здания или в целях украшения предметов культа, заносятся в инвентарную опись всего культового имущества, находящегося в бесплатном пользовании религиозного общества.

Все остальные виды добровольных пожертвований натурой, сделанные без упомянутых целей, а также денежные пожертвования как для нужд религиозного общества по содержанию (ремонт, отопление и т.п.) молитвенного здания или помещения, так и в пользу служителей культа, занесению в инвентарную опись культового имущества не подлежат.

Денежные добровольные пожертвования верующих учитываются путем ведения казначеем религиозного объединения прихода расходной книги.

56. Расходование, пожертвованных сумм в соответствии с целями по управлению молитвенным зданием и имуществом культа может производиться членами исполнительных органов религиозных обществ и уполномоченными групп верующих.

57. В зданиях религиозного культа или в специально приспособленных помещениях, удовлетворяющих строительно-техническим и санитарным правилам, молитвенные собрания верующих, объединенных в группы или общества происходят без уведомления или разрешения органов власти.

В помещениях, специально не приспособленных, молитвенные собрания верующих происходят с уведомления в сельских поселениях – исполнительного комитета сельского Совета депутатов трудящихся и в городских поселениях – исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся.

58. Во всех государственных, общественных, кооперативных учреждениях и предприятиях не допускается совершения каких-либо религиозных обрядов и церемоний культа, а также помещения каких-либо предметов культа.

Настоящее запрещение, не распространяется на отправление по просьбе умирающих или тяжелобольных, находящихся в больницах и местах заключения, религиозно-культовых обрядов особо изолированных помещениях, а равно на отправление религиозных обрядов на кладбищах и в крематориях.

59. Религиозные шествия, совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, а также в квартирах и домах верующих допускаются с особого разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся.

Ходатайства о выдаче таких разрешений подаются не менее, чем за две недели до срока назначенной церемонии.

Отправление религиозно-культовых обрядов в квартирах и домах верующих по просьбе умирающих или тяжелобольных может

производиться без разрешения или уведомления исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся.

60. Для религиозных шествий, являющихся неотъемлемой частью богослужения, совершаемых вокруг зданий культа, как в городах, так и в сельских местностях, особых разрешений или уведомлений органов власти не требуется, при том условии, что эти шествия не нарушают нормального уличного движения.

61. Религиозные шествия, а также совершение религиозных обрядов и церемоний вне места нахождения религиозного объединения могут быть допущены с особого каждый раз разрешения органа, заключившего договор о пользовании культовым имуществом. Такое разрешение может быть выдано после предварительного согласования с исполнительным комитетом того местного Совета депутатов трудящихся в районе, которого предполагается свершение шествия, обряда или церемонии.

62. Учет религиозных обществ, а также групп верующих в пределах соответствующей территории производится органами, регистрирующими религиозные объединения (ст.6).

63. Органы, регистрирующие религиозные объединения, сообщают сведения о них по установленной форме соответственно Совету по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

64. Надзор за деятельностью религиозных объединений, а также за сохранностью передаваемого на основании договора в их пользование здания и имущества культа возлагается на регистрирующие органы, причем в сельских местностях этот надзор возлагается также и на сельские Советы.

65. Все фактически существующие на территории РСФСР ко дню издания настоящего постановления религиозного объединения обязаны в годичный срок зарегистрироваться по месту своего нахождения в порядке и органах, указанных в настоящем постановлении.

66. Религиозно-культовые объединения, не выполнившие требований предыдущей статьи, считаются закрытыми с последствиями, предусмотренными настоящим постановлением.

68. Предложить народным комиссариатам РСФСР в месячный срок отменить ведомственные циркуляры, разъяснения и распоряжения, противоречащие настоящему постановлению, и опубликовать перечень ведомственных актов, сохранивших силу.

Законодательство о религиозных культах (сборник документов и материалов) М. 1971. С. 83-97.

№3

Шифротелеграмма первого секретаря ДК ВКП (Б) А.И. Муравьева и председателя Правительства ДАССР Д.Э.Коркмасова И.В.Сталину о событиях на Дидоевском участке ДАССР.

7 апреля 1930г.

В течение месяца в Дидоевском районе велись органами ГПУ переговоры с повстанцами этого района. Все условия, касающиеся устранения недостатков, допущенных органами партии, советской властью на местах, привлечения виновных в злоупотреблениях, перегибах, Дагестанским правительством приняты. Снабжение промтоварами и хлебом район обеспечен в пределах потребности. Пятого апреля вожаки повстанцев отказались от всяких переговоров с Дагправительством, объявив Газават, того же числа перешли в наступление на наше отряды. Два небольших отряда, состоящих из работников ГПУ, красных партизан, окружены повстанцами. Муллы, кулачество, родовые главари горного Дагестана в связи с наступлением повстанцев повели бешеную агитацию за поголовное выступление. Нами мобилизованы все силы на борьбу с повстанцами, которые слабо вооружены, но наши силы могут оказаться недостаточными для ликвидации восстания. Развертывая наступление со стороны Дагестана, в то же время в целях обеспечения тыла со стороны Грузии повстанцы послали в Тифлис для переговоров о присоединении Дидоя к Грузии, в результате чего органами ГПУ задерживается ликвидация восстания. Дальнейшая задержка ликвидации Дидоевского восстания приведет к распространению на другие районы, может сорвать весеннюю путину, так как на промыслах среди рабочих-горцев начался групповой отлив в горы.

Просим дать директиву военному ведомству ГПУ принять меры с скорейшей ликвидацией восстания в Дидоевском районе.

Секретарь ОК Муравьев

Председатель Совнаркома Коркмасов

АПРФ.Ф.3. Оп. 30. Д. 147. Л. 49, 50. Подлинник. Машинопись.

Опубл. в кн.: Россия XX век. Документы. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 243.

№4

**Постановление Политбюро ЦК ВКП (б)
«О Дидоевском районе» [Дагестана].**

10 апреля 1930г.

№123, п. 46 – О Дидоевском районе (т.т. Сталин, Ягода).

а) Предложение Дагобкома о Дидоевском районе отклонить, считая более целесообразным постепенную ликвидацию волнений путем изоляции района от внешнего мира и разложения его изнутри.

б) Поручить т.Ягоде дать указание по линии ОГПУ на основе состоявшегося обмена мнений (требовать выдачи главарей, подтвердить населению добровольность вхождения в колхозы, свободы вероисповедания и т.п.).

АПРФ. Ф. 3. Оп.30. Д. 147. Л. 49. Копия. Машинопись.

Опубл. в кн.: Россия. XX век. Документы. Лубянка и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922-декабрь 1936г. М., 2003. С. 243.

№5

**Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об устройстве
кулацких поселков в Казахстане. 25 февраля 1931г.**

Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об устройстве кулацких поселков в Казахстане.

20 февраля 1931г.

4/20. О кулаках. (т.т. Сталин, Менжинский, Ягода).

а) Предложить ОГПУ определить и подготовить в течение 6-ти месяцев районы для устройства кулацких поселков тысяч на 200-300 семейств под управлением специального назначенных комендантов, имея в виду, прежде всего районы Казахстана – южнее Караганды.

б) Возложить наблюдение за происходящим в настоящее время выселением и расселением раскулачиваемых кулаков на заместителя председателя СНК СССР т.Андреева. Предложить ОГПУ согласовать с т.Андреевым все вопросы, связанные с выселением и расселением кулаков, а в случае отсутствия т.Андреева – с т.Молотовым.

в) Удовлетворить просьбу т.Жданова о переселении кулаков.

РГАСПИ. Ф.17 Оп.162. Д.9. Л.137. Подлинник

Опубл. в кн.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т.3. Конец 1930-1933. М., 2001. С.90.

№6

Из отчетного доклада Даготдела ОГПУ о деятельности мусульманского духовенства, шейхизма и мюридизма и учет опыта этой работы за время 1932-1933г.

9 октября 1933г.

Всего репрессировано мусульманского духовенства (кадиев по неточному учету) с начала 1930г. по октябрь 1933г. – 1212 чел. Из них:

шейхов 9 чел.

шейхствующих лиц 6

общественных кадиев 91 чел.

мулл 405 чел.

мюридов 708 чел. (из них 50% - старш.мюридов).

Таблица по учету мечетей на 1/V – 1933г. по 23-м районам:

Всего	Из них			Разрушившихся
	действующих	Закрытых решен. об-ва	Из действующих за отсутств. духовенства	
1775	910	156	610 661	48
1775	910	156	661	48

Наименование района	кадиев			мулл			
	Всего	исполн. обязанности	отказ от служб из-за боязни репресс.	Всего	исполн. обязанности	брошены из-за репресс.	Заупрежденных
1. Чародинский	19	-	19	60	20	40	9
2. Дербентский	4	-	4	18	-	13	-
3. Гумбетовский	18	11	8	29	21	8	27
4. Ахтынский	-	-	-	33	34	49	49
5. Корммас-Кал.	26	-	36	42	-	42	42
6. Рутульский	16	-	16	26	28	4	4
7. Казбековский	12	-	12	32	10	22	22
8. Лакский	88	47	41	229	121	103	31
9. Кайтакский	19	-	19	48	17	11	15
10. Цумадинский	20	-	20	52	8	44	8
11. Караногайский	88	4	64	81	11	70	7
12. Кахибский	20	-	20	53	33	26	25
13. Ботлихский	18	11	7	59	9	50	15
14. Левашинский	54	-	64	186	103	33	156
15. Буйнакский	50	1	43	106	17	89	-

16. Касум-Кентский	8	-	8	33	17	16	10
17. Дахадаевский	60	5	55	112	22	90	178
18. Гунибский	57	-	57	56	23	33	33
19. Табасаранский	8	1	7	45	22	23	67
20. Курахский	6	3	3	31	4	27	-
21. Цунтинский	11	-	11	15	4	11	-
22. Бабаюртовский	14	-	14	33	1	32	-
23. Хасавюртовский	29	1	28	84	9	75	10
Итого	636	84	552	1469	528	961	762
	635	84	556	1463	534	911	768

То же в районном разрезе:

Наименование районов	Всего мечетей	Из них			Разрушившихся
		действующих	незакр. по решению об-ва	не действу. из-за отсутств. духовенства	
1. Чародинский	71	68	-	-	3
2. Дербентский	56	10	-	46	-
3. Гумбетовский	33	27	-	-	6
4. Ахтынский	98	29	37	32	-
5. Корммас-Кал.	89	6	-	83	-
6. Рутульский	75	34	5	36	-
7. Казбековский	23	14	-	9	-
8. Лакский	125	42	18	55	10
9. Кайтакский	38	19	-	18	1
10. Цумадинский	43	41	-	2	-
11. Караногайский	27	27	-	-	-
12. Кахибский	133	125	8	-	-
13. Ботлихский	44	44	-	-	-
14. Левашинский	189	102	5	82	-
15. Буйнакский	181	47	27	107	-
16. Касум-Кентский	24	4	17	-	3
17. Дахадаевский	141	62	12	59	8
18. Гунибский	114	60	9	36	9
19. Табасаранский	92	58	1	31	2
20. Курахский	79	23	5	51	-
21. Цунтинский	18	18	-	-	-
22. Бабаюртовский	39	9	12	13	5
23. Хасавюртовский	43	41	-	1	1
	1725	910	151	616	48
	1775	910	156	661	48

Зам.нач. ДООГПУ Стрельников
ЦГА РД. Ф. Р-800- Оп. 2. Д.49. Л. 56. Копия.

№7

Шифровка первого секретаря Дагобкома ВКП (б) Н. Самурского в ЦК ВКП (б) Сталину об увеличении лимита на репрессии в Дагестане.

26 сентября 1937г.

Москва ЦК ВКП (б) т.Сталину

Следствие органов НКВД показывают, что лимит для беглых кулаков и антисоветских элементов недостаточен, что выдвигает необходимость увеличения лимита по обеим категориям. Дагобком просит увеличить лимит первой категории вместо установленного ЦК ВКП (б) 10 июля с.г. 600 до 1200 и второй категории вместо 2478 до 3300.

Секретарь Дагобкома Самурский.

Расшифрована 26.IX. 1937г. в ч.11.м.50.

Напечатано 3 экз. Чечулин.

На шифровке имеются подписи Сталина и Молотова, штампы о включении первого лимита в протокол Политбюро ЦК (№51 п.106. п/п 2 от 10.07.1937) и включении новой заявки в протокол Политбюро (№54 п.46) от 26.09.1937г.

Шифровка адресована Ежову (см.док.№13).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д.580. Л. 32.

№8

Справка Дагобкома ВКП (б) в ЦК ВКП (б) об авторах, подписавших «антипартийный» документ в 1924г. («Платформа 43-х») и об их местонахождении.

11 декабря 1937г.

1. Самурский Нажмутдин	Разоблачены как враги народа, буржуазных националистов, исключены из рядов ВКП (б) и находятся под стражей
2. Коркмасов Джалалэдин	
3. Хан-Магомедов Хан-Магомед	
4. Атаев Дж.А.	
5. Эмирбеков Хабиб	
6. Колесов Николай Павлович	
7. Гаджиев ГАдис А.	
8. Исмаилов Джегирхан	
9. Астемиров Багаутдин Аджиевич	
10. Абакаров Магомед	
11. Саидов Дибир Саидович	
12. Далгат Магомед Алибекович	

13. ГАбиев Саид Ибрагимович	Разоблачены как враги народа, буржуазных националистов, исключены из рядов ВКП (б) и находятся под стражей
14. Тахо-Годи Алибек	
15. Темирбеков Темирбек	
16. Кабукаев Юсуп Магомедович	
17. Амиров Турач	
18. Мамаев Магомед	
19. Алиев Ибрагим Махмудович	- застрелился
20. Носидзе Николай Александрович	- уехал из Дагестана 12.07.1937г. в Грузию
21. Троицкий Борис	- направлен в Ленинград на учебу в 1925 году.
22. Полин Константин Минович	- работал секретарем партколлегии КПК по Карелии
23. Носов Степан	- направлен в Северо-Кавказский край в 1925г
24. Ефуни Наум	- работал в Грознефти (Главнефти) в 1925г.
25. Хавренко Тарас Гаврилович	- в 1928г. уехал в г.Грозный
26. Атаев Муслим	- работает в Белорусском военном округе
27. Мурсалов А.	- сведения выясняются
28. Жмулин Михаил	- работал в НКВД Орджоникидзевогo края
29. Кюринский Мола	- в 1928г. исключен из партии, живет в г.Баку
30. Абромисов	- исключен из рядов ВКП (б)
31. Гаджиев Багаудин	- в 1929г. исключен из партии, работает учителем в Касумкенте
32.Халидов Бадрутин	- Исключен из партии в 1936г.
33. Матвеев Александр	- выгнаны в Астрахань
34. Петренко Григорий Кононович	- исключен из партии в 1929г.
35. Магомедов Гасан-Гусейн	- исключен из партии в 1929г.
36. Атжигитов Абурахман	- исключен из ВКП (б)
37. Сердобинцев Петр	- секретарь ячейки ст.Гудермес
38. Погодин Аким Павлович	-местонахождение неизвестно сведений нет.
39. Ахундов Мирзабек	- умер
40. Ходак Владимир Павлович	- умер
41. Магомедбеков Магомедбек	- умер
42. Эльдаров Магомедхан	- умер

Секретарь обкома М.Сорокин
ЦГА РД. Ф, 779-п. Оп.1. Д.14. Л.2-3.

Примечание: 43-й член Платформы Мамедбеков Керим Гусейнович в справке отсутствует.

Из оперативного приказа Народного комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

30 июля 1937г.

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры политических партий (эсеров, грузмек, дашнаков, мусаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых карателей, репатриантов и т.п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорта и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнездятся значительные кадры уголовных преступников – скотоконократов, воров-рецидивистов, грабителей и др., отбывших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Как установлено, все эти антисоветские элементы являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящихся советский народ от контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим приказываю – с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников.

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

I. Контингенты, подлежащие репрессии

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою антисоветскую преступную деятельность.

4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандпособники, переправщики, резмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность.

5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных формирований.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

6. Наиболее активные элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковных и прочих, которые содержатся сейчас в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжают вести там активную антисоветскую подрывную работу.

7. Уголовники (бандиты, грабители, воров-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты скотоконократы), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой.

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, которые содержатся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены.

8. Уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие в них преступную деятельность.

9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне – в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях и в городе – на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве.

II. О мерах наказания репрессируемых и количестве подлежащих репрессий.

1. Все репрессируемые кулаки, уголовники и др. разбиваются на две категории:

а) антисоветские элементы относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу.

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению. На те же сроки тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным Наркомами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии:

	Первая категория	Вторая категория	Всего
11. Дагестанская АССР	500	2500	3000

3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самочинные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы, республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – во вторую категорию и, наоборот = разрешается.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категориям как правило не репрессируются.

Исключение составляют:

а) Семьи, члены которых способны к активным антисоветским действиям. Члены такой семьи, с особого решения тройки, подлежат водворению в лагеря или трудпоселки.

б) Семьи лиц, репрессированных по первой категории, проживающие в пограничной полосе, подлежат переселению за пределы пограничной полосы внутри республик, краев и областей.

в) Семьи репрессированных по первой категория, проживающие в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку, Ростове-на-Дону, Та-

ганроге и в районах Сочи, Гагры и Сухуми, подлежат выселению из таких пунктов в другие области по их выбору, за исключением пограничных районов.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. Порядок проведения операции

1. Операция начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок.

2. В первую очередь подвергаются репрессии контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения, репрессии не подвергаются.

В том случае, если нарком республиканского НКВД, начальник управления или областного отдела НКВД, закончив операцию по контингентам первой категории, сочтет возможным приступить к операции по контингентам, отнесенным ко второй категории, он обязан, прежде чем к этой операции фактически приступить - запросить мою санкцию и только после получения ее, начать операцию.

В отношении всех тех арестованных, которые будут осуждены к заключению в лагеря или тюрьмы на разные сроки, по мере вынесения приговоров доносить мне сколько человек, на какие сроки тюрьмы или лагеря осуждено. До получения этих сведений я дам указания о том, каким порядком и в какие лагеря осужденных направить.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

Для организации и проведения операции по каждому сектору формируется оперативная группа, возглавляемая ответственным работником НКВД республики, краевого или областного Управления НКВД, могущим успешно справиться с возлагаемыми на него серьезными оперативными задачами.

В некоторых случаях начальниками оперативных групп могут быть назначены наиболее опытные и способные начальники районных и городских отделений.

4. Оперативные группы укомплектовать необходимым количеством оперативных работников и придать им средства транспорта и связи.

В соответствии с требованиями оперативной обстановки группам придать войсковые или милицейские подразделения.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение.

Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2 экз. отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркому внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

Нарком внутренних дел, начальник управления или областного отдела НКВД рассматривает список и дает санкцию на арест перечисленных в нем лиц.

7. На основании утвержденного списка начальник оперативной группы производит арест. Каждый арест оформляется орденом. При аресте производится тщательный обыск. Обязательно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, и множительные приборы и переписка.

Все изъятое заносится в протокол обыска.

8. Арестованные сосредотачиваются в пунктах по указаниям Наркомов внутренних дел, начальников управлений или областных отделов НКВД. В пунктах сосредоточения арестованных должны иметься помещения, пригодные для размещения арестованных.

9. Арестованные строго окарауливаются. Организуются все мероприятия, гарантирующие от побегов или каких-либо эксцессов.

IV. Порядок ведения следствия

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводиться следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке. В процессе должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки. К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкет арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение.

V. Организация и работа троек

1. Утверждаю следующий персональный состав республиканских, краевых и областных троек.

2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведет свою работу или, находясь в пункте расположения соответствующему НКВД, УНКВД или областных отделов НКВД или выезжая по местам, расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

Тройки, в зависимости от характера материалов и степени социальной опасности арестованного, могут относить лиц, намеченных к репрессированию по 2 категории – к 1 категории и лиц, намеченных к репрессированию по первой категории – ко второй.

5. Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесенные ими приговора в отношении каждого осужденного.

Протокол заседания тройки направляется начальнику оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. К следственным делам приобщаются выписки из протоколов в отношении каждого осужденного.

VI. Порядок приведения приговоров в исполнение

1. Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т.е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговоров в исполнение являются – заверенная выписка из протокола заседания тройки с изложением приговора в отношении каждого осужденного и специальное предписание за подписью председателя тройки, вручаемые лицу, приводящему приговор в исполнение.

2. Приговоры по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение. Документы об исполнении приговора приобщаются в отдельном конверте к следственному делу каждого осужденного.

3. Направление в лагеря лиц, осужденных по 2 категории, производится на основании нарядов, сообщаемых ГУЛАГом НКВД СССР.

VII. Организация руководства операций и отчетность

1. Общее руководство проведением операций возлагаю на моего заместителя – Начальника главного управления государственной безопасности комкора т.Фриновского.

Для проведения работы, связанной с руководством операций, сформировать при нем специальную группу.

2. Протоколы троек по исполнению приговора немедленно направлять начальнику 8 Отдела ГУГБ НКВД СССР с приложением учетных карточек по форме №1.

На осужденных по 1 категории одновременно с протоколом и учетными карточками направлять также и следственные дела.

3. О ходе и результатах операции доносить пятидневными сводками к 1, 5, 10, 15, 20, и 25 числу каждого месяца телеграфом и подробно почтой.

4. О всех вновь вскрытых в процессе проведения операции контрреволюционных формированиях, возникновении эксцессов, побеге за кордон, образовании бандитских и грабительских групп и других чрезвычайных происшествиях доносить по телефону немедленно.

При организации и проведении операции принять исчерпывающие меры к тому, чтобы не допустить: перехода репрессированных на нелегальное положение; бегства с мест жительства и особенно за кордон; образования бандитских и грабительских групп, возникновения каких-либо эксцессов.

Своевременно выявлять и быстро пресекать попытки к совершению каких-либо активных контрреволюционных действий.

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР

Генеральный комиссар Государственной Безопасности Ежов.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп.5. Д.». Л. 155-174. Подлинник с подписью Ежова. На титульном листе его же пометки: «т.Бельскому (лично) в дело. Ежов».

Опубл. в кн.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т.5. 1937-1939. Кн.1. 1937. М. 2004. С. 330-337.

№10

Протоколы

Заседаний особой тройки НКВД ДАССР
за период с 29 августа 1937г. по 10 марта 1938г. и
о количестве лиц, прошедших по каждому протоколу

Протоколы	№ от [дата].1937г. - на [число] человека	
	№2 от 16.09.1937г. - на 108 человек	Подписали: Ломоносов – пред. Сорокин – член Савин – член Гуснединов – зам.прокурора- член Богданов- секретарь
	№3 от 17.09.1937г. - на 49 человек	
	№4 от 18.09.1937г. - на 105 человек	
	№5 от 19.09.1937г. - на 78 человек	
	№6 от 20.09.1937г. - на 93 человек	
	№7 от 21.09.1937г. - на 108 человек.	
	№8 от 23.09.1937г. - на 101 человека	
	№9 от 24.09.1937г. - на 138 человек	
	№10 от 26.09.1937г. - на 83 человека	
	№11 от 01.10.1937г.- на 121 человек	
	№12 от 02.10.1937г.- на 78 человек	
	№13 от 03.10.1937г.- на 86 человек	
	№14 от 04.10.1937г.- на 131 человек	
	№15 от 04.10.1937г.- на 65 человек	
	№16 от 07.10.1937г. - на 87 человек	
	№17 от 09.10.1937г.-на 103 человека	
	№18 от 11.10.1937г.- на 108 человек	
	№19 от 12.10.1937г.-на 101 человек	
	№20 от 13.10.1937г.-на 136 человек	
	№21 от 14.10.1937г.-на 100 человек	
	№22 от 15.10.1937г.-на 177 человек	
	№23 от 16.10.1937г.- на 61 человек	
	№24 от 17.10.1937г. - на 86 человек	
	№25 от 18.10.1937г. - на 92 человек	
	№26 от 19.10.1937г. - на 86 человек	
	№27 от 20.10.1937г. - на 91 человек	
	№28 от 23.10.1937г.-на 103 человека	
	№29 от 28.10.1937г. - на 80 человек	
	№30 от 29.10.1937г. - на 54 человека	
	№31 от 01.11.1937г. - на 94 человека	
	№32 от 02.11.1937г. - на 59 человек	
	№33 от 03.11.1937г. - на 86 человек	
	№34 от 04.11.1937г.-на 101 человек	
	№35 от 06.11.1937г.- на 110 человек	
	№36 от 10.11.1937г. на 68 человек	
	№37 от 11.11.1937г. на 94 человека	
	№38 от 13.11.1937г. на 94 человека	
	№39 от 14.11.1937г. на 90 человек	
		Подпись прокурора отсутствует
		Подписали: Ломоносов – пред.

№40 от 15.11.1937г. на 115 человек	Сорокин – член
№41 от 16.11.1937г. на 95 человек	Савин – член
№42 от 19.11.1937г. на 122 человека	Гуснединов –
№43 от 19.11.1937г. на 122 человека	зам.прокурора- член
№44 от 20.11.1937г. на 59 человек	Богданов- секретарь
№45 от 20.11.1937г. на 82 человека	
№46 от 23.11.1937г. на 76 человек	
№47 от 23.11.1937г. на 100 человек	
№48 от 24.11.1937г. на 92 человека	
№49 от 25.11.1937г. на 60 человек	
№50 от 05.12.1937г. на 70 человека	
№51 от 07.12.1937г. на 102 человека	
№52 от 07.01.1938г. на 73 человека от 08.01.1938 г.	
№53 от 10.01.1938г. на 173 человека	
№54 от 15.01.1938г. на 81 человек	
№55 от 10.03. 1938г. на 152 человека	
Итого: 5252 человека, из них	-73
1937г. – август- 73 человека	
- сентябрь – 863 человека	
- октябрь – 1946 человек	
- ноябрь – 1719 человек	4700
- декабрь – 172 человек	
- 1938г. – январь – 327 человек	479
- март – 152 человека	
Итого:	5252

Таким образом, в 1937г. было арестовано 4773 человека (90,9% из общего числа), в 1938г. 479 человек (9,1%). Итого: 5252 человека. Архив ФСБ РФ по РД ФРМ № 1-58.

№11

Из показаний наркома Внутренних дел ДАССР Ломоносова В.Г. на судебном заседании в январе 1939г.

«Все дела, подлежащие рассмотрению тройки, рассматривались лично мною и намечались меры наказания, после чего протоколы направлялись на подпись Сорокину и Савину». Таким образом, протоколы оформлялись без рассмотрения на заседании тройки. Были рассмотрены дела на 5000 человек (более точная цифра – 5252 человека) из них 2000 человек (более точная цифра 1995 человек) были осуждены по первой категории (38,0%), остальные - 3257 человек (62,0%) были осуждены на 8-10 лет. ИТЛ.

Махачкалинские известия. 1995. 10 марта.

№12

Из сводки спецотдела НКВД СССР «О количестве арестованных и осужденных органами НКВД СССР за время с 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г.» (Данные включены в монографию для показа масштабов репрессий 30-х годов в стране)

Не ранее 1 июля 1938г

Общие данные

С 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г арестовано	1420711 чел.	в %%
Привлечено без ареста	14 903 чел.	-
в том числе:		
Арестовано в порядке приказов НКВД №00485, №00593 и др.	357 227 чел.	-
Арестовано в порядке приказа НКВД № 00447	699 929 чел.	49,3
С 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г. осуждено	1 124 000 чел.	79,1
в том числе:		
ВМН	556 259 чел.	49,5
ВМН с заменой заключением	398 чел.	0,03
Заключение от ^{3*} 15-25 лет	5 196 чел.	0,4
Заключение до 10 лет	460 954 чел.	41,0
Заключение до 5 лет	51 201 чел.	4,5
Заключение до 3 лет	25 701 чел.	2,3
Высылка за пределы СССР	9 054 чел.	0,8
Осуждены к незначительным наказаниям (ссылка и высылка внутри СССР, принудработы, условно и т.п.)	15 237 чел.	1,3
освобождено	11 078	-

Социальный состав арестованных

	За время с 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г. (21 месяц)			
	Всего	с 1 октября 1936г. по 1 января 1937г.	с 1 января 1937г. по 1 января 1938г.	с 1 января 1938г. по 1 июля 1938г.
Бывшие кулаки	522 774	3 350	367 530	151 894
«Бывшие люди» [помещики]. двор[яне], торговцы, жандармы и т.д.	191 384	3090	113 739	74 519
Без определенных занятий и другие деклассированные элементы	168 286	3 228	127 047	38 011
Служители религиозного культа	45 009	632	33 191	11 186
Кустари	16 258	494	7 221	8 543
Дом[ашние] хоз[яйки], иждивенцы, пенсионеры	21 951	567	13 043	8 341
Служащие	229 957	10 267	129 250	90 440

Единоличники	41 147	1 973	25 731	13 443
Колхозники	71 811	3 286	40 142	28 383
Рабочие	86 482	4 455	42 563	39 464
Красноармейцы и младший начсостав	8 027	623	5 479	1 925
Комсостав	10 363	61	5 927	4 375
Сотрудники НКВД	7 298	506	3 679	3 113
Всего арестовано	1 420 711	32 532	914 542	473 637
в том числе:				
Бывшие члены ВКП (б)	99 188	3 873	52 677	42 638
Бывшие члены ВЛКСМ	15 088	1 003	7 639	6 446

Количество осужденных

	За время с 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г. (21 месяц)			
	Всего	с 1 октября 1936г. по 1 января 1937г.	с 1 января 1937г. по 1 января 1938г.	с 1 января 1938г. по 1 июля 1938г.
Всего рассмотрено	1 135 078	27 895	785 548	321 635
в том числе:				
ВМН	556 259	630	347 651	207 978
ВМН с заменой заключением	398	57	190	151
Заключение 15-25 лет	5 196	-	2302	2894
Заключение до 10 лет	460 954	4862	375 453	80 639
Заключение до 5 лет	51 201	8130	30 936	12 135
Заключение до 3 лет	25 701	7752	15 229	2720
Высылка за пределы СССР	9054	37	639	8378
Осуждено к незначительным наказаниям (ссылка, высылка, принудработы и т.п.)	15 237	3942	7402	3893
Освобождено	11 078	2485	5746	2847
Процент освобожденных и осужденных к незначительным наказаниям к количеству рассмотренных	2,3%	23,0%	1,7%	2,1%

Количество арестованных за время с 1 октября/по 1 июля 1938г. по органам

	Общее число арестованных	В том числе по приказу № 00447			
		Всего	Бывшие кулаки	Уголовники	Прочие контрреволюционные элементы
Дагестанская АССР	6603	5008	3252	766	990

№13

Ксерокопия шифровки первого секретаря Дагобкома ВКП (б) Н.Самурского секретарю ЦК ВКП (б) И.Сталину об увеличении лимита на репрессии в Дагестане 26 сентября 1937г.

Шифровка

Из Махачкала отправлена 0-05 26.IX. 1937г. поступило в ЦК ВКП на расшифрование 26.IX. 1937г. в ч.9 м. 20 Вх.№ 2063 / III Москва ЦК ВКП (б) т.Сталину

Следствие органов НКВД показывает, что лимит для беглых кулаков и антисоветских элементов недостаточен, что выдвигает необходимость увеличения лимита по обеим категориям. Дагобком просит увеличить лимит первой категории вместо установленного ЦК ВКП (б) 10 июля с.г. 600 до 1200 и второй категории вместо 2478 до 3300.

Секретарь Дагобкома Самурский.

Расшифрована 26.IX.1937г. в ч.11 м.50. Напечатано 3 экз.

Чечулин.

Приложение к документу №13

СТРОГО СЕКРЕТНО
Снятие копий воспрещается

Прок. П. Б. № 54 в. 46
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС
(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)

Кому послана *Генерал*

32

ШИФРОВКА

Из МАХАЧ-КАЛА отправлена 0-05 26.IX 1937 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 26.IX 1937 г. 9 м. 20 Вх. № 2063/III

Самурский

МОСКВА ЦК ВКП(б) т.СТАЛИНУ,

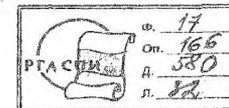
Следствие органов НКВД показывает, что лимит для беглых кулаков и антисоветских элементов недостаточен, что выдвигает необходимость увеличения лимита по обеим категориям. Дагобком просит увеличить лимит первой категории вместо установленного ЦК ВКП(б) 10 июля с.г. 600 до 1200 и второй категории вместо 2478 до 3300.

СЕКРЕТАРЬ ДАГОВКОМА САМУРСКИЙ.

Расшифрована. 26.IX 1937 г. в ч. 11 м. 50 Напечатано 3 экз. Чечулин

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ

1. Шифровка должна храниться только в секретной канцелярии.
2. При работе на текст шифротелеграммы допускается указывать, что шифровка текст, но при этом необходимо указывать и номер шифровки.
3. Текст на шифровке передается также в шифровочный аппарат (если переданного шифром) и должен храниться только в одном экземпляре: оригинал и дубликат по шифровочному аппарату.

Количество осужденных за время с 1 октября 1936г. по 1 июля 1938г.
по характеру преступления

	Всего исполнено решений	Осуждено												Освобождено	Кассационный							
		ВМН		ВМН с заменой заключенным			ИТЛ						Высылка и высылка			Прочие меры						
		ВМН	заме- нен	до 25 лет	до 20 лет	до 15 лет	до 10 лет	до 5 лет	до 3 лет	Высылка за пределы СССР	Высылка внутри СССР	Высылка с прекр.										
Общее число осужденных	1135078	49,0	556259	398	253	463	1401	13495	7968	252	537	2290	447459	43233	25701	9054	2896	1539	10802	11078	5547	
По приказу №00447	690460	331456	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	349875	3815	221	-	15	5	463	1143	196	
В том числе:																						
Бывших кулаков	367702	49,4	181654	-	-	-	1041	148	104	-	-	182826	1661	8	2	2	2	2	176	184	66	
Уголовников	122534	32,3	39645	-	-	-	149	-	-	-	-	66%	81924	640	24	-	-	-	92	60	53	
Прочих контрреволюционных элементов	200224	55,0	110157	-	-	-	2127	2	-	-	-	85125	1514	189	13	3	3	3	195	899	77	

Начальник 1 спецотдела НКВД СССР ст.майор госбезопасности Шапиро
Начальник 5 отделения ст.лейтенант госбезопасности Кремнев

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 572. Л. 36-43, 46-48, 55, 69. Подлинник.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные опубликованные источники

- 1.1. Али-Хаджи Акушинский шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Документы и материалы. Махачкала. 1998.
- 1.2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. №3; 1990. №34.
- 1.3. Декреты Советской власти. Т.1. (25 октября 1917г. – 16 марта 1918г.). М., 1957.
- 1.4. Законодательство о религиозных культах. Сборник документов и материалов. Изд. 2-е, доп. М., 1971.
- 1.5. Источник. Документы русской истории. Вестник архива Президента РФ. 1990. №1; 1995. №1.
- 1.6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е испр. И доп. Т.3. М., 1984;
- 1.7. Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР. 1927-1940гг. в 2-х томах. Ч.1. Махачкала. 1976; ч.II. Махачкала. 1976.
- 1.8. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане. 1927-1940гг. Махачкала. 2007.
- 1.9. Люди и судьбы. Заявления и письма репрессированных в 30-е годы. Махачкала. 1996.
- 1.10. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов XXв. М., 1991.
- 1.11. Революционные комитеты Дагестана (март 1920г. – декабрь 1921г.). Махачкала. 1960.
- 1.12. Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала. 2001.
- 1.13. Репрессии 30-х годов в Дагестане. (Документы и материалы). Махачкала. 1997.
- 1.14. Республика Дагестан: административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. 90-е годы XXв.). Махачкала. 2001.
- 1.15. Россия. XX век. Документы. Сталин – ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922- декабрь 1936. М., 2003.
- 1.16. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД 1918-1939. Документы и материалы в 4-х томах. Т.1. 1918-1922. М., 2000; Т.2. 1923-1929. М., 2000; Т.3. Кн.1. 1930-1931. М., 2003; Т.3. Кн.2. 1932-1934. М., 2005.
- 1.17. XIV съезд ВКП (б). 18-31 декабря 1925г. Стенографический отчет. М-Л. 1926.

- 1.18. XVI съезд ВКП (б). 26 июня-13 июля 1930г. Стенографический отчет. М., 1934.
- 1.19. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) 1923- 1938 гг. В 3-х томах. Т.3. 1928-1938. М., 2007.
- 1.20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939; Т.1. май 1927- ноябрь 1929. М., 1999; Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930. М., 2000; Т.3. Конец 1930-1933. М., 2001; Т.4. 1934-1936. М., 2002; Т.5. Кн.1. 1937. М., 2004; Т.5. Кн.2. 1938-1939. М., 2006.
- 1.21. УК РСФСР. М., 1929. С.с. 66-69.

II. Архивные источники

- 2.1. Архив ФСБ по РД. ФРМ
- 2.2. РГАСПИ. Ф.17 – Северо-Кавказский крайком КПСС.
Ф. 65. Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б)
- 2.3. ЦА ФСБ. Ф. 660.
- 2.4. Центральный Государственный архив Республики Дагестан.
(ЦГА РД)
- а) Советские фонды
 - Ф. Р-4 - Революционные комитеты Дагестана
 - Ф. Р-182 - Шариатский отдел наркомата юстиции ДАССР
 - Ф. Р-209 - Кюрийский окружной революционный комитет
 - Ф. Р-356 - Кулинский сельский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Лакского района
 - Ф. Р-564 - Комиссия по делам култов при Президиуме ДагЦИК
 - Ф. Р-800 - Информационные сводки ОГПУ.
- б) Партийные фонды
 - Ф. 1-п - Дагестанский обком ВКП (б), КПСС.
 - Ф. 3-п - Махачкалинский горком КПСС.

III. Литература

- 3.1. Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала. 1959.
- 3.2. Агаев А.Г. Нажмутдин Самурский. Политический портрет. Махачкала. 1990.
- 3.3. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется. М., 1992.
- 3.4. Бабаев А-М.Б. Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XXв. Махачкала. 2007.
- 3.5. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990.
- 3.6. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

- 3.7. Гаджиев С.М. Пути преодоления идеологии ислама. Махачкала. 1963.
- 3.8. Грошев И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967.
- 3.9. Даниялов А.Д. Строительство социализма в Дагестане. 1921-1940гг. (Узловые проблемы). М., 1975.
- 3.10. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
- 3.11. История Дагестана. Т.3. М., 1968; Т.4. М., 1969.
- 3.12. Киров С.М. Избранные статьи и речи. ОГИЗ. 1939.
- 3.13. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1992.
- 3.14. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.12. С. 96; Т.43. С. 200; Т.54. С. 195.
- 3.15. Магомедов М.А., Гаджиев М.М. Шариат и его распространение в Дагестане. М., 1996.
- 3.16. Магомедов М.З. Социализм и судьбы горцев. Махачкала. 1976.
- 3.17. Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменность народов Дагестана в культурной революции. Махачкала. 1971.
- 3.18. Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-е годы. Махачкала. 1997.
- 3.19. Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань. 2002.
- 3.20. Османов А.И. Ликвидация кулачества как класса. Махачкала. 1972.
- 3.21. Очерки истории Дагестана. Т.2. Махачкала. 1957.
- 3.22. Сталин К.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. ОГИЗ. 1943.
- 3.23. Сталин И.В. Соч., Т.4., С.362» Т.11., С.63; Т.12, С. 118-135.
- 3.24. Сулейманов С.И. Книга памяти жертв политических репрессий 20-50-х годов XXв. в Дагестане. Т.1. Махачкала. 2007; Т.2. Махачкала. 2009.
- 3.25. Ханбабаев К.М. Нажмутдин Самурский – видный общественно-политический и государственный деятель Дагестана. Махачкала. 2007.
- 3.26. Чайанов А.В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919.

IV. Статьи

- 4.1. Агаев А.Г. Беззакония 30-х годов: истоки, механизмы, последствия. // Советский Дагестан. 1988. №2. С. 19-28.
- 4.2. Алискеров И.Ш. Влияние религиозных и этнических факторов на военно-политическую обстановку на Северном Кавказе в годы ВОВ (1941-1945гг.) // Региональные организации Советского Союза в годы ВОВ. М., 1995.
- 4.3. Дугин А. «Сталинизм» : легенды и факты // Слово. 1990. №7.

Научное издание

Какагасанов Гаджикурбан Ибрагимович

**Социальные противоречия в дагестанском
обществе в 20-50-е годы XXв.**

(Историко-документальное исследование)

Подписано в печать 20.12.2010г.

Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 15. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ, ИП Овчинников М.А.
Тел.: +7-928-264-88-64, +7-903-477-55-64, +7-988-2000-164

ISBN 978-5-904017-82-8

9 785904 017828